

ТРАДИЦИИ и современность

№24 • научный православный журнал ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ • 2020

Служба
Во время гвѣтелства, ѿ престѣтїна прѣсныа
смертї.
На проскомїдїи.
Гдї Іисе Хрѣте Бже нашъ, прїими жертеѡ сїю во
оставленїе грѣхѡвѡ, насѡ грѣшныхъ и недостѡйныхъ
рабѡвѡ твоїхъ, беззаконїи нашими твою бжгость
прогнебавшихъ, и бжгдѣтробїе твоѡ раздражившихъ,
и не вниди въ сѡдѡ съ рабы твоїми, но ѡврати
страшный гнѣвѡ твою праведно на ны двїжимыи,
пѣтми гвѣтелное преценїе, и оустѡви грозный твою
мечь невидимѡ безгодно съквѣщїи насѡ, и пощадї
мїщїхъ и оубѡгїхъ рабѡвѡ твоїхъ, и не затвори въ
смертї дшїхъ нашихъ, въ покаанїи, сокрѡшенныи
срдценѡ, и со слезами къ тебѣ мїрдомѡ, бжгдѣтл-
вомѡ, и бжгпрепїнїтелномѡ Бгѡвѡ нашемѡ припа-
дающїхъ.
Въ началѣ бжтвенныа мїтѡргїи, въ ектенїи г. ѡ.
По ѡ плавяющїхъ:

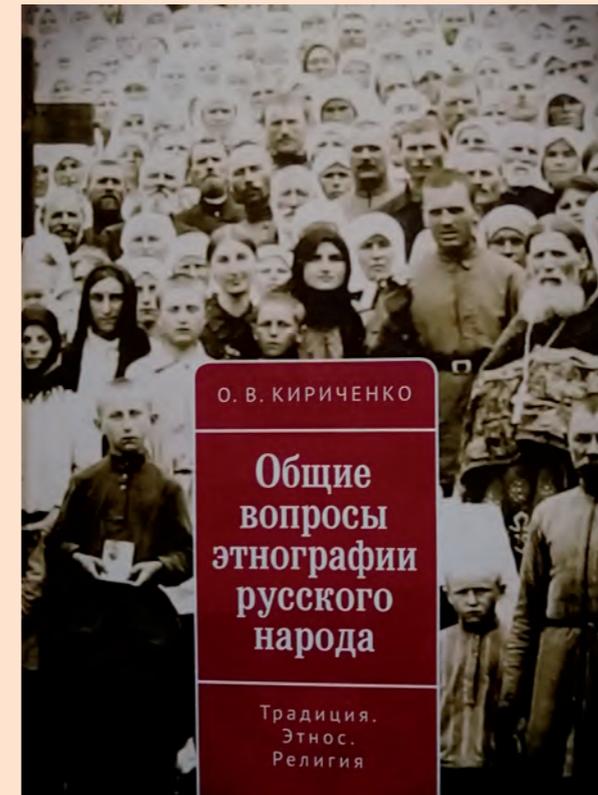
НАУЧНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ
ЭТНОГРАФИЯ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПЕДАГОГИКА
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

К сведению читателей!

Вышел в свет фундаментальный труд русского этнографа и историка Кириченко О.В. «Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия» (СПб.: Алетейя, 2020. 958 с.). Книга представляет собой итог многолетних научных исследований автора, опирающихся на новые этнографические (полевые и архивные) и исторические источники, и ставит задачу возвращения к традиции отечественной научной школы, рассматривающей русскую народную традицию с аутентичных ей мировоззренческих позиций.

Монография посвящена комплексному теоретическому исследованию этнической природы русских, русского народа – вопросам традиции, этнической культуры и религиозной природы этничности. Автор отказывается от либеральной западной парадигмы, на которой во многом строится и современная российская этнологическая школа, опирающейся на условно субъективный характер этничности, делающей ее пассивным материалом для произвольного конструирования этноса. В представленной теоретической модели этничность связана с коллективной природой этноса (народа), его

единичностью и уникальностью, позволяющей ему в целостности и единстве двигаться в историческом пространстве и времени как самостоятельной личности, целиком отвечающей за все происходящее с ней. Общая этническая история русского народа еще мало исследована, в том числе в ее соотношении с историей политической (государственной) и культурной.

Сайт журнала

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научный православный журнал

Приглашаем посетить сайт нашего журнала.

В разделе «Архив» вы можете ознакомиться со всеми выпусками. В раздел «Библиотека» мы помещаем аннотации книг, интересных ученым, занимающимся изучением православной культуры. Раздел «Мероприятия: семинары и конференции» знакомит с собраниями исследователей, работающих по нашей тематике в разных регионах России. Раздел «Экспедиции — наша жизнь» предназначен для размещения заметок и впечатлений о научных экспедициях разных лет по изучению традиционной культуры русского народа.

На сайте можно увидеть и общую информацию о журнале, его редколлегии и авторах.

Адрес сайта: <http://naukapravoroslavie.ru>.

Почта сайта: kirichenko_ov@iea.ras.ru; tradsovr2019@mail.ru

№ 24 (сплошная нумерация)

2020

научный православный журнал

ТРАДИЦИИ и современность

Содержание

ТЕОРИИ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

КИРИЧЕНКО О.В.

ДУХОВНОЕ ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОГО СТРОЯ НА ИЕРАРХОВ И ДУХОВЕНСТВО В 1960-е – 1980-е ГОДЫ 3

ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЛОВЬЕВА Л.Т.

КРЕЩЕНИЕ ГРУЗИИ: НАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА 19

АРУТЮНЯН Г. Э.

СУТОЧНЫЙ КРУГ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ: СТРУКТУРА ЕЕ ЛИТУРГИИ И СВЯЗЬ С ВИЗАНТИЙСКИМИ ЛИТУРГИЯМИ..... 33

ШЛЯХТИНА Н. В.

ОТНОШЕНИЕ К НИЩИМ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ 40

МАТВЕЕВ О. В.

«ТУШАТ ЗАЖЕННУЮ У ИКОНЫ СВЕЧУ И СМОТРЯТ...»: ИЗ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СТАНИЧНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ 63

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

ЛЮБОМУДРОВ А. М. Подготовка публикации и предисловие.

«НОВЫЙ, ТИХИЙ И УЕДИНЕННЫЙ ПУТЬ ЦЕРКВИ». ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАЛОИЗВЕСТНЫХ ОЧЕРКАХ БОРИСА ЗАЙЦЕВА 79

КИРИЧЕНКО О.В. Подготовка публикации и предисловие.

«МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»: ВОСПОМИНАНИЯ ВАЛЕНТИНЫ АНДРЕЕВНЫ ЗВОНКОВОЙ 98

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

ВДОВИН А.И.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: КИРИЧЕНКО О. В. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ РУССКОГО НАРОДА. ТРАДИЦИЯ. ЭТНОС. РЕЛИГИЯ. – СПБ.: АЛТЕЙЯ, 2020. – 958 С. 133

КИРИЧЕНКО О.В.

СЕМИНАР «ПРАВОСЛАВИЕ, ЭТНОС И РУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА». КРАТКИЙ ОБЗОР 20 ЛЕТ РАБОТЫ 137

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российская академия наук

На 1 стр. обложки:

«Празднование Христова Воскресения в домашних условиях в условиях пандемии 2020 г.»
Фото Г.А. Романова

На 4 стр. обложки:

«Празднование Христова Воскресения в домашних условиях в условиях пандемии 2020 г.»
Фото Г.А. Романова

Журнал издается на средства учредителей и благотворителей

Издатель	
Коллектив редколлегии	Макетирование и верстка А.К. Беспалов
Редколлегия	
О. В. Кириченко, <i>доктор исторических наук</i> главный редактор Г. А. Романов, <i>кандидат исторических наук</i> заместитель главного редактора Л.Л. Шавинская, <i>кандидат филологических наук</i> И. В. Спасенкова, <i>кандидат исторических наук</i> Н.А. Шушвал, <i>кандидат исторических наук</i>	Адрес сайта журнала http://naukapravoroslavie.ru
Редакция	Адрес редакции 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, комн. 1913 Тел.: 8 (495) 954-74-46, (+7) 916-304-46-27 E-mail: : kirichenko_ov@iea.ras.ru tradsivr2019@mail.ru
Л. Т. Соловьева, <i>кандидат исторических наук</i> научный редактор Н. В. Шляхтина, секретарь	
Эксперты	
Ю. А. Лабынцев, <i>доктор филологических наук</i> В. М. Меньшиков, <i>доктор педагогических наук</i>	М. А. Некрасова, <i>академик РАН, доктор искусствоведческих наук</i>
Свидетельство о регистрации в Роскомнадзоре: ПИ № 77-17325 от 06.02.2004 г. ISSN печатной версии: 2687-1122 ISSN электронной версии: 2687-119X Лицензионный договор с РИНЦ: № 258-07/2020 от 06.07.2020 г.	
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Традиции и современность» обязательна	

ТЕОРИИ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

©2020 О.В. Кириченко
Москва, Россия

ДУХОВНОЕ ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОГО СТРОЯ НА ИЕРАРХОВ И ДУХОВЕНСТВО В 1960-е – 1980-е ГОДЫ

Аннотация. Статья посвящена малоизученному явлению – церковному инакомыслию, которое было порождено влиянием «советской духовности» не только на общество, но и на Церковь. Автор ставит проблему инакомыслия и диссидентства как явлений, выросших в недрах высшей советской номенклатуры и потом уже распространившихся на низшие слои, затронувшие и церковную среду. Апелляция к Западу, как к третейскому судье, была закономерным явлением советской действительности, что требует научной проработки и объяснения.

Ключевые слова: советская духовность, церковное инакомыслие, диссидентство, иерархия, сельское духовенство.

Abstract. The article is devoted to a little-studied phenomenon – church dissent, which was generated by the influence of “Soviet spirituality” not only on society, but also on the Church. The author poses the problem of dissent and dissidentism as phenomena that grew up in the the higher Soviet nomenclature and then spread to the lower layers, affecting the church environment. An appeal to the West as an arbitrator was a natural phenomenon of Soviet reality, which requires scientific study and explanation.

Key words: soviet spirituality, church dissidentism and dissent, Russian Orthodox Church, priests, bishops.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-09-00196

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) – главный научный сотрудник ИЭА РАН, доктор исторических наук, главный редактор научного православного журнала «Традиции и современность» / kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 3-18.

ISSN 2687-1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК - 2.21.215

ББК - 86.372.7

*Порождение церковного инакомыслия
и диссидентства*

В годы политической оттепели, длившейся, как принято считать, со второй половины 1950-х до середины 1960-х годов, т.е. в годы правления Н.С. Хрущева, возникает такое явление, как диссидентство, в том числе и церковное. Тогда в СССР и за рубежом стали известны имена священников - Н. Эшлимана, А. Меня, Г. Якунина, Н. Ведерникова, Н. Злобина, М. Дудко. Все это были, в основном, люди столичного или территориально близкого к столице круга, тесно связанные с политическим инакомыслием, близкие к политическим реформаторам из светской среды, научной и художественной. О столичных диссидентах написано не так много, но их позиция ясна, как ясна и биографическая канва, с последующей эстафетой их к диссидентам более позднего времени [1]. Нельзя не видеть, что эпоха 1960-х годов для Церкви стала своего рода реакцией на хрущевскую оттепель, начавшуюся с жесткой критики сталинской эпохи, однако не затронувшей тогда церковного вопроса в годы гонений. Тема эта еще не получила должного научного освещения, думается, в силу очень непростой конфигурации действий со стороны Церкви, как несомненно более сложной системы по сравнению с государством. Одно пока очевидно: в Церкви было несколько сил, по-своему отреагировавших на неожиданный акт свободомыслия советского государства. По сути, первым диссидентом оказалось само руководство советского государства, потому что оно в лице Н.С. Хрущева не только вынесло свой обличительный вердикт суровостям сталинского времени, но и апеллировало при этом главным образом не к своим гражданам, а к своему идеологическому противнику - внешнему миру, буржуазному Западу, в лице Европы и главным образом США. Хрущев не столько сообщал Западу о культе личности, сколько просил Запад рассудить его со Сталиным. Это был для советского руководителя, по сути, чисто диссидентский шаг! Нельзя не понимать, что главной мотивацией для Никиты Сергеевича (если иметь в виду внешнеполитический фактор в качестве главной его цели) было возвращение страны в то состояние, которое она имела на короткое время при Сталине после великой Победы над фашизмом, пользуясь славой и «административным ресурсом» страны победительницы. Сидеть за одним столом на равных с Рузвельтом и Черчиллем, обсуждать судьбы мира с глаз на глаз - было главнейшим заво-

еванием Сталина, верхом его международных успехов. Это было мировое признание успехов не только советского строя, но и его руководителя. И это величайшее достижение, как, судя по всему, считал Хрущев, было разрушено по вине Сталина (!), который продолжал внутри страны политику репрессий, в результате чего СССР в одночасье потерял то главное, что принесла победа в войне - нравственный авторитет, дававший право на триумvirат первых держав, предваряющий все другие формы коллективного властвования, включая ООН. Из-за просчетов Сталина страна и партия лишались заслуженных лавров, из-за чего и сам Хрущев вынужден был довольствоваться только уровнем хозяина социалистической системы. Таким образом, разоблачение культа личности Сталина, с точки зрения «первого диссидента» Хрущева, должно было вернуть утерянное доверие Запада и поставить СССР и ее руководителя опять в прежнее положение. Такова, на наш взгляд, реальная мотивация хрущевских разоблачений Сталина на XX съезде.

Из этого будем исходить и мы при анализе церковной ситуации. Хотя выступление Н.С. Хрущева на XX съезде партии имело не совсем открытый характер, поскольку оно не было адресовано всему советскому обществу, в том числе и Церкви (а только партии и внешнему миру), очевидно то, что без определенного включения и общества и Церкви в эту большую игру партии было не обойтись. Полускрытый характер (для общества и Церкви) хрущевских откровений о Сталине принес весьма интересные плоды: ни в обществе, ни в Церкви не было выработано единого мнения, единой точки зрения в ответ на правду XX съезда; общество и Церковь разбились на течения, в которых по-разному трактовались революционные высказывания Хрущева. Точнее сказать, этих течений было два: а) с апелляцией оппозиционеров к внутреннему общественному мнению (инакомыслие); б) с апелляцией к зарубежному общественному мнению (диссидентство). Диссидентство, как апелляция к внешнему миру (и светская, и церковная), появилось, очевидно, позже, только после осознания в обществе и Церкви того, что правда о культе личности Сталина нужна не только внутри страны, но в еще большей степени - за рубежом. Причем, не за социалистическим, а за капиталистическим рубежом. Кроме *диссидентства* возникли различные формы советского и несоветского *инакомыслия*. В Церкви это инакомыслие тоже было разным: про-советским и не-советским.

В данном случае нас интересует про-советское церковное инакомыслие, в котором правда о Церкви в годы сталинских гонений совмещалась с утопичными взглядами единства целей Церкви и государства в СССР. Изучение этого почти не изученного явления тем более важно, что оно занимало гораздо меньший сегмент в доле инакомыслия, где несоветское (не путать с антисоветским, диссидентским) было определяющим. Ведь *не-советское* инакомыслие являлось, по сути, традиционным для Церкви мировоззрением, где духовные цели Церкви и церковных людей определялись учением Церкви и особым ритмом ее жизни, а не злобой дня. Итак, в статье речь пойдет о *советском* (!) церковном инакомыслии недиссидентского характера. Было и другое - *не-советское инакомыслие*, означавшее не антисоветское, оппозиционное советскому, а лишь отрицающее (духовно и нравственно) вхождение (насильственное или какое-либо другое) светских начал в церковную жизнь. С ненасильственным вхождением светскости в церковный мир (что было характерно для синодального, имперского периода) она как могла боролась, но без демаршей и ультиматумов государственной власти. Во многом же смирялась, считая более важным положительное отношение православного монарха к делу духовного просвещения русского и других народов империи. Тем не менее инакомыслие как ответственность (в том числе личная) за несоответствие идеалу существовало и тогда. В советский же период, когда возобладало насильственное внедрение атеистической, воинствующей светскости в церковный мир, уровень и глубина церковного (не-советского уже) инакомыслия возросли. Но опять же, даже в это суровое время инакомыслие отталкивалось «от идеала», а не призывало к борьбе с воинствующей светскостью.

Поначалу коснемся истоков появления в церковной среде этого явления. Недиссидентское инакомыслие появилось, на наш взгляд, как ответ на участие церковных иерархов в 1960-е годы и далее во внешнецерковной деятельности, главным образом экуменического характера, поставившей Церковь в глазах всего мира в новое положение - самостоятельного субъекта права. В послевоенные годы, впервые после 1917 г. Церковь, хотя и на «птичьих правах», была выведена государством за скобки внутреннего «бесправного субъекта» советского права и поставлена на один уровень со всемогущим советским государством (внешнеполитический и внешнецерковный уровень это

позволял). Это началось уже в какой-то степени при Сталине сразу после войны (даже чуть раньше), но тогда церковная дипломатия помогала сталинскому государству решать другие, более масштабные задачи - послевоенного переустройства мира. Хрущев же сузил круг этих задач до одной: возвращение СССР и ее вождю роли главного партнера ведущих западных держав и ее руководителей. Церковная дипломатия должна была осуществить ту деликатную миссию, которую самому государственному ведомству было не выполнить, поскольку только косвенный, не лобовой, путь атаки на западную дипломатию мог вывести советский государственный корабль на необходимую орбиту прямых политических контактов с ведущими западными лидерами. Церковь, таким образом, втягивалась в сферу легального государственного диссидентства (оппозиции по отношению к своему же, недавнему советскому прошлому и лидерам советского строя в тот период), и внешнецерковная миссия должна была быть, по сути, диссидентской миссией, продолжением хрущевского государственного диссидентства. Поначалу, как известно, она была возложена в Церкви на митрополита Николая (Ярушевича), руководителя отдела внешних церковных сношений (ОВЦС), но с ним произошли необъяснимые метаморфозы, причем уже при Хрущеве, хотя митрополит руководил отделом с 1946 г.; владыка стал вдруг действовать не только как внешнецерковный диссидент, но и как церковный оппонент власти, пеняя ей на повторение церковных гонений, за что был отстранен от этой деятельности, а на его место назначен молодой энергичный хиротонисанный во епископа архимандрит Никодим (Ротов). ОВЦС был создан 4 апреля 1946 г. С этого года и до 1960 г. им руководил митрополит Николай, с 1959 г. заместителем у него стал архимандрит Никодим (Ротов), с 21 июня 1960 г. занимавший пост руководителя ОВЦС, вплоть до своей кончины в августе 1978 г.

В лице митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима не только Церковь, но и советское государство нашло необходимого и способного человека для решения поставленных церковных и государственных дипломатических задач. Владыка Никодим выполнял эту трудную работу не за страх, а за совесть, поскольку видел в ней укрепление позиций РПЦ не только за пределами СССР, но и особенно внутри страны, поскольку «шестилетняя война» Хрущева против Церкви (1958 -1964) странным образом совмещалась с использованием РПЦ

как посла доброй воли на международной арене. Владыка Никодим сразу же взял на вооружение любые международные межцерковные форумы как средство защиты внутрицерковной деятельности. Сегодня признается, что международная деятельность митрополита Никодима (Ротова) была успешной, он «завоевал для Церкви ключевые международные позиции... Московский Патриархат вышел из изоляции и стал частью международного сообщества» [2, с. 154-155]. Эксперты считают, что на дипломатическом поприще митрополит переиграл советских функционеров-дипломатов [3, с. 154-155, 207], действуя более энергично, творчески и масштабно. Но также можно считать успешной и его государственную миссию, ведь, в конечном счете, Н.С. Хрущев прибыл в США с государственным визитом и успех его поездки был оглушительным; с другой стороны, РПЦ благодаря приобретенному международному авторитету создала противовес для сдерживания давления на нее воинствующего атеизма внутри страны.

Но почему тогда внешнеполитическая деятельность РПЦ обречена была на диссидентскую деятельность и в чем она состояла? Такой вектор был определен ей государством. Поскольку советское государство допустило Церковь до внешней политики, оно и определяло круг ее компетенций. Если для Хрущева диссидентство - апелляция к международному (западному) сообществу с целью приглашения его быть судьей между ним и Сталиным - было главной целью, то и Церковь следовала в фарватере этого целеполагания. Однако, несамостоятельность Церкви не позволяла ей самой определять сам предмет ее диссидентских интересов, эту компетенцию ей выбрало государство. И оно предпочло предложить Церкви вместо судебных тяжб со Сталиным по поводу гонений на Церковь (разве мог Хрущев разрешить обсуждать Церкви такую невыгодную и опасную для государства тему?!) другую тему, а именно - тему межцерковного мира, тему экуменических контактов. При этом РПЦ должна была, забыв былые обиды и былые претензии к католикам и протестантам, идти договариваться о контактах по поводу злободневных вопросов современности: «о мире во всем мире», о колониализме, о расизме, о молодежи, болезнях и бедности и множестве других социальных, этнических и культурных проблем. Внешнецерковная жизнь РПЦ не была ориентирована на сугубо церковные цели; здесь не было миссионерства, апостоль-

ства, исповедничества, был лишь голый прагматичный расчет, позволяющий за счет этой деятельности - диссидентской по отношению к внутренней (в стране) Церкви - решать часть важных внутренних церковных задач, сохранения церковных институтов в годы нового витка гонений. В этом контексте подобное церковное диссидентство не было стихийным, хаотичным, решающим личные задачи конкретного церковного диссидента. Деятельность митрополита Никодима (Ротова) решала все общецерковные задачи, а не его личные, карьерные или близкие к тому. Поэтому эта деятельность имела определенное высшее оправдание, во всяком случае, на том этапе, когда при Хрущеве происходила шестилетняя (1958-1964) новая война государства с Церковью. Приходится сомневаться, однако, что эта экуменическая деятельность имела такое же высшее оправдание на более позднем этапе, в период правления Л.И. Брежнева, вплоть до 1978 г. - времени кончины митрополита Никодима. Между тем как во второй период (1964-1978) происходило все самое важное и главное, что мы связываем с церковной деятельностью митрополита Никодима на международной арене. Это участие в двух проектах: а) проекте по гораздо большему единению Православного мира (Поместных Церквей) на основе его унификации; б) проект по установлению тесных контактов с Ватиканом, с целью постепенного преодоления разрыва между Вселенской Православной Церковью и Католической. Вопросы единения Поместных Церквей должен был решать Вселенский православный собор, инициатором проведения которого выступила Русская Православная Церковь. Идея Вселенского собора впервые начинает обсуждаться с сентября 1961 г., после проведения всеправославного совещания на острове Родос; тогда был обозначен круг из восьми тем будущего собора: «Вера и догмат», «Богослужение», «Управление и церковный строй», «Взаимоотношения между Православными Церквями», «Взаимоотношения Православной Церкви с остальным христианским миром», «Православие в мире», «Общегословские темы», «Социальные проблемы». Со стороны РПЦ подготовку к собору осуществлял владыка Никодим как глава комиссии (из 25 человек, разделенных на 8 групп) богословов при Священном Синоде. В рамках этой деятельности под руководством архиепископа Никодима и профессора Д.П. Огицкого был составлен важнейший в глазах владыки Никодима документ - проект канонического кодекса Православной Кафолической Церкви,

направленный на унификацию Вселенского Православия и уничтожение барьеров, разделяющих Поместные Церкви [4, с. 262]. Комиссия закончила работу в конце 1967 г., а в марте 1969 г. Синод РПЦ одобрил мнение комиссии и утвердил его как собственное мнение [5, с. 256]. Однако в материалах этой комиссии не все было удовлетворительно для той части церковно-священнического общества РПЦ, которую мы отнесли к традиционалистам. Нам известен один такой пример. Протоиерей Михаил Труханов в эти годы готовил свой отклик на важнейший вопрос, вопрос о посте, который в материалах комиссии решался в сторону его послабления. Им был подготовлен труд «Апология христианского поста» и в машинописном виде передан владыке Филарету (Вахромееву), с которым у священника были контакты; о. Михаил занимался для него переводами зарубежной, англоязычной, в основном, протестантской богословской литературы. Владыка Филарет, со слов прот. Михаила, поддержал священника: «Как вовремя, батюшка, вы написали эту книгу, сейчас отнесу ее Патриарху» [6, с. 30-31]. В этой богословской работе утверждалось достоинство поста как важнейшей дисциплины и заповеди Божьей для Церкви, решался вопрос о связи поста со всеми сторонами церковной жизни. От протоиерея Михаила и мне доводилось слышать, что были и другие критические отзывы на деятельность синодальной комиссии по сформулированным ею отдельным вопросам: по проблемам церковного календаря, языка богослужения, второбрачности духовенства и вопросам поста. Так, он говорил, что «участники Предсоборного совещания получили телеграмму от старцев Афона, которые категорически заявили, что если будет принято решение об отмене постов, то в Церкви будет новый раскол» [7, с. 31]. Очевидно, что консервативная часть РПЦ была в эти годы еще достаточно едина в своем мнении и это было мнение значительной части духовенства и, возможно, епископата. Во всяком случае, проект созыва Вселенского собора на подготовленной платформе был весьма непопулярен в широкой священнической среде, и это мнение, конечно, уходило и в народ, который тоже был настороже святоотеческого наследия. Не углубляясь более в содержательную сторону этих споров, хотелось бы подчеркнуть, что для всех компетентных тогда консервативных сил церковной России очевиден был модернистский характер предложенных проектов. И этот модернизм был порожден ничем иным, как только диссидент-

ской мотивацией всех (а не только советских) ее главных участников. Нельзя не признать, что это было общее поражение церковных сил, которым разрешили действовать на международном уровне, но на диссидентских условиях, т.е. критического отношения к собственной православной традиции. И это главная причина, на наш взгляд, того, что Вселенский собор так и не состоялся. Бог, поддерживая ревнителей святоотеческого наследия и канонов, не допустил тогда свершиться этому отступлению.

Другое направление международной деятельности РПЦ, реализуемое митрополитом Никодимом, касалось сближения с католичеством. На эту стезю, заметим, РПЦ вывел сам руководитель СССР - Н.С. Хрущев, которому нужны были прямые контакты с Ватиканом [8, с. 188-191]. Вот круг претензий к митрополиту Никодиму со стороны консервативной церковной мысли: «Владыка желал евхаристического единства с Римом. Синод в 1971 г. по его представлению принимает решение о допущении в необходимых случаях латинян ко Святому Причащению. С этого времени распространяется практика “сослужения” римо-католических священнослужителей, облаченных в фелонь и епитрахиль, православным священникам во время Литургии, и совместного причащения их в алтаре. В храме духовной академии на переносном престоле, установленном перед Царскими Вратами, служили мессу. В свою очередь, владыка Никодим, бывая в Риме, часто служил в Успенском Русском католическом (восточного обряда) монастыре (по свидетельству матери Марии Донадео)» [9, с. 274]. В сфере духовного образования, находясь на Ленинградской кафедре, митрополит Никодим проводил активнейшую политику подготовки церковных кадров с учетом их будущих активных контактов с католиками: «Академия (Ленинградская. - О.К.) стала одним из центров нового экуменического направления в Церкви. Наиболее способных учеников владыка отправлял учиться в католические и протестантские богословские институты в Германии, Италии, Швейцарии. За время своего архиерейства владыка возглавил около пятидесяти епископских хиротоний, многие из новопоставленных также были отправлены в Западную Европу. Большинство из них были выпускниками Ленинградской Духовной Академии» [10, с. 275].

В очень кратком очерке, посвященном митрополиту Никодиму, Митрополит Питирим (Нечаев), также считавшийся оплотом консервативных сил в РПЦ, написал: «Он нанес

серьезный удар нашему традиционному благочестию» [11, с. 284]. Также владыка Питирим отмечает сугубое прокатолическое влечение этого иерарха: «куда всю жизнь стремился, там и окончил». При этом ни тот, ни другой архипастырь не сомневаются в искренности намерений «помочь Церкви» владыки Никодима.

Конечно, с точки зрения человеческой и даже церковной, митрополит Никодим не являлся нарочито злостным разрушителем церковных устоев; напротив, большинство людей, знавших его близко, видели в нем человека благочестивого, ценящего и богослужение, и молитву, и церковное благочестие; ревнивого и неустрашимого защитника Церкви от нападков уполномоченных, видящего свою цель в создании объективных механизмов, защищающих Церковь извне. И здесь важнейшую роль должны были играть все соединенные разного рода связями международные религиозные силы. Однако митрополит, горячо и неудержимо устремившийся в мир международной церковной политики, не думал, что путь государственного диссидентства, на который выводил страну Хрущев, это путь, навязываемый и Церкви; путь, таящий в себе губительные для страны опасности и разрушения. Для Церкви он был губителен тем, что не давал возможности остановиться на полпути, устраниться в нужный момент. Например, с отставкой Хрущева и сменой курса государства при Брежневле на более лояльный режим в отношении Церкви исчезла как таковая необходимость защищаться внешнецерковными средствами от опасности полного разрушения Церкви, на что нацеливал государство Хрущев. Но вектор был обозначен, он как будто открывал перед Церковью новые возможности, объединял новых участников и т.д. Митрополит Никодим с его искренней кипучей натурой становился заложником этого начавшегося движения вперед. Вот почему он продолжал с такой же энергией как раньше строить здание внешнецерковного мира РПЦ, уже не как средство защиты Церкви внутри страны, а как возможность решения глобальных проектов в церковной сфере. И чем больше владыка втягивался в область внешней церковной политики, тем больше условностей ему приходилось учитывать, потому что мир большой политики (тем более церковной) контролировался не участниками, а теми, кто господствовал в большой политике, ведь главным условием для допущения в большую политику было диссидентство – критическое отношение к собственной традиции. И владыка Никодим знал о правилах этой игры, но считал, что этот

компромисс не столь большая плата, если на кону стоит единство христианского мира. Так нам видится драматургия и трагедия (для Церкви и лично для митрополита Никодима) этого процесса. Более того, та кривая, что была обозначена в начале международной церковной деятельности митрополита Никодима, продолжала определять жизнь Русской Церкви и после неожиданной, но определенно символической кончины митрополита в Ватикане, на приеме у папы. Международная политика Церкви набирала силу, этот отдел становился в церковной структуре самым авторитетным и компетентным (не считая Синода), а задачи внешней политики все более начинали подчинять себе задачи внутренней жизни РПЦ. Так диссидентство сделалось механизмом удушения православной русской церковной традиции; удушения постепенного, но неумолимого. Неумолимого еще и потому, что Церковь вынуждена вести международную деятельность в тесном единстве с секулярным государством, также сильно зависимым от «международного мнения», международного политического олигархата. Двигаясь вперед вместе с секулярным государством, Церковь все время вынуждена находиться в русле глобалистского проекта, антихристианского по сути, а значит, условия ее присутствия в международной сфере становятся все жестче и все откровеннее мотивируются антихристианскими задачами. И эта международная калька должна все время набрасываться на мир церковный внутри России, подстраивая его под глобалистские планы.

Между тем анализ деятельности митрополита Никодима (Рогова) был бы несправедлив, если бы мы оценивали все им сделанное для Церкви с точки зрения «сначала хорошего, а потом плохого», когда «плохое» венчает все им сделанное. Мы не стали бы выносить свою окончательную оценку, потому что не нам взвешивать на весах деяния этого человека, архипастыря, искренне стремящегося сделать добро для Церкви. На первом – хрущевском – этапе своей деятельности владыка действовал в интересах спасения Церкви, когда положение ее во внутренней России было тяжелейшим, поскольку была поставлена вполне определенная задача ее уничтожения. И ничто Хрущеву не мешало это сделать, потому что был выбран иной, не сталинский подход – через репрессии, гонения, расстрелы, – а через шельмование духовенства и религии, через материальные рычаги экономического удушения, через закрытие и резкое сужение церковного пространства во

всем Союзе. С энергией Хрущева, его здоровьем, воинствующим атеизмом и широкими планами вполне возможно было загнать Церковь в катакомбы, разбить ее на сегменты, к чему все шло, скажем, в 1930-е годы. Нет сомнения в том, что затеянная Хрущевым, без Промысла Божия, игра, направленная на удовлетворение его честолюбия, как вождя, была неожиданно использована РПЦ, в лице владыки Никодима, для ограждения Церкви от грубых посягательств государства на сам факт ее существования. И поток прямых нападков на Церковь, действительно, ослабел, наступление стало более осмотрительным, медленным, не таким энергичным, Церковь благодаря экуменической деятельности получила немало союзников в разных странах, готовых замолвить на нее слово перед своим правительством. Что здесь перевешивает - сохранение Церкви от перемещения ее в катакомбы или экуменическая и прокатолическая деятельность митрополита, грозящая Церкви перерождением - судить не нам. Произошло нечто похожее, что началось еще при святейшем патриархе Тихоне, продолжилось при местоблюстителе и патриархе Сергии и касалось того, что русская эмиграция (в том числе церковная) обличала «сергианство», т.е. соглашательство Церкви с безбожной властью. Но одно можно сказать: в результате последнего внутри Русской Православной Церкви произошло размежевание; она невидимо глазу разделилась на консервативные и, условно говоря, «либеральные» силы. Можно предположить, что если бы Церковь загнали при Хрущеве в катакомбы, она бы не успела и не могла, находясь в экстраординарных условиях, разделиться на две части, и тогда бы ей действительно грозила серьезная беда. До сих пор в Русской Православной Церкви сохраняются все указанные следы завоеваний и поражений 1960-х - 1980-х годов.

Сказанное о церковных процессах «наверху» можно проиллюстрировать (и протестировать!) одним характерным примером инакомыслия священника, служившего в сельской местности в Липецкой обл. в 1960-е-1980-е годы, который по-своему отреагировал на перемены, происходящие на государственном и церковном Олимпе.

Церковное про-советское инакомыслие

Диссидентство и инакомыслие, как было отмечено, в церковной среде появились в период правления Н.С. Хрущева, как реакция (разная) на внезапно изменившуюся государственную

политику в отношении Церкви. Причем мы бы различали источники недовольства: если церковные диссиденты выражали свои претензии Московской патриархии, но как ответ, как реакцию на свободомыслие самой Патриархии в международных вопросах, то инакомыслящее духовенство и епископат в мягкой форме были настроены против государственной власти, недовольные резкими переменами в ее внутренней политике, касающейся Церкви. Если мы внимательно просмотрим материалы ЖМП за 1943-1954 годы, то увидим, насколько близко подошли церковные иерархи (и очевидно немалая часть духовенства) к идее благодарности Сталину и советской власти, даже партии за изменившееся с 1943 г. отношение к Церкви. За послевоенные годы, вплоть до кончины вождя, Церковь активно включалась в политическую, в том числе международную жизнь советского государства. Борьба за мир в условиях разворачивающейся холодной войны заставила государство активно использовать церковный ресурс, т.е. те возможности, которые предоставляло советское государство Церкви на международной арене. Но при этом и внутри страны Церковь включалась, хотя и осторожно, в политический процесс, направленный на поддержку неких «гражданских» (в том числе церковных) инициатив в пользу мира. Вот, допустим, мы читаем в номере за декабрь 1952 г. отчет о IV Всесоюзной конференции в защиту мира [12, с. 21-24]. Мероприятие проходит в Колонном зале Дома союзов. Делегаты со всего Советского Союза, ото всех национальностей, ото всех профессий и специализаций, в том числе в списке не забыт и «служитель алтаря». Не «поп», «мракобес», не безымянный архиерей или священник со светским именем, а человек равный простому рабочему, инженеру, врачу. Поражает и состав президиума, состоящий из «именитейших людей страны»: здесь весь цвет руководства РПЦ, а также представители других деноминаций, включая мусульман. Нет только представителей иудаизма. В словах церковного корреспондента нет и тени сомнения, что здесь только советские люди - люди, «напоенные радостной уверенностью», единые в своих целях и задачах, объединенные «свободным, одухотворенным, созидательным трудом» на благо страны. У всех них враг один - это агрессоры, те, кто хочет развязать новую войну.

Мы бы не стали относить этот журналистский оптимизм и риторику, наполненную высокопарными эпитетами только к условностям времени и обстоятельств. Много есть

свидетельств того, что люди, даже церковные искренне разделяли такие взгляды, искренне считали, что Церковь после войны вышла на дорогу единства и сотрудничества с государством; что теперь она и государство почти что в одной упряжке и нужно лишь немного времени, чтобы ситуация еще больше изменилась в сторону сотрудничества и даже единства. На этой волне жил и действовал тогда протоиерей Александр Дронов, о котором у нас и пойдет речь далее.

Священник Александр Васильевич Дронов родился в 1929 г. на хуторе Белянском Ростовской области, в семье священника, умершего в 1932 г. Со слов М.П. Шмелевой, его отец был арестован и умер в заключении, семья осталась без кормильца, Александр, как старший, вместе с матерью вынужден был нищенствовать; они «пели на крестьянских праздниках, прославляли Господа», потом мать была арестована и мальчик какое-то время нищенствовал один (сам плачет, а идет: «иду туда, где подадут, туда и тянулся». А где не подадут, туда и глаза не показываешь. На празднике церковном наберу кусочков и протяну еще время. Опять праздник, и снова иду прославлять Господа и просить милостыню, и опять люди подают), но кормил младших братьев Никифора и Василия [13], пока не был отправлен в детский дом. М.П. Шмелева уточняла, что после ареста матери о. Александр одно время находился у двух старших сестер в монастыре, пока там не настал голод и обитель не закрыли: «Ну, Саша, – сказали они, – у нас нечего есть, иди куда хочешь». И он пошел побираться. Часть уточняющих биографию сведений мы взяли из анкет, написанных о. Александром для уполномоченного. Это и точные даты, и пребывание в детском доме. В 1951 г. он поступил и в 1956 г. окончил Московскую духовную семинарию, откуда был призван в ряды Советской армии [14, с. 38]. Там была возможность ходить в храм и молиться, поскольку рядом с частью находилась церковь и можно было тайно туда бегать. «Налегке, в мороз, бегал туда, и никто ничего не говорил». Получил в армии физическую травму. После армии, однако, стал работать кузнецом, очевидно, не имея возможности сразу продолжить учебу. Но семинария была закончена успешно. В 1955 г. архиепископом Можайским Макарием (Даевым) был рукоположен в дьяконы, а в 1956 г. – во священника. После семинарии служил на приходах Ярославской, Тульской и Воронежской епархий. В 1962 г. экстерном сдал экзамены

за академический курс. В 1964 г. заочно закончил Московскую духовную академию. Первым местом служения была Тульская область (с 1956 по 1958 гг.), потом Ярославская; в феврале 1958 г. был перемещен в Липецкую область (Воронежская епархия), где служил сначала в Панино, откуда в 1962 г. и был направлен архиереем в с. Двуречки Грязинского р-на Липецкой обл. настоятелем Никольского храма. Служил здесь до 1980 г. (с кратковременными перемещениями и возвращением назад, например, в 1970 г. [15, л. 7]), пока не был отправлен за штат до конца жизни. Воспитывал вместе с женой Варварой пятерых детей (Нина, Ольга, Клавдия, Елена и Михаил) и одного приемного ребенка Петра, который позже стал священником. Священником также стал сын Михаил, а дочь Нина была пострижена в монашество с именем Сергия. Умер в Липецке в 1988 г. и был похоронен в с. Двуречки Липецкой обл., на местном кладбище [16, л. 64]. Привлек к себе особое внимание уполномоченного по делам религии Липецкой обл. после того, как 28 марта 1966 г. отправил открытое письмо XXIII съезду КПСС.

В статье будут приведены архивные, не опубликованные ранее данные, касающиеся не только протестной деятельности этого церковнослужителя, но и в целом – особенностей его пастырского служения как настоятеля храма, которые были получены нами в этнографической экспедиции, проводившейся в Липецкой области в начале 2000-х годов. Тогда нами были опрошены некоторые прихожане Никольского храма в с. Двуречки Грязевского р-на, трудившиеся под руководством о. Александра Дронова, в том числе его помощница Марфа Павловна Шмелева. Архивный материал был получен в основном из фонда Липецкого областного совета по делам РПЦ, находящегося в Липецком областном государственном архиве. Уполномоченный по делам РПЦ Липецкой области концентрировал у себя всю информацию по религиозной жизни региона; вел переписку с облисполкомом и райисполкомами, получал инструкции и информацию из Москвы, составлял для Москвы ежегодные отчеты, а порой и специальные записки по конкретному, нерядовому происшествию. Сохранился краткий некролог в ЖМП, где помещены самые общие сведения о священнике.

Священник Михаил Дронов попадает на особый счет к уполномоченному, когда на адрес XXIII съезда КПСС, проходившего в Москве в 1966 г., приходит его открытое письмо

с целой программой преобразований в области церковной. Письмо состоит из восьми машинописных листов, отправленных священником заказным письмом, которые после вернулись в Липецк из Москвы, с требованием к уполномоченному разобраться с ситуацией. Письмо было написано человеком, словно не испытывавшим ни малейшего страха за самые тяжкие обвинения, брошенные власти, а точнее даже – пребывающим в каком-то глубоко иллюзорном мире веры во власть, в ее справедливое начало, в ее способность откликнуться на искренний порыв рядового священника. На этой высокой ноте – жажды справедливости и надежды на ее удовлетворение – и был совершен этот необычный, экстраординарный для своего времени поступок. В качестве объяснения появления немногочисленной плеяды церковных диссидентов в середине 1960-х, как столичных, так и сельских, автор статьи будет исходить из той мысли, что данное явление возникло на волне не только разоблачений XX съезда, инициированных и озвученных Н.С. Хрущевым, но и более широкого явления, появившегося в партии в послевоенные годы. Это явление надо связывать с массовым возрождением религиозности в партийной среде, не исключая и высшие эшелоны власти [17, с. 58-71]. Мы считаем, что активизация новых масштабных гонений на Церковь, начатая Н.С. Хрущевым с 1958 г., была вызвана, в первую очередь, чуть ли ни паникой в высших партийных рядах, куда приходила информация о все более возрастающих темпах возрождения Церкви. Но не это было самым страшным для власти и партноменклатуры; еще более глубокий уровень обобщений, которые осуществляли профильные спецслужбы, выдавали наверх уже концентрированную информацию о причастности многих партработников (особенно в армии и партфункционеров на местах) к обрядовой жизни Церкви. О последнем нами высказывается лишь предположение (поскольку эти данные до сих пор засекречены), но опирающееся на многочисленные факты, которые фиксировали уполномоченные на местах, в разных регионах (например, Воронежской, Липецкой, Курской, Ростовской областях). На это же указывают опубликованные мемуары [18], воспоминания отдельных лиц, которые мы собрали в этнографических экспедициях. Словом, наша декларируемая позиция такова: церковное инакомыслие по отдельным вопросам – это даже не протест в его политическом, гражданском смысле, а своего рода *недоумение* тех священников, которые начали

жить в новой, послевоенной реальности и вдруг столкнулись опять с жестким сопротивлением Церкви со стороны власти. «Что случилось, – вопрошают они, – почему неожиданно вдруг поменялись правила игры, ведь Великая Отечественная война всех помирила, всем дала возможность жить равно свободно. Этот человеческий голос недоумения мы и фиксируем в данном случае. Голос крохотной части священнического сообщества, своего рода романтиков, поверивших в дело примирения царства Небесного и земного.

Священник Александр Дронов пишет открытое письмо съезду в конце марта 1966 г., т.е. через несколько месяцев после открытого письма священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина патриарху Алексию I (конец ноября 1965 г., с копией этого письма, отправленной ими же в государственные властные структуры). Несомненно, о. Александра Дронова подтолкнула решимость московских священников (Якунин тогда служил в Дмитрове) к поступку еще более резонансному; он обращается напрямую уже не к патриарху, а к власти, точнее к партии. И это было не случайно, а объяснялось особыми мировоззренческими установками священника. Начинается его письмо с цитат классиков марксизма-ленинизма, провозглашавших осуществление для народа подлинно счастливой и справедливой жизни [19, л. 15-22]. Священник восклицает, что слова классиков расходятся с делом, с жизненной реальностью («пора сделать, чтоб учение Маркса и Ленина в вопросе религии было не на бумаге только, но проведено было в жизнь»). Главная мысль, конечно, касается Церкви, репрессий в отношении нее со стороны государства. Время репрессий прошло, Советский Союз настолько укрепился, что смысла в насилии уже нет, «никакие религии и Церкви не смогут помешать его мощному развитию и материально-техническому подъему». В первые годы советской власти репрессии государства по отношению к Церкви еще можно было как-то оправдать (!), «то теперь никак нельзя согласиться на это».

Читая этот документ сейчас, понимаешь, что священник старался показать свое смирение в этом обращении, а не обличение или осуждение власти. Он называет себя «попом», а не священником, хотя к этому времени слово «поп» носило уже уничижительный характер в устах представителя советской власти. «Нам рядовым попам и простым верующим постоянно приходится встречаться с притеснениями религиозной совести». Может быть, этот прием

и заставил его *придумать* целую философию мирного сосуществования Церкви и партии. Хотя само понимание религии и веры отличается у автора глубиной и подлинностью учения Церкви. О. Александр обращает внимание на неагрессивность религии в СССР: «сейчас религия существует без поддержки капитала в бесклассовом обществе», т.е. рядом нет сил, которые бы провоцировали ее на борьбу. При этом религия, по сути своей, не агрессивна, она служит добру и красоте: «религия существует потому, что основа ее не в классовом обществе, а в самом человеке, в его сознании, проявляющемся у одних в стремлении к прекрасному искусству музыки, у других - к религиозности». Отсюда автор делает вывод, что религиозность является врожденным качеством, которое «никакая партия и политика не сможет победить... Государство может уничтожить Церковь как организацию, но религиозность у человека отнять не в силах. Эту силу религиозности... только организованная Церковь контролирует и направляет по определенному руслу». Положительная (для государства) роль Церкви и религии состоит в том, что они защищают людей «от скрытых, антиобщественных и изуверских сект». Вывод о. Александра красивый и логичный: «Религия - есть не просто учение... а особое внутреннее чувство, которое способно жить и в просвещенных умах». Но он не ставит здесь точку, задача его письма показать не просто красоту и объективность религиозной веры, но возможность мирного сосуществования ее с партийностью.

Логика этой мысли такова: противоположность и даже враждебность партии по отношению к религии может погасить только народ, потому что и религия, и партия искренне стараются для народа. Партия строит царство земное, а Церковь - рай на небе, но при этом не отвергает (!) земного рая. Пускай каждый делает свое дело и не покушается на дело другого. Так будут сохранены мир и согласие. А «государственные деньги — это деньги всего народа... государство не должно финансировать антирелигиозные общества». Автор письма все время ищет возможности опереться на те слова и лозунги, которые декларирует советская власть; так он говорит не просто о народе, а об обществе как одной большей семье, дружной и равноправной.

Тем не менее в последней части письма, там, где автор пытается свести концы с концами, он допускает серьезный и неоправданный просчет. Положение о том, что «Церковь, не

отказываясь от земного рая, вводит своих членов в инебесный рай», - является, конечно же, не церковным, поскольку Церковь никогда не провозглашала цели построения царства Божия на земле. Но что заставило о. Александра Дронова написать эти слова? Вот вопрос, который мы делаем главным в этой статье. Собрав о нем достаточно подробную информацию от людей, которые его близко знали, мы должны будем сделать однозначный вывод о сознательном или несознательном его заблуждении. Если речь идет о заблуждении, то - о мотивах заблуждения. Итак, будем всматриваться в эту личность с разных сторон: со стороны уполномоченного, епархиального епископа, наконец, прихожан, в том числе наиболее близких ему.

Еще до открытого письма в отчетах уполномоченного А. Калугина, подготовленных для Москвы, среди активных священников Воронежской епархии звучит имя о. Александра Дронова [20, л. 52]. Поскольку одному священнику трудно было служить каждый день, местом жительства он избрал областной центр г. Липецк, где им был куплен дом, а для поездок в село приобретен мотоцикл (позже подержанный автомобиль). Со слов М. П. Шмелевой, о. Александр чаще находился в селе, при храме, чем в Липецке. Здесь, в сторожке, он и ночевал; много занимался восстановлением храма. Он отгородил часть храма, провел туда отопление, сделав из него зимний храм. Восстановил полуразрушенную колокольню. В 1958 г. о. Александр обратился к уполномоченному А. Калугину с письмом-протестом на действия председателя сельского совета Чупракова из с. Лебяжьего, соседнего с селом Паниным. Последний «угрожал проучить священника, если он еще появится в Лебяжьем». Чупраков прилюдно оскорблял священника, обвинял его в обирании колхозников (!), вызвал милицию. Но письмо все же было принято к сведению: «Чупракову указано на его неправильное и нетактичное поведение» [21, л. 29]. Судя по всему, такие небольшие победы укрепляли священника Дронова в мысли, что с советской властью можно вести диалог на поле законности. И не только вести диалог, но и выполнять миссию. И священник рискует миссионерствовать не только среди простого народа, но и среди партийных работников. И самый первый случай, когда он достигает успеха в 1958 г., быстро становится известным уполномоченному А. Калугину; тот сразу пишет секретную записку председателю облисполкома, где фигурирует первый раз личное дело священника, упоминается его

служение в рядах Советской Армии с 1953 по 1955 год (сведения, которые по какой-то причине уже не фигурируют позже в личном деле священника, затребованном Москвой в 1966 г.). Но самое главное другое: «Часто ездит по селам, проявляет большую активность, был задержан в доме гражданина Мальцева К.П., заведующего отделом пропаганды РК КПСС (!), где священник совершал требы. Был отведен в милицию. Священник Дронов предупрежден, чтобы поменьше ездил» [22, л. 52].

Это происшествие, не закончившееся в общем-то ничем серьезным для о. Александра, как нам кажется, позволило сделать ему ряд важных выводов: миссионерская активность не столь серьезно наказуема; миссионерствовать можно и среди партийных работников; с властью можно жить и договариваться по самым важным вопросам. Тем не менее внешняя активность священника утихла, он уже не попадает в сводки уполномоченного об активных священниках, вплоть до 1965 г. В 1960 г. священника переводят в с. Двуречки, где он долгое время плотно занимается ремонтом огромного храма, о чем нам рассказали уже прихожане.

В отчете уполномоченного 1965 г. говорится: «Священник с. Двуречки Дронов не произносит длинных проповедей. Он просто и понятно объясняет смысл и содержание церковных праздников и обрядов, что очень нравится верующим. Он старается меньше находиться в алтаре, а быть больше среди людей; любит говорить с неверующими, проявляет начитанность» [23]. Как только случается история с открытым письмом в марте 1966 г., уполномоченный высылает в Москву по столичному требованию личное дело священника Дронова, с кратким перечнем биографических сведений и пастырской характеристикой: «Священник Дронов показывает себя глубоко верующим, он усердно исполняет богослужения, часто говорит проповеди, дает наставления, чтобы больше молились сами и заставляли молиться близких. После службы беседует с верующими, рассказывает им о святых и церковных праздниках» [24, л. 65]. Чаше других этот священник попадает в поле зрения «ока государева», его проповеди прочитываются и часто попадают в отчет для Москвы. Хотя, к слову сказать, проповеди тогда должны были в обязательном порядке подаваться священником в епархию в письменном виде и только после цензуры допускаться до произнесения перед прихожанами. В епархии на 1965 г. налицо был огромный дефицит кадров, что следует со слов архиепископа Воронежского Михаила [25,

л. 8]. В области 42 священника, 8 дьяконов, из них половина служит в городах Липецк и Елец. В области действовало несколько десятков храмов, в то время как 400 храмов было закрыто [26, л. 157]. По возрасту половина священников - старше 60-ти лет; также половина вообще без духовного образования, другая половина с семинарским образованием, и лишь два (в том числе о. Александр Дронов) священника окончили Духовную академию [27, л. 66]. Органы отслеживают и путь движения детей священника Дронова: что сын его в 1976 г. поступает в духовную семинарию, дочь Нина принимает монашество.

К священнику Александру Дронову - особое внимание, его проповеди, судя по всему, попадают еще и на стол к уполномоченному. Так продолжается вплоть до кончины священника. Так, например, в 1975 г. уполномоченный отмечает в отчете: «А.Д. Дронов часто говорит проповеди, читает в церкви внятно, говорит доходчиво и интересно, внушает мысль о регулярном посещении храма, о пребывании в храме до конца службы» [28]. Стоит заметить, что в проповедях 1970-х годов священник нередко обращается к теме традиции, исторической памяти. Он объяснял людям, как жили их деды, как отправлялись в дальние паломничества в Киев, Иерусалим, подробно рассказывал, как проходил паломнический путь, какие плоды приносило поклонение святыням, какими чистыми, ангельскими были души людей, глубоко верующих и чтущих Бога. Уполномоченный отмечает многие моменты, касающиеся психологического воздействия такой живой проповеди, «не по обязанности, но по призванию»: священник «находит яркие образы, ярко, эмоционально говорит, затрагивает дорогие сердцу темы "мать и дети", "церковь и прихожане", "душа и тело", бичует пьянство, внушает, что церковь способствует воспитанию высокой нравственности».

Опираясь на воспоминания духовных детей о. Александра и его прихожан, мы можем восстановить церковный обиход Никольской церкви в годы его служения; правила духовничества, требования священника, предъявляемые прихожанам. В основе этих требований лежало постепенное введение в мир подлинной, осознанной церковной жизни. «Отец Александр служил, обычно в субботу/воскресенье, если был праздник посредине недели, то тоже служил всенощную вечером, а утром литургию. Служил также (очевидно, кроме двенадцатых и великих праздников) на Иверскую, на Рож-

дество Иоанна Предтечи, на Тихвинскую. Люди тогда заказывали молебны с акафистами, что он непременно выполнял. Если было несколько таких заказов, то каждый акафист читался отдельно, человеком, который специально благословлялся для этого для чтения перед нужной иконой» [29]. Прихожанин А.Д. Мещеряков отмечает, что «перед большим праздником, если он приходился на воскресенье, со вторника начиналась подготовка, говение всех прихожан. Каждый день шли службы. Вечером, накануне, в церкви вычитывалось для всех правило к святому причащению, с акафистами и покаянными канонами. Читали и сами, кто мог, и только потом идешь к батюшке на исповедь и, если он разрешит, то причащаешься. Минимум разрешалось три дня попоститься. Были и наказания за грехи: сто поклонов, или сто раз «Верую» или «Отче наш» прочесть, чтоб люди усиленно помолились и попросили от сердца Бога о прощении. Наводил дисциплину в храме, чтобы не было разговоров, только по крайней нужде. В храме люди стояли, разделенные на две половины, справа мужчины, слева — женщины, как в монастыре. Причащали сначала детей, потом стариков, мужчин и женщин. Исповедовались, как и в старину, «по-улицам», и каждая улица знала кто за кем. Кто пропускал ненароком очередь, просил мир пропустить его Христа ради. Хотя при о. Александре был уже не тот порядок, что был при старом священнике, что служил у нас в 1930-е годы, еще из дореволюционных» [30]. Алексей Дмитриевич говорит далее, что при о. Александре жили еще во многом по старине; например, обязательно освящали место, где строился новый дом («он освятил место, и камушек мне положил») и новопостроенный дом освящался, служился специальный молебен. Крестили детей все, повсеместно, венчались тоже почти все («мы считали за позор, кто не венчался»), и священник непременно на исповеди спрашивал о венчании.

Отдельный вопрос о святынях храма. При о. Александре главной святыней Никольской церкви стал образ Скорбящей Божьей Матери. Появился он здесь при нем при следующих обстоятельствах. Икону привезла из Липецка Марфа Павловна Шмелева. Вот ее рассказ. «До войны я еще девочкой, потом девушкой ходила в Липецкий храм. Там в Покровском приделе на окне стояла Скорбящая. Потом храм закрыли, и когда вновь открыли, иконы там уже не было, а мне стала сниться эта Скорбящая Божия Матерь. И стала я думать и скорбеть о ней: “И где же эта икона есть?” Мне подсказали, что

похожая икона находится у одной женщины. Пришла я к ней и говорю: “Дунях, у тебя есть церковная икона? Нельзя ее посмотреть?” Та отвечает, что есть, но она на чердаке. Думаю, “запихали Матерь Божию на чердак, не зря Она мне снится”. Принесла она икону, Скорбящая Божия Матерь вся в пыли и грязи. Заплакала я, протерла ее и говорю: “Она же мне трижды снилась и говорила, что ее надо разыскать. И вот я ее разыскала”. Дуняха и говорит: “Я за нее 10 рублей заплатила”. “Да я тебе 20 рублей отдам, только икону заберу в церковь”. Потом уже о. Александр заказал для нее в Липецке ризу, делала такая Галина Васильевна, она получила от двуреченского храма материалы, все необходимое» [31]. Со слов А.Д. Мещерякова, ризу для иконы вышивали из бисера и золотого шитья. Страстной служили особую службу в Лазареву субботу, перед Вербным воскресеньем. Потом часто читали акафист перед этим образом, в основном после Троицы, пели перед ней всем храмом: «Под Твою милость, притекаем, Богородице, Дево...». Отец Александр написал ей акафист. Потом уже в 1990-е годы узнали об иконе в Липецком соборе и сказали, что это их икона; а в 2000 году, по благословению архиерея ее забрали в Липецк. «Нам же оставили снятую копию, а также ризу» [32].

Для укрепления церковной жизни Воронежской епархии важным было назначение сюда в декабре 1975 г. епархиальным архиереем епископа Ювеналия (Тарасова). Было это благом и для священника о. Александра Дронова, хотя контроль и вмешательства уполномоченного и тогда не исчезли [33]. В 1976 г. в жизни о. Александра разворачивается новая эпопея. С его тайной подачи прихожане Двуреченского храма пишут открытое письмо на имя XXV съезда КПСС (февраль 1976 г.), с просьбой открыть в Москве на средства верующих храм в честь заслуг Русской Православной Церкви в 1812 году и особенно в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. [34, л. 131-133]. К письму прилагался список из числа трехсот двуреченцев, погибших в годы последней войны. Из отчета уполномоченного мы узнаем, что история с письмом стала продолжением инициатив священника Дронова в с. Двуречки. Проводя капитальный ремонт в своем храме, в 1972 г. он обнаружил старинную надпись, фиксирующую имена погибших двуреченцев в годы русско-японской войны 1905 г. Надпись гласила: «За Веру, Царя и Отечество живот свой положивших в войну с Японией в 1904-1905 годах...». Далее следо-

вали имена погибших, которые в документе уполномоченного не воспроизводятся. Священник решил сохранить реликвию, не забеливать надпись. Как нам рассказали прихожане, место это было освящено, состоялась панихида по воинам, упомянутым на стене храма. Далее же история развивалась по нарастающей; священника стали заставлять опять забелить надпись, но он вместо того решил продолжить это начинание и благословил прихожан написать открытое письмо съезду и одновременно в газету «Известия». Как только письма дошли до Москвы, опять поднялся шум, столица потребовала объяснений от уполномоченного; тот быстро выяснил, что автор обоих писем (съезду и в газету) священник о. Александр Дронов, хотя подписи прихожан в обращении были подлинными. Надпись забелили, священника предупредили (хотя он уже был лишен регистрации), что к нему будут применены административные меры. Но как только шум утих, надпись опять была расчищена, причем на этот раз по указу правящего архиерея епископа Ювеналия. В эти годы о. Александр Дронов начинает вести себя все более активно; он служит, несмотря на отсутствие регистрации; он ведет себя как подлинный хозяин в приходе — настоятель храма; активно «вмешивается в организационно-хозяйственную деятельность исполнительных органов, пытается поставить их под свой полный контроль; входит в состав 20-и, присутствует на заседаниях исполнительного органа, дает указания кого уволить, кого принять» [35]. В 1979 г. о. Александр предпринимает еще один шаг, необходимый для более широкой проповеди; в притворе Никольского храма он вывешивает стенд, где помещает листки с информацией духовно-просветительского содержания, с рубриками: «О святости», «Путь к спасению», «Правила домашней жизни истинного христианина» и др. [36, л. 69]. Вследствие такой пастырской активизации и «узурпации полномочий» двадцатки был два раза строго предупрежден уполномоченным, который заставил и епископа сделать ему предупреждения. Так как жизнь в Никольском храме продолжалась по-старому, 26 июня 1980 г. под давлением уполномоченного священник был освобожден от должности и отчислен из Воронежской епархии, а на его место назначен новый священник Животиков Н.А. [37, л. 117]. Имея дом в Липецке, священник там пребывал на покое до самой кончины в 1987 г. и был похоронен по его желанию в с. Двуречки на местном кладбище, в родовом ряду Шмелевой, предоставившей ему и его се-

мье это место. Здесь упокоились жена о. Александра, ее мама и дочь о. Александра, Нина, в монашестве Сергия.

Думается, что такое решение — быть похороненным в Двуречках — объясняется несколькими причинами: во-первых, традицией, по которой прежние, дореволюционные, священники обязаны были служить на одном месте и там же быть упокоенными; во-вторых, тем, что здесь были сделаны главные жизненные, церковные дела, связанные с восстановлением храма, созданием церковно-приходской общины, долговременной церковной жизнью; и, наконец, здесь были люди, которые знали, помнили и любили священника Александра, которые были готовы молиться за упокой его души и ухаживать за его могилой.

Инакомыслие о. Александра, безусловно, не было привязано к церковному диссидентству, хотя оно и повлияло на его активность в пору написания обращений к партийным съездам. Но прямых контактов с диссидентами он не имел, за исключением встречи незадолго до кончины, в середине 1980-х годов, со священником-диссидентом о. Дмитрием Дудко, очевидно в Москве, по инициативе о. Александра [38, л. 186]. Но с Москвой о. Александр был связан не только своими оппозиционными акциями, но и контактами с Журналом Московской Патриархии, куда он отправлял время от времени свои богословские корреспонденции [39]. «Совет Московской Духовной Академии за представленный труд “Новозаветное учение о Царствии Божием” присвоил ему ученую степень кандидата богословия» [40, с. 38]. В беседе с митрополитом Ювеналием (Тарасовым, 1929–2013) нами был задан ему вопрос о его отношении к письменным протестам о. Александра, на что владыка отозвался с некоторым скепсисом, как о заблуждении священника, его иллюзиях. И больше никаких комментариев, негативной или позитивной оценки деятельности этого священника мы не услышали от владыки, что тоже было не случайно. В той же беседе речь у нас зашла о другом «оппозиционере» — о. Власии (Болотове) [41], который в те же годы управления владыкой Ювеналием Воронежской кафедрой был настоятелем храма в с. Бурдино. Там о. Власий организовал тайный женский монастырь (1972–1978 гг.), но при этом все делал так, что тайна стала известна властям; монахини ходили в монашеском одеянии, шли постоянные постриги, монашеская жизнь Бурдинского прихода была на глазах всего большого села, в центре которого все и

происходило. Владыка сказал нам, что был открыт вызов, брошенный властям; но почему это о. Власий делал, митрополит Ювеналий не стал говорить, чтобы не входить во осуждение, однако, когда монастырь был с шумом закрыт, а о. Власий «пострадал» (его отправили на другой приход), архиерею пришлось не сладко, все шишки от лица уполномоченного пали на него. Как видим, протестный, диссидентский дух присутствовал и в действиях, казалось бы, консерватора и традиционалиста о. Власия (Болотова). Интересно отметить один знаменательный факт: дороги о. Александра Дронова, после его изгнания из Двуречек и перевода сюда нового священника - о. Власия Болотова, пересеклись. Была и личная встреча, о которой нам рассказала Марфа Павловна Шмелева: «Когда о. Власия к нам прислали, он всего два месяца у нас служил. А в это время батюшка о. Александр приехал в Двуречки, чтобы повидаться с нами. Он скучал без своего храма. Отец Власий тогда посчитал, что священник нарушил его покой и пожаловался на него владыке Ювеналию: “Приехал и у меня всю службу перебил”». Владыка тогда специально приехал, чтобы разобраться на месте, «а отец Власий лег в алтаре поперек и лежит. Владыка подошел к нему и пинком: “Ты что притворяешься”. Блаженным тот притворялся или что еще, не знаю» [42].

Что касается диссидентства, то судя по всему, в Липецкой области появляются в 1980-е годы и другие фигуры, хотя не из духовенства. Некто А.Т. Клейменова из с. Большой Хомулец не только выступала за открытие церкви в родном селе, но ездила в Москву, встречалась с А.Д. Сахаровым, потом отдельно с его женой Е. Боннэр, на квартире; вела переписку с о. Г. Якуниным, о. Д. Дудко и Капитанчуком [43, л. 20]. Но епархия в лице епископа Ювеналия ее не поддерживала [44, л. 42].

Возвращаясь к теме начала статьи, связанной с именем митрополита Никодима (Рогова), и тому направлению, которое он обозначил во внешнецерковной деятельности, отметим, в качестве небольшого штриха, следующий интересный факт. Нынешний глава этого важнейшего для современной РПЦ направления митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), будучи юношей в 1980-е годы, за несколько лет до кончины приезжал к о. Александру Дронову, очевидно, по богословским и духовным вопросам, незадолго до начала своей священнической деятельности. Если речь идет о 1980 г., то тогда митрополиту было 14 лет. Об этом ми-

трополит сказал, посещая Липецкую епархию 12 марта 2010 г.: «Для меня большая радость быть сегодня в Задонской обители, - сказал владыка Иларион (Алфеев). - Последний раз я был на Липецкой земле 30 лет тому назад, когда, будучи еще совсем юным отроком, посещал в селе Двуречки Липецкой области приснопоминаемого отца Александра Дронова, с которым Господь судил мне быть знакомым...» [45]. Судя по тому, что после Задонска и Липецка митрополит Иларион отправился в г. Грязи Липецкой обл., он, очевидно, посетил в эту поездку и могилку о. Александра Дронова.

Перейдем к обобщениям. Нам бы не хотелось, чтобы авторская позиция в статье выглядела как приговор, как осуждение рассматриваемых лиц; нас интересует вопрос о глубине вхождения «советской духовности» в христианские души людей, тем более таких неординарных и ответственных, как митрополит Никодим и священник Александр Дронов. Советская власть не только претендовала, но и многое умело делала для покорения таких душ. Можно, конечно, сказать, что и митрополит, и священник вели определенную игру, пользуясь «правом на свободу», которое было декларировано всем непротивникам советской власти после XX съезда КПСС. То есть они знали, что их не накажут, как при Сталине, за призывы к высоким инстанциям исполнять провозглашенные конституцией права в отношении религии и верующих. В этом случае никаких иллюзий в отношении советской власти у этих церковных деятелей не было. Но ведь в вышеприведенной нами конкретике оба они действуют не в только в рамках положенного (призывая власть соблюдать провозглашенные свободы), но и идут явно дальше положенного для христианина. Священник Александр Дронов подробно расписывает в письме, чем коммунистическая идейность близка христианской, хотя, как священник, как христианин должен был знать, что пути достижения того и другого идеала не только различны, но прямо противоположны. Церковь выступает против насилия, а советское государство - за насилие. Значит, священник *верил* в то, что говорил о близости двух идей; той близости, которой мешали произвол отдельных людей (типа Сталина). И священник, и митрополит *верили*, что советская власть могла бы распространить свою «народную природу», служение народу и на Церковь, которую посещает тот же народ. Эта вера в советскую власть, появившаяся у послевоенного поколения части церковных

людей, и была, на наш взгляд, основанием их теодицеи, оправданием сосуществования добра и зла. Эта вера в советскую власть, которую допускали оба рассматриваемые нами церковных деятеля, и заставила нас поставить вопрос о подобной форме церковного инакомыслия, как возможной типологически и субстанционально. Таковая вера, учитывая ее типичность и воз-

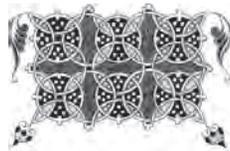
можность иметь свое лицо, становилась почвой для таких явлений, как диссидентство, секулярность (разного уровня), сервиллизм и т.п. Для атеистического, светского государства она была удобна своей способностью приспосабливаться к любым обстоятельствам, а для самой Церкви опасна тем, что была невидна невооруженному взгляду и могла действовать от лица Церкви.

SPIRITUAL INFLUENCE OF THE SOVIET SYSTEM ON HIERARCHS AND CLERGY IN THE 1960-s – 1980-s

Литература

1. *Протоиерей Владислав Цыпин*. История Русской Церкви. 1917-1997. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 411-412.
2. Там же. С. 154-155.
3. Там же. С. 154-155, 207.
4. *Выдрин И.В.* Митрополит Никодим. Екатеринбург, 2009. С. 262.
5. Там же. С. 266.
6. Воспоминания духовных чад протоиерея Михаила Труханова. М., 2018. С. 30-31.
7. Там же. С. 31.
8. *Выдрин И.В.* Указ. соч. С. 188-191.
9. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб.: «Андреев и сыновья», 1994. Редактор-составитель митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). С. 274.
10. Там же. С. 275.
11. *Митрополит Питирим (Нечаев)*. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. С. 284.
12. На Четвертой Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 12. С. 21-24.
13. Беседа с М.П. Шмелевой. Экспедиция ИЭА РАН 2001 г. Архив О.В. Кириченко.
14. Вечная память почившим. Протоиерей Александр Васильевич Дронов // ЖМП. 1989. № 3. С. 38.
15. Государственный архив Липецкой области (далее - ГАЛО). Ф. Р-2184. Оп.1. Д. 19. Л. 7.
16. ГАЛО. Ф. 3-2184. Оп.1. Д. 15. Л. 64.
17. *Кириченко О.В.* Религиозность в партийной советской среде как фактор традиционности // Традиции и современность. 2019. № 23. С. 58-71.
18. См.: Вестник военного и морского духовенства. Спецвыпуск, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Москва, 2005.
19. ГАЛО. Ф. 2184. Оп. 1. Д. 15. Л. 15-22.
20. ГАЛО. Ф.2184. Оп. 1. Д. 5. Л. 52. (1958 г.)
21. ГАЛО. Д. 5. Л. 29. (1958 г.)
22. Там же. Л. 52.
23. ГАЛО. Ф. Р-2184. Оп. 1. Д. 14. (1965 год)
24. ГАЛО. Ф. Р-2184. Оп. 1. Д. 14. Л. 65.
25. Там же. Л. 8.
26. ГАЛО. Д. 5. Л. 157. (1959 г.)
27. ГАЛО. Д. 14. Л. 66.
28. ГАЛО. Д. 14. Л. 66.
29. Беседа с М.П. Шмелевой / Экспедиция ИЭА РАН 2001 г. Архив автора
30. Беседа с А.Д. Мещеряковым.
31. Беседа с М.П. Шмелевой.
32. Беседа с А.Д. Мещеряковым.

33. Тогда уполномоченным являлся И. В. Люков, особо ревностный в исполнении своих обязанностей. Священники, служившие в те годы, отзывались о нем сугубо отрицательно, как о гонителе Церкви; за глаза его звали «Подлюков».
34. ГАЛО. Р-2184. Оп. 1. Д. 24. Л. 131—133.
35. ГАЛО. Р-2184. Оп. 1. Д. 25. Л. 52.
36. Там же. Л. 69.
37. ГАЛО. Д. 26. Л. 117.
38. ГАЛО. Оп. 1. Д. 25. Д. 28. Л. 186.
39. ГАЛО. Оп. 1. Д. 25. Д. 28. Л. 186.
40. Вечная память почившим. Протоиерей Александр Васильевич Дронов // ЖМП. 1989. № 3. С. 38.
41. В схиме архимандрит Макарий (Болотов, 1932-2001), почитаемый многими за старца, но имеющий очень неоднозначную оценку, в том числе негативную, от весьма уважаемых духовных лиц.
42. Беседа с М.П. Шмелевой (1920 г.р.).
43. ГАЛО. Оп. 1. Д. 28. Л. 20.
44. ГАЛО. Д. 29. Л. 42.
45. Визит Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона в Липецкую и Елецкую епархию // Официальный сайт Московского Патриархата: patriarchia.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2020 Л.Т. Соловьева
Москва, Россия

КРЕЩЕНИЕ ГРУЗИИ: НАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Аннотация. Автор рассматривает свод сохранившихся свидетельств о крещении Грузии и распространении там христианства. Важно соотнести пласт народных преданий с историческими фактами, сохранившимися в документах, в письменных и других источниках. Никаких противоречий здесь не наблюдается. Можно констатировать, что христианизация страны была благом для ее народа, поскольку повлияла на этногенез и в конечном счете на появление грузинского этноса, сформировала основу грузинской культуры.

Ключевые слова: Грузия, крещение, христианство, православие, грузинские святые, народная традиция, исторические свидетельства.

Abstract. The author considers the set of surviving evidence of the baptism of Georgia and the spread of Christianity there. It is important to correlate the layer of folk traditions with historical facts preserved in documents, in written and other sources. No contradictions are observed here. It can be stated that the Christianization of the country was a blessing for its people, since it influenced ethnogenesis and, ultimately, the emergence of the Georgian ethnic group, formed the basis of Georgian culture.

Keywords: Georgia, baptism, Christianity, Orthodoxy, Georgian saints, folk tradition, historical evidence.

Соловьева Любовь Тимофеевна (Solovieva Lyubov Timofeevna) – старший научный сотрудник ИЭА РАН, кандидат исторических наук, научный редактор научного православного журнала «Традиции и современность» / lubsolov@gmail.com

Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательской работы ИЭА РАН

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 19-32.

ISSN 2687-1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 2.27.271-9

ББК – 86.372

- Статья печатается в авторской редакции

Роль православия, значимость Грузинской Православной Церкви для судеб Грузии невозможно переоценить. Пожалуй, нет ни одной сферы материальной и духовной культуры грузин, где не прослеживалось бы влияние православия: это образование и письменность, литература, фольклор, правовая культура, этика, архитектура, живопись и т.д. Роль православных традиций велика во всех сферах жизни грузинского народа: в обрядах семейных и общественных, в праздничной культуре и в повседневном быту.

Начало соприкосновения населения Грузии с христианством относится ко времени проповеди апостолов – к I в. н.э. По традиции считается, что в Грузии проповедовали апостолы Андрей Первозванный, Симон Кананит, Матфей (Матата), Фаддей и Варфоломей. Симон Кананит проповедовал в Абхазии, там же он скончался и похоронен в Новом Афоне. Местом захоронения Матфея считается с. Гонио, расположенное в Абхазии, недалеко от Батуми.

По церковной традиции, Грузия именуется уделом Пресвятой Богородицы. Согласно преданию, в Сионской горнице после Вознесения Христа апостолы бросили жребий – где вести проповедь каждому из них. Как сообщается в «Картлис цховреба», Грузия досталась в удел Богородице, но вместо нее этот труд взял на себя апостол Андрей Первозванный, который привез в Грузию

полученную от Богородицы ее нерукотворную икону. Проповедь Андрея Первозванного принесла плоды. В Ацкури (область Самцхе) он основал первую в Грузии епископскую кафедру, назначил там епископа и оставил несколько священников и дьяконов. Грузинская церковная традиция считает апостола Андрея первым иерархом Грузинской Православной церкви, поэтому грузинские первоиерархи с древности именовались «сидящими на престоле апостола Андрея Первозванного» [1].

По церковному преданию, св. апостол Андрей трижды побывал в Грузии: при втором посещении его сопровождали и другие апостолы, а при третьем с ним были Симон Кананит и Матфей: об этом сообщает Эпифан Константинопольский (VIII в.) [2].

Согласно постановлению Святого Синода Грузинской Православной церкви от 17 октября 2002 г., память св. Андрея Первозванного отмечается два раза в год – 13 декабря и 12 мая. Такое решение продиктовано тем особым значением, которое имеет апостол Андрей для Грузии, так как именно он был первым проповедником христианства в Грузии.

Одним из путей раннего знакомства грузинского народа с учением Христа стало наличие в Грузии сильной еврейской общины, которая никогда не порывала связей со своей исторической родиной, со Святой землей.

Мцхетский храм Св. Креста (Джвари, 586/7–604/5 годы).

Расположен на вершине горы у слияния Куры и Арагви, где, согласно историческим источникам, воздвигла крест святая равноапостольная Нина. 2014 г.

По сведениям древних грузинских источников, учение о христианстве проникло и в царский дворец. Согласно Леонтию Мровели, девятнадцатый царь Картли Рев был знаком с христианским учением и, хотя сам он остался язычником, жертвоприношения приказал совершать по правилам новой веры. Именно из-за этого его называли Ревом Праведным: «Царь Рев, хотя и был язычником, но был милостив и подателем помощи всем нуждающимся. Ему было известно кое-что из Евангелия господина нашего Иисуса Христа, и он даже питал некоторую любовь к Христу. В течение своего царствования он никому не позволял убивать детей, в то время как до него их приносили в жертву идолам. И пока он был царем, никто не убивал детей для идолов. Взамен он установил правило приносить в жертву овцу или корову. Поэтому был прозван он Ревом Праведным» [3].

Особое значение в распространении христианства в Грузии имела проповедь св. равноапостольной Нины Каппадокийской. Сведения о ее деятельности в Восточной Грузии (Картли) сохранились как в грузинских летописях и преданиях, так и в греческих, латинских, армянских, коптских источниках. В трудах византийских церковных историков V в. Руфина Аквилейского, Сократа Схоластика, Созомена и св. Феодорита Кирского

упоминается некая «пленница», проповедующая христианство в Иберии (Картли), отождествляемая со св. Ниной; в сочинении армянского историка Мовсеса Хоренаци рассказывается о Нунэ, подруге святых Рипсимии и Гаиании.

Основным источником для реконструкции событий, связанных с обращением населения Картли в христианство, является грузинский агиографический памятник «Житие св. Нины», сохранившийся в нескольких редакциях. Древнейшая редакция ее вошла в «Мокцеваи Картлисай» – «Обращение Картли»; считается, что она создана в середине IV в., т.е. сразу после признания христианства государственной религией Картли. Более поздние версии – «летописная» редакция, включенная Леонтием Мровели в «Картлис цховреба» (XI в.), и метафрастическая редакция XII в. По мнению Э. Хоштария-Броссе, Леонтий Мровели использовал созданный в более раннее время утерянный текст. Также важнейшим источником является «Житие царя Мириана», вошедшее в «Картлис цховреба» [4].

Согласно сведениям исторических источников, принятие христианства в качестве государственной религии в Картли произошло следующим образом. К иберам явилась некая пленница-христианка, которая проповедовала христи-

Кафедральный патриарший собор Святицховели
в честь Двенадцати Апостолов
(г. Мцхета). XI в. 2013 г. Фото автора (здесь и далее).

анство и исцеляла больных. Так она вылечила и тяжелобольную царицу иберов. Это произвело большое впечатление на иберийского царя, однако он все еще не решался креститься. Через некоторое время царь отправился на охоту. Неожиданно сгустился такой туман, что царь потерял свою свиту и сбился с пути. Напуганный, он обратился с просьбой о помощи к богу пленницы. Тотчас же туман рассеялся, и опять настал светлый день. Возвратившись к себе, царь вызвал пленницу и, подробно расспросив ее об ее боге, уверовал в него. После этого началось строительство церкви. Для того чтобы укрепить веру в народе, во время строительства было явлено чудо: строители никак не могли установить один из столпов. Ночью, благодаря молитвам пленницы, столп вознесся в воздух и повис над своим основанием. Когда же на следующее утро народ вновь собрался у строящейся церкви, столп сам опустился на свое место. Окончив строительство, царь послал людей к императору Константину с просьбой прислать священнослужителей для освящения церкви и крещения народа. Чрезвычайно важно сообщение Геласия Кесарийского, сохранившееся у авторов, пользовавшихся его трудом, о том, что все это ему рассказал некий Бакур, который происходил из иберского царского дома.

Сообщение такого же содержания имеется и у древнеармянского историка V в. Мовсеса Хоренаци. В сочинении Хоренаци привлекает внимание тот факт, что в нем упоминаются имена пленницы и царя Иберии – Нунэ и Михран. Следует отметить и то, что Михран, по словам Хоренаци, был не независимым царем Картли, а лишь правителем, подчиненным царю Армении Трдату. Что же касается Нунэ, то ее Хоренаци связывает с последовательницами св. Рипсимэ, по преданию, принявшими мученическую смерть в Армении. Упоминается также и о том, что Нунэ руководствовалась указаниями просветителя Армении Григора Партева. Ничего не говорит Хоренаци об обращении Мириана за помощью к императору Константину [5].

Грузинские источники повествуют о принятии христианства в качестве официальной религии гораздо подробнее, со множеством деталей. Грузинская национальная традиционная версия о распространении христианства такова. У Завулана, каппадокийского военачальника и поборника христианства, и Сосанны, сестры иерусалимского патриарха, была дочь Нина. Согласно грузинской традиции, Нина по отцу приходилась двоюродной сестрой великомученика Георгия Победоносца.

Когда ей исполнилось двенадцать лет, ее родители распродали все свое имущество, вырученные

деньги раздали неимущим, сами же полностью посвятили себя служению богу. Оставшись одна, Нина воспитывалась два года некоей армянкой из Двина, Саррой Миафорой, которая хорошо знала христианское учение. От нее св. Нина услышала рассказ о хитоне Господнем, хранящемся в дальнем городе Мцхете, и стала искать возможность поклониться святыне. В одной из версий «Жития св. Нины» говорится, что однажды во сне ей явилась Божия Матерь и благословила ее проповедовать в своем уделе – Грузии, вручив ей крест из виноградной лозы, который Нина, проснувшись, обвила волосами. «Крест св. Нины» до настоящего времени является символом Грузинской Православной церкви и почитается грузинским народом как величайшая святыня.

Затем Нина встретила с Рипсимэ, женщиной царского происхождения: «нашли там, в девичьем монастыре, некую царицу, потомка царей, по имени Рипсиме, и воспитательницу ее Гаянэ, которые, возымев желание причаститься к Христу, ждали крещения из Иерусалима» [6]. Римский император решил жениться на Рипсимэ. Однако та, дав обет целомудрия, вместе с пятьюдесятью другими женщинами бежала в Армению, в город Двин. Вместе с ними была и Нино. В Армении им пришлось принять мученическую смерть от царя Армении Трдата, который тогда был еще язычником. Спаслась одна лишь Нина, которая по внушению свыше отправилась на север. Она прибыла в Джавахети, оттуда с трудом добралась до города Урбниси и, присоединившись к группе людей, направляющихся во Мцхета на ярмарку и моление, очутилась в столице Картли.

Во Мцхета Нина увидела «служителей огня, огнепоклонство народа и заблуждение его» и оплакивала «гибель их душ», наблюдая, как народ поклонялся местным идолам – Армазу, Гацци и Гаиму. «И увидела святая Нино человека из меди и была надета на нем золотая кольчуга, а на голове – шлем крепкий. Был он (идол) украшен драгоценными камнями – изумрудами и бериллами, а в руках держал меч, сверкающий подобно молнии, и вращался он в его руках. ... Справа от него стояло также изваяние из золота, по имени Гацци, а слева – из серебра, по имени Гайм, и почитал их народ Картли божествами» [7].

По молитвам св. Нины бог ниспослал страшную непогоду, град разбил и ниспроверг идолов; после чего Нино «молилась шесть дней, благодаря бога и моля его о милости к заблудшему этому народу и спасении его от дьявола». После этого Нина девять месяцев жила у сторожа царского сада и его жены Анасто (этот сад находился там, где сейчас стоит собор Свети Цховели). Супруги

Ежевичный куст и церковь св. Нино в монастыре Самтавро на месте, где жила и проповедовала св. Нино (г. Мцхета). 2013 г.

были бездетны, но по молитвам св. Нино им был дарован сын, и они «признали Христа и тайно стали ее учениками».

Затем Нино, связав ветки лозы собственными волосами, сделала крест, поставила его в ежевичный куст, где и стала жить сама (сейчас там находится женский монастырь Самтавро, рядом с ежевичным кустом выстроена церковь св. Нины): «Сделав крест из лозы, она воздвигла его под кустом. И молилась она беспрестанно днем и ночью. Муж с женой прислуживали ей, удивляясь подвигом ее, посту, молитвам и бдению» [8].

Нино часто навещала в иудейский квартал Мцхеты, поскольку слышала в Иерусалиме, что «хитон господень взяли с собой мцхетские иудеи», и многие иудеи стали ее учениками.

Шесть лет прожила Нина в этом месте, где сперва тайно, а затем и открыто стала проповедовать Христову веру и творить многочисленные чудеса («Исцеляла святая Нино и творила чудеса по воле Христа: исцелила она множество прокаженных...»). Наконец, она избавила от неизлечимых болезней царицу Нану и перса-жреца – главу магов. Однажды царь отправился на охоту. Неожиданно, когда царь был на горе Тхоти, спустилась непроглядная мгла, и царь сбился с пути. Царь стал взывать о помощи к своим богам, но это не помогло. Тогда он обратился к богу Нины: «Вот призывал я богов моих, но не нашел счастья для себя.

Теперь же, не в силах ли избавить меня от беды те, кого проповедует Нино – крест и распятый, уповая на которых исцеляет она? ... ты, бог Нино, просвети мне тьму, укажи местопребывание мое, и признаю имя твое, воздвигну древо креста и поклонюсь ему, построю дом для молитвы моей и буду покорным вере Нино и римлян» [9].

После этих слов мрак рассеялся, и царь уверовал в бога Нины. На следующий же день царь и Нина отправили к византийскому императору людей с просьбой прислать им священников для крещения народа, сами же принялись за строительство церкви в царском саду. Во время этого строительства бог сотворил чудо со столпом (Столп Животворящий – Свети Цховели), от которого в дальнейшем происходили многие чудеса.

Первыми последовательницами св. Нины стали женщины из знатных семей и царского дома: жена царевича Рева св. Саломея Уджармская, жена картлийского эристава св. Перожавра Сивнийская, супруга св. царя Мириана св. царица Нана, Сидония – дочь настоятеля мцхетской синагоги св. Авиафара Мцхетского.

«Житие св. Нины» большое внимание уделяет тесной связи просветительницы Грузии с еврейскими общинами Картли: «священниками» из местечка Боди, «книжниками» из Кодисцкаро, «переводчиками Кананита» из Хоби. От Авиафара и Сидонии св. Нина узнала, что хитон Господень при-

Св. Нино. Современная икона. Храм Джвари. 2013 г.

вез в Мцхету левит Элиоз, и поклонилась тайному месту погребения хитона. От лица св. Сидонии и Авиафара (Абиатара) ведется повествование в некоторых главах «Жития св. Нины». Еще до прибытия в Мцхету св. Нина месяц жила в еврейской общине города Урбниси. После крещения Картли и кончины св. Нины просветительские еврейские центры в источниках больше не упоминаются, что связывают со слиянием общин крещеных иудеев с Грузинской Православной церковью [10].

Присланные кесарем духовные лица крестили царя, его семью, вельмож и народ. «Прибыл епископ Иоанн и с ним вместе – дьяконы и посланцы в Мцхета. Преисполнились радости царь, царица и весь народ их, ибо желали все принять крещение. ...принял крещение царь при рукоположении святой Нино, а потом царица и сыновья его – при рукоположении священников и дьяконов. После этого освятили они реку Куру и епископ подготовил одно место у самих ворот моста Могвта ... и тут крестил знатных (каждого в отдельности). И было названо это место «Мтаварта санатло», т.е. место крещения мтаваров

(князей. – Л.С.), а ниже этого места, на берегу реки, два священника и дьяконы крестили народ, и люди спешили, опережая друг друга и упрашивая священников именно их крестить первыми. И такое сильное желание принять крещение было у народа потому, что слышали они проповедь святой Нино ... Таким образом был крещен весь народ Картли» [11].

1 октября Грузинская Православная церковь отмечает Светицховлоба – праздник, восходящий ко времени крещения Картли; ежегодно в этот день католикос-патриарх Грузии совершает в водах Арагвы и Куры массовое крещение народа.

Затем по Божьему указанию были воздвигнуты три креста: один на том холме, где сейчас находится монастырь Джвари, второй – на горе Тхоти, где царь Мириан уверовал в Христа, а третий – в городе Уджарма. После этого Нино отправилась проповедовать христианство в горную часть Картли, оттуда она перешла в Кухети, где заболела и умерла. Похоронена она в Боди (совр. селение Бодбе Сигнахского района, где находится Бодбийский монастырь).

Несомненно, это предание сохранило отголоски реально случившихся событий, однако распространение и принятие христианства в качестве государственной религии было следствием не только и не столько проповеднической деятельности какого-то отдельного лица, а главным образом социального, экономического, политического и культурного развития страны.

К сожалению, скудость источников не дает возможности проследить в деталях за развитием христианства в Картли. Выше рассмотренные источники дают нам сведения лишь о том этапе, когда христианство было объявлено государственным культом. К этому времени царь и правящая верхушка Картли, азнауры, т.е. феодализирующаяся часть общества, уже хорошо понимали те преимущества, которые имело христианство перед язычеством. Видимо, исход борьбы за христианство был решен позицией именно этой части общества. С принятием христианства владения языческих храмов упразднились, их земли переходили в руки царя, а от него к правящему сословию — азнаурам. Кроме того, организация христианской церкви своей централизацией больше соответствовала феодальному государству.

В древнегрузинских источниках хоть и скудно, но все-таки сохранились некоторые сведения, которые указывают на роль азнауров в деле распространения христианства в Картли. По словам акад. С.Н. Джанашиа, «как будто приобретают особый смысл те сведения, которые говорят о строительстве христианских храмов азнаурами, причем эти последние подразумеваются в корпоративном виде» [12].

Не все общественные слои Картли отнеслись к принятию христианства одинаково. Против выступили прежде всего жречество и связанные с ним круги, которые с принятием христианства теряли свои привилегии и средства к существованию. Враждебно отнеслись к новой религии и те слои населения Картли, которые наименее подверглись феодализации. Это были горцы, все еще жившие первобытнообщинным строем, которым христианство, несомненно, несло перспективу феодального угнетения («не приняли крещения кавказские горцы, которые не явились на крещение, оставаясь некоторое время во тьме»). Интересны в этом отношении сведения, сохранившиеся в хронике «Обращение Картли», согласно которым после крещения царя и народа Картли Нина отправилась проповедовать христианство в горы, причем она взяла с собой священника и эристава (воеводу): «Пришли они в Цобени, призвали горцев, людей, подобных бессловесным тварям, — чаргальцев, пховцев, цилканцев и гудамакарцев, проповедова-

ли им веру Христову истинную, ведущую к вечной жизни, но те не пожелали принять крещения. Тогда эристав, слегка приподняв над ними меч, победоносно истребил их идолов» [13].

Из ущелья реки Арагви Нино перешла в Кახети: «Перешли они оттуда в Жалети и проповедовали эрцо-тианетцам, те приняли проповеди и крещение, а пховцы оставили страну свою и переселились в Тушети, и большинство других горцев не обратилось. И поскольку они не пожелали принять крещения, то увеличил им царь подати. Поэтому бежали они, оставаясь в заблуждении» [14].

Однако противники христианства были и в среде господствующих слоев. Видимо, и среди них были силы, которые, руководствуясь своими политическими и социальными интересами или же оставаясь приверженцами старинных традиций, противились феодализации страны и укреплению центральной власти. Такие силы были даже в царской семье. В «Житии Нино» (редакция Леонтия Мровели) говорится, что христианство не принял даже зять самого Мириана, Пероз, получивший в управление Ран до Барды: «а также и народ его не принял крещения — служил он царю Мириану только плотью» [15]. Язычники в царской семье, по-видимому, были даже в конце IV в.

Для характеристики обстоятельств распространения христианства в Картли следует отметить, что борьба шла и среди городских низов, а также среди иноплеменных жителей Мцхета. По словам Леонтия Мровели, соплеменники чуть было не забили камнями еврея Абиатара, одного из первых последователей Нино.

Принятие Грузией христианства в качестве официальной религии было в значительной степени обусловлено политическими мотивами. После Нисибинского мира 298 г. Рим распространил свое влияние на Армению и Картли. В Картли римлян главным образом интересовали проходы через Кавказский хребет, через которые могли прорываться северные кочевники. Если бы эти проходы попали в руки иранцев, то для римлян могло создаться очень опасное положение. Поэтому от Картли они, по-видимому, требовали лишь охраны этих проходов. Такая необременительная зависимость устраивала Картли, к тому же она охраняла ее от более близкого и агрессивного Ирана. Принятие христианства способствовало сближению Картли с Римом, поскольку с ее стороны это означало отказ от ориентации на Иран, борьбу против политического и культурного влияния Ирана. Хотя в самом Иране в это время было довольно много христиан, Сасаниды всячески старались распространять и укреплять огнепоклонство. В то же время император Константин, сам лично при-

Пещера, где в 53–55 гг. н.э. находилась келья Святого апостола Симона Кананита.
Абхазия, г. Новый Афон, ущелье р. Псырцха. 2005 г.

нявший крещение лишь перед смертью (337 г.), со времени Миланского эдикта (313 г.) все больше и больше покровительствовал христианству. Таким образом, отношение к христианству различных социальных кругов Картли отражало их отношение к Риму и Ирану.

Грузинские источники дают достаточно объективную оценку факту принятия христианства в качестве официальной религии в Картли. Согласно «Картлис цховреба», когда Мириан принял христианство, император Константин вернул ему его сына Бакара, бывшего у него заложником. По словам Леонтия Мровели, Константин написал Мириану, что, с тех пор как тот принял христианство, Константину уже не нужен был его сын в качестве заложника, так как посредником между ними стал Христос.

Следует добавить, что принятием христианства царь (а в его лице и государство) ставили себе целью консолидировать страну. Единый культ, упраздняющий многие родоплеменные культы, помогал объединению страны, укреплял центральную власть. Сама организация христианской церкви более соответствовала государственной организации. Как во главе государства стоял один царь, так и во главе христианской церкви стоял один правитель — архиепископ, которому подчинялись епископы и священники.

Когда же произошло принятие христианства в качестве официальной религии в Картли? Даты этого события приводятся лишь в грузинских

источниках. Но часть этих дат явно ошибочна, другая же — противоречива. Поэтому разные специалисты придерживаются различных дат — с 276 по 355 г. Наиболее вероятным представляется время не позднее 337 г. Это предположение, впервые выдвинутое акад. И.А. Джавахишвили [16], основано на том факте, что, начиная с древнейших греко-римских источников IV–V вв., христианизация Картли связывается с именем императора Константина Великого. Следовательно, это событие произошло при Константине, который умер в 337 г. При этом следует иметь в виду, что распространение христианства в Картли, по всей вероятности, началось намного раньше. По-видимому, христианские общины стали появляться здесь уже в III в., о чём говорят найденные остатки христианских культовых сооружений, датируемые этим временем. Видимо, такие общины появлялись сначала в городах, лежащих на торговых путях, и в первую очередь в столице Картли — Мцхета.

Некоторые разногласия вызывает также вопрос о том, кто же царствовал в Картли, когда было принято христианство. Эти разногласия обусловлены тем, что, в то время как в грузинско-армянских источниках первым христианским царем Картли назван Мириан, в «сирийском» «Житии Петра Ивера» таковым называется дед Петра Бакур. Однако анализ сведений, сохранившихся в «Житии», показывает, что его сообщение о первом христианском царе Картли не могло соответствовать действительности. Известие о том, что пер-

вым христианским царем Картли был Бакур, дед Петра Ивера, следует считать позднейшей вставкой, сделанной с целью еще большего возвеличения Петра.

Привлекает внимание и то, что в грузинско-армянских источниках христианизация Картли в той или иной мере связывается с христианизацией Армении. Согласно «Обращению Картли» и «Картлис цховреба», просветительница Картли Нино в детстве в Иерусалиме жила у одной армянки из Двина, от которой она научилась армянскому языку. Затем, как уже было сказано выше, она сперва попала в Армению, а уж оттуда в Картли.

По словам же Мовсеса Хоренаци, Нино действовала по указанию просветителя Армении Григора. В арабском переводе сочинения армянского историка V в. Агатангела просветителем Картли назван уже сам Григор. Иногда это объясняют тем, что будто бы Нино проповедовала христианство в одной части Грузии, Григор же — в другой [17], или же тем, что будто бы Григор был главой миссионерской школы, а Нино принадлежала к этой школе [18]. Примечательно, что в наиболее древних греко-римских источниках о христианизации Картли ничего не говорится о связи христианизации Грузии с христианизацией Армении, которая произошла в начале IV в., примерно на 30 лет раньше, чем в Картли. Поэтому увязывание деятельности Нины с Рипсимэ и ее последовательницами или с Григором Просветителем, по-видимому, более позднее явление. При этом несомненно, что признание христианства официальной религией в Армении должно было в той или иной мере повлиять и на соседнюю Картли. И.А. Джавахишвили убедительно доказал, что сведения об участии Григора Просветителя в христианизации Картли начинают распространяться лишь с середины VI в., но с VIII в. они постепенно исчезают. Происхождение этих сведений объясняется современными политическими условиями. Как показали специальные исследования, «Нино как просветительница почитается на протяжении всей истории христианства в Грузии, а сведения о некоторых заслугах Григория в деле христианизации грузин не только не противоречат этому положению, но косвенно и подтверждают его» [19].

Признание христианства официальным культом имело очень большое значение. Оно способствовало процессу феодализации, усилению класса феодалов. Христианство усиливало централизацию и консолидацию страны, способствовало сплочению грузинского народа. С принятием христианства Картли явно отмежевывалась от Ирана и приняла сторону Рима. Помимо того, что христианство само по себе было более прогрес-

сивной религией, чем язычество, оно укрепляло культурные связи с европейскими странами. Христианство сыграло чрезвычайно важную роль в средневековой истории Грузии. Признание христианства официальной религией в столь раннюю эпоху указывает на высокий уровень социального и культурного развития, которого достигла Картли к этому времени.

Культура населения Западной Грузии в IV–V вв. развивалась в основном по тому же пути, что и в предыдущую эпоху: местные, восходящие к древнеколхидской культуре традиции органично сливаются с западными, римско-византийскими культурными элементами, причем эти последние хотя и выступают довольно рельефно, но затрагивают лишь верхние слои общества; основными, определяющими в Западной Грузии остаются местные, самобытные, веками выработанные традиции.

В IV–V вв. в культурной и общественной жизни населения Западной Грузии появляется новый, весьма значительный фактор: новая идеология в лице христианства, наложившая свой отпечаток на развитие всех отраслей духовной и материальной культуры.

Местные художественные традиции, восходящие к центрально-купольному архитектурному решению и поныне сохранившиеся в конструкции крестьянского жилого дома типа «дарбази», вызвали своеобразное решение даже такого, казалось бы канонизированного, подчиненного требованиям церкви типа церковных сооружений, каким являлся тип трехнефной базилики. В Западной Грузии имеется несколько образцов именно такого типа трехнефных базилик.

Наряду с местными, прочно установившимися элементами, в культуре Западной Грузии явственно выделяется влияние римско-эллинистической и византийской культуры, которое было весьма заметно еще в эллинистическую эпоху, а в поздне-неримский-византийский периоды заметно ее дальнейшее проникновение в местную культуру. В античную эпоху в Западной Грузии распространяется греческий язык, который стал для высшего общества и торговых кругов производственным и разговорным, а позднее — церковно-богослужбным и официальным государственным языком.

При рассмотрении культуры Западной Грузии IV–V вв. необходимо отметить существование близ г. Фазиса высшей философско-риторической школы, так называемой Фазисской академии. Хотя возникновение этой школы следует, как видно, относить к более раннему времени (не позднее III в.), но сведения о ней имеются именно в IV в., что свидетельствует о ее функционировании

Крест Честной. Мцхетский храм Св. Креста (Джвари). 2013 г.

и большой популярности в то время. Известный римский философ и оратор Фемистий в одной из своих речей повествует, что он сам и его отец, прославленный преподаватель философии Евгений, получили образование в крайней области Понта, близ Фазиса, в месте, которое было «храмом муз».

Фемистий родился в 317 г., а в 345 г. был уже преподавателем в Константинополе, следовательно, он должен был учиться в Фазисской академии в 30–40-х годах IV в., а поскольку в той же школе получил образование и его отец, то она действовала уже в начале IV в., причем была столь известна и авторитетна, что сюда специально приезжали учиться из других стран, в частности из Византии. Следовательно, она должна была быть основана не позже второй половины III в.

Поскольку вряд ли в III–IV вв. не только в Фазисе, но и во всей Западной Грузии было столько греческого населения, чтобы для него специально была создана высшая школа, то надо полагать, что здесь училась в основном местная молодежь. Сам

факт существования подобной школы в Фазисе доказывает, что для ее организации здесь были все необходимые условия, наглядно свидетельствуя о высоком уровне философской мысли и ораторского искусства Западной Грузии этой эпохи.

Несомненным свидетельством довольно широкого распространения христианства в Западной Грузии уже в первой четверти IV в. является факт участия в I Вселенском соборе в Никее (325 г.) Питуунтского (Пицундского) епископа Стратофилоса и Трапезундского епископа Дамнуса. Конечно, они могли быть и представителями греческих поселенцев, но несомненно, что к этому времени христианство уже распространилось в Западной Грузии [20].

О распространении христианства среди населения Западной Грузии говорит и использование краснолаковой посуды с изображением креста (IV–V вв.), а также пицундская мозаика с символами и надписями христианского содержания. Интересно, что изображения креста встречаются

на керамической и стеклянной посуде Цебельдинского некрополя. IV веком датируется серебряный медальон с надписью христианского содержания: «Единый бог, помогающий приносящему», и небольшой золотой крест, обнаруженный в Цебельде. Христианским является и порядок захоронения в большинстве цебельдинских гробниц. Все это свидетельствует о том, что христианство положило себе путь и во внутренние районы страны.

Интересен в этом отношении и рассказ Приска Панийского о прибытии лазского царя Губаза в Константинополь. По словам историка, Губаз привлек симпатии византийских царедворцев тем, что носил «христианские знаки». Возможно, со стороны Губаза это было простой дипломатической уловкой, но сам этот факт, не представлявший ни для него, ни для византийских сановников ничего необычного, — уже свидетельство того, что к христианству в V в. приобщилась и царская семья Эгриси/Лазики. Это подтверждает и рассказ о близких отношениях царя Губаза с христианским подвижником из «Жития Даниила Столпника».

Таким образом, факт распространения христианства в Западной Грузии в IV–V вв. не вызывает сомнений. Однако в грузинской историографии долгое время господствовала концепция, согласно которой объявление христианства государственной религией в Западной Грузии произошло значительно позже, чем в Картли, а именно — лишь в 20-х годах VI в.

Основанием для подобного предположения является рассказ Феофана Исповедника (VIII–IX вв.) об отказе лазского царя Цатэ от союза с Ираном, его прибытии в Константинополь и принятии в 523 г. христианства. Однако хронист VI в. Иоанн Малала, чей труд стал основным источником для Феофана, передает этот эпизод подробнее и иначе. Согласно хронике Малалы, царь Цатэ, ранее порвавший с Византией и по политическим соображениям перешедший в язычество (огнепоклонство, мадеизм), в 523 г. вновь подчинился Византии, явился с повинной в Константинополь и, будучи вторично крещен, вернулся в лоно Христианской Церкви. Следовательно, царь Лазики еще до разрыва с Византией уже был христианином, и этот эпизод не может указывать на то, что царский дом Лазики впервые принял христианство в 523 г., более того, именно рассказ Малалы доказывает, что эгрисские цари и до правления Цатэ были христианами.

Определенный интерес в данном аспекте приобретает одно сведение Прокопия Кесарийского. Он пишет: «Апсилы — подданные лазов и с давних уже времен христиане, как все остальные племена, о которых я упоминал в этом повествовании».

А предыдущий его рассказ посвящен в основном лазам и племенам, живущим в Лазике, следовательно, под племенами «с давних времен уже христианами» историк подразумевает именно жителей Западной Грузии. Большое значение при решении данного вопроса имеет указание церковного историка Геласия Кизикского: «В то же время божье учение приняли проживающие в землях у Понта иберы и лазы, ранее не верившие в него». Основным источником Геласия Кизикского служила «Церковная история» Геласия Кесарийского (автор IV в.), однако сведения об одновременном обращении в христианство иберов и лазов не встречаются ни в одной другой церковной истории, восходящей к произведению Геласия Кесарийского, нет их и у переводчика последнего на латинский язык — Руфина. Поэтому, видимо, прав И.А. Джавахишвили, считавший, что указания на одновременное с иберами крещение лазов не имелось в сочинении Геласия Кесарийского, а было добавлено Геласием Кизикским [21].

Но и в таком случае сведение это говорит о многом: ясно, что в V в. крещение лазов считали давнишним и произошедшим одновременно с обращением иберов фактом, и приурочивали его к царствованию Константина Великого, т.е. к IV в. Это позволяет сделать вывод о том, что утверждение христианства в Лазике и объявление его государственной религией имело место в IV в., т.е. примерно в то же время, что и в Иберии. Это подтверждают и раскопки в Нокалакеви, где была раскопана большая трехнефная базилика, датируемая V в., но построенная на развалинах более древней церкви. Возведение в IV в. христианского храма в столице Эгрисского царства, причем в центральной части города, несомненно свидетельствует об утверждении здесь христианства как государственной религии.

Во второй половине V в., в годы правления Вахтанга Горгасала, длительная национально-освободительная борьба против Ирана, имевшая целью объединение страны, завершилась победой. Грузинская Апостольская церковь была объявлена автокефальной. Было образовано 12 епископатов, которые примерно в 468 г. возглавил католикос Петр. В 530-е годы Церкви было предоставлено право избирать католикоса из представителей грузинской иерархии. Во время правления царя Парсмана V (ок. 540–558 гг.) католикосом стал грузин Савва I; как пишет Джуаншер Джуаншерани, «от сей поры уже не привозили католикосов из Греции, но назначали их из знатных родов грузинских» [22].

Церковь обрела законченную иерархическую структуру, были созданы шедевры церковной кафе-

дральной архитектуры (Болниси, Урбниси) и оригинальная грузинская церковная письменность. Уже в первой половине VI в. существовали литургические и библейские книги на грузинском языке.

Основателями монастырской жизни в Грузии стали преподобный Иоанн Зедазнийский и 12 сирийских отцов, так называемые вторые апостолы Грузии (VI в.).

В Житии Иоанна Зедазнийского говорится, что Иоанн подвизался в Антиохии и прославился многочисленными чудесами. Во сне ему предстала Пресвятая Богородица и повелела выбрать из учеников 12 монахов и идти с ними проповедовать в Грузию. После долгого поста и молитвы он выбрал по жребию 12 учеников. Житие передает, что с известием о прибытии «сонма светил, воссиявших в Месопотамии», пред католикосом Евлавием и царем Парсманом явился ангел, и старцы были с почестями встречены возле Мцхеты.

Св. Иоанн обосновался на горе Зедазени, где до проповеди св. Нины находилось капище языческого бога Задена. Своих учеников Иоанн направил в разные края Грузии, чтобы они основывали там монастыри и строили храмы. Авив обосновался в Некреси, Исе (Иессей) – в Цилкани, Иосиф – в Алаверди, Давид – в Гареджи, Шио – в Мгвиме, Антоний – в Марткопи, Пирр – в Брети, Зенон – в Икалто, Стефан – в Хирсе, Михаил – в Улумбо, Фаддей – в Степанцминде, Исидор – в Самтависи. Оставшись на горе Зедазени со своим учеником Илией, Иоанн основал монастырь Зедазени и совершил много чудес и исцелений. Священномученик епископ Авив Некресский обратил в христианство многих огнепоклонников, основал монастырь Некреси и принял мученическую кончину от персов. Преподобный Антоний Марткопский подвизался в основанном им монастыре Марткопи, на вершине Акрианской горы он воздвиг столп, где в уединении провел 15 лет.

Преподобный Давид Гареджийский первоначально обосновался в Тбилиси на горе Мтацминда (Святая гора), где позже был основан храм св. Давида. Преподобный многих обратил в христианство, и с учеником Лукианом покинул город и обосновался в удаленной пустынной области Гареджи (юго-запад Кахети), где положил начало Давидгареджийской лавре. Впоследствии здесь появилось более 20 монастырей. Из Ниноцминды в Гареджи пришел преподобный Додо Гареджийский; он основал монастырь Додос Рка (Ветвь Додо) во имя Пресвятой Богородицы на востоке Гареджийского хребта.

В результате деятельности сирийских отцов происходит усиление халкедонитства (диофизитства), и Картли, во главе с католикосом Картли

Кирионом, в начале VII в. объявляет о своем выборе в пользу православия [23].

Арабское господство, развитие феодальных отношений в VII–IX вв. вновь разделили Грузию на несколько политических единиц, хотя память о единстве страны продолжала жить в грузинском религиозном и политическом сознании. В тот период именно Грузинская Православная церковь стала идеологом борьбы за освобождение от внешних врагов и за объединение всех грузинских земель. Со второй половины IX в. начинается восстановление царской власти под эгидой дома Багратиони, фамильная легенда которых связывала происхождение Багратиони с библейским царем Давидом, тем самым подчеркивалась связь Грузии со Святой землей, с колыбелью христианства. Изображение ризы господней занимает центральное место в символике царского герба династии Багратиони.

Церковь объединенной Западной Грузии зависела от Константинополя, богослужение велось на греческом языке. Восточная часть Абхазского (Западногрузинского) царства (Имерети, Аргвети, Рача-Лехчуми) уже входила в паству мцхетского католикоса, где богослужение велось на грузинском языке. С начала X в. (после 907 г.) и западногрузинская церковь подчиняется уже не Константинопольскому патриарху, а Мцхетскому католикосу, под властью которого в это время уже находились церкви Кахети, Эрети, Картвельского царства (Тао-Кларджети). С присоединением западногрузинской церкви завершается церковное объединение Грузии, которое предшествовало ее политическому объединению.

К этому времени, когда уже формировались предпосылки создания единого грузинского государства, происходит утверждение грузинской культурной идентичности, «грузинства» («картвелоба»). При этом основу единства Грузии, тогда еще разделенной на княжества и царства, современники видели главным образом в единстве религиозном. В 951 г. грузинский писатель Георгий Мерчуле определил это следующим образом: «Грузией считается обширная страна (именно вся та), в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке», где употребляется «миро, благословенное во Мцхета» [24].

Важным показателем осознания единства всех грузинских земель, с точки зрения создания единого государства, стало формирование, наряду с локальными наименованиями историко-географических районов Грузии (Картли, Кахети, Имерети, Джавахети, Эрети и др.), и общего названия «Сакартвело» («Страна грузин/картвелов»). Так, в середине X в. понятие «Картли» стало обозначать уже не только регион Восточной Грузии, но и всю Гру-

зию целиком. Такой же широкий смысл обретает и понятие «картвели» – «грузин». В «Житии Илариона Картвели», сочинении конца X в., сказано: «Сей отец наш, святой Иларион был по происхождению грузин («картвели») из Кахети». В данном случае «картвели» – широкое понятие, охватывающее жителей всех частей Грузии. Примечательно, что создается это произведение еще до политического присоединения Кахети к объединенному царству, но в сознании образованного общества кахетинец (*кахи*) уже считается «грузином» («картвели»).

В процессе создания единого государства в агиографической литературе на передний план выдвигаются патриотические мотивы борьбы грузинского народа против иноземных захватчиков, борьба за веру и Родину («Мученичество Або Тбилели», «Мученичество Константина Каха», «Мученичество Михаила Гоброна» и др.). Рост национального самосознания проявился, в частности, в канонизации «собственных» святых – Нино, Арчила, Або Тбилели и др.

Распространение в Грузии христианства и объявление его государственной религией спра-

ведливо считаются важнейшими событиями в истории страны, которые на многие столетия определили ее дальнейшее развитие, взаимоотношения с соседними странами и народами.

Само формирование грузинской нации, а впоследствии и возможность сохранить свою государственность, этническую идентичность во многом были связаны с той духовной основой народа, которую составляло православное христианство. Как писал в начале XX в. грузинский ученый А.Н. Джавахов (Джавахишвили): «Каждый день жизни и право на свободу своего существования картвелцам приходилось все время отвоевывать с мечом и крестом в руках у многочисленных и сильных врагов»[25]. Не случайно в понимании окружающих народов понятия «грузин» и «православный христианин» совпадают. Богатейшая агиографическая литература («Мученичество св. Або Тбилели», «Мученичество св. Гоброна», «Мучения св. Константа Кахи» и др.), повествующая о мучениках за веру, свидетельствует о том, на какие жертвы готовы были идти грузины – и царские особы, и простолюдины, защищая православную веру.

BAPTISM OF GEORGIA: FOLK TRADITION AND HISTORICAL EVIDENCE

Литература

1. Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006. С. 193.
2. Джапаридзе А., митрополит. Краткая история Грузинской Святой Апостольской церкви. Тбилиси, 2012. С. 15–16.
3. Леонтий Мровели. Жизнь грузинских царей // Картлис Цховреба / Под ред. Р. Метревели. Баку, 2012. С. 37.
4. Хоштариа-Броссе Э. Леонтий Мровели и «Картлис Цховреба». Тбилиси, 1996. С. 31–43 (на груз. яз.); Православная энциклопедия. Т. 13. С. 193.
5. Хоренаци М. История Армении. М., 1893. С. 132–133.
6. Леонтий Мровели. Обращение Картли святой Нино // Картлис Цховреба / Под ред. Р. Метревели. Баку, 2012. С. 47.
7. Там же. С. 49, 51.
8. Там же. С. 51.
9. Там же. С. 57.
10. Православная энциклопедия. Т. 13. С. 194.
11. Леонтий Мровели. Обращение Картли святой Нино. С. 60.
12. Джанашиа С.Н. Труды. Тбилиси, 1949. Т. I. С. 223 (на груз. яз.).
13. Леонтий Мровели. Обращение Картли святой Нино. С. 64.
14. Там же.
15. Там же. С. 60.
16. Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Тбилиси, 1979. Т. I. С. 273 (на груз. яз.).
17. Н.Я. Марр считал, что Нино проповедовала в Западной Грузии, в Восточной же – Григор. Позже будто бы эти два предания слились: Марр Н.Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия) // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. 1905. Т. XVI. С. 169 и сл. По мнению С. Какабадзе и К. Кекелидзе, Иберией, где протекала деятельность Нино, называлась часть Картли, лежащая к северу от Куры. Южная же часть Картли – Гугарк – являлась по-

лем деятельности Григора. См.: Какабадзе С. Святая Нино и ее значение для истории Грузии. Тбилиси, 1912. С. 5–8; Кекелидзе К. Главные хронологические вопросы из истории обращения Грузии в христианство // Этюды. Тбилиси, 1957. Вып. IV. С. 252–292 (обе статьи на груз. яз.).

18. Какабадзе С. Разыскания по истории Грузии IV–VII вв. // Исторический сборник. Тбилиси, 1929. Вып. 2. С. 7 (на груз. яз.).

19. Чхатишвили М.С. Об интерпретации некоторых сведений источников по истории христианизации Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985. С. 89.

20. Алексидзе З. Грузинская Православная церковь // Грузины. М.: Наука, 2015. С. 569.

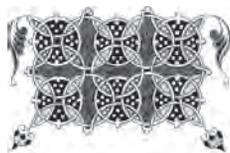
21. Очерки истории Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1988. Т. II: Грузия в IV–X веках. С. 139.

22. Джуаншер Джуаншерияни. Жизнь Вахтанга Горгасала / пер., введ. и примеч. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. 59.

23. Алексидзе З. Указ. соч. С. 571.

24. Мусхелишвили Д. Средневековая Грузия V–XVIII веков // Грузины. М.: Наука, 2015. С. 28.

25. Джавахов А.Н. К антропологии грузин // Русский антропологический журнал. 1905. № 3–4. С. 10.

СУТОЧНЫЙ КРУГ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ, СТРУКТУРА ЕЁ ЛИТУРГИИ И СВЯЗЬ С ВИЗАНТИЙСКИМИ ЛИТУРГИЯМИ

Аннотация. Статья посвящена истории сложения Божественной Литургии Армянской Апостольской Церкви. Автор опирается на анализ сохранившихся источников, позволяющих говорить о византийских корнях армянской литургической традиции. Опираясь на современную Литургию, реконструируя те ее формы, которые складывались постепенно, автор раскрывает перед читателем путь армянской церковной литургической традиции.

Ключевые слова: история Литургии, Армянская Апостольская Церковь, Литургическое богословие, христианская антропология и духовность.

Abstract. The article is devoted to the history of the formation of the Divine Liturgy of the Armenian Apostolic Church. The author relies on an analysis of surviving sources that allow us to talk about the Byzantine roots of the Armenian liturgical tradition. Based on the modern liturgy, reconstructing those forms that gradually took shape, the author reveals to the reader the path of the Armenian church liturgical tradition.

Keywords: history of the liturgy, Armenian Apostolic Church, liturgical theology, Christian anthropology and spirituality.

Арутюнян Гоар Эдвардовна (Haroutiounian Gohar Edvardovna) – доктор религиозной антропологии и истории религий (Париж - Сорбонна), доктор филологии и истории религий Древнего Востока (Парижский католический институт). Магистр богословия Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Бывший лектор Лионского католического университета. Лектор Георгиевской Духовной Академии (Эчмиадзин) / gohar.haroutiounian@gmail.com

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 33-39.

ISSN 2687-1122 | | <http://naukapravoslavie.ru>

УДК - 2.27. 271-9

ББК - 86.37

- Печатается в авторской редакции

*Святому Нерсесу Шнорали
и светлой памяти И. Троицкого
посвящается*

1. Суточный круг

Суточный круг в армянском обряде состоит из девяти служб [1]. Самые древние из них: утренняя служба, службы 3, 6, 9 часов и вечерняя служба [2]. Позднее в суточный круг вводятся ночная служба, служба восхода солнца и служба мирного часа [3]. Последней примыкает к суточному кругу служба перед отходом ко сну [4]. В истории становления армянского обряда были периоды, когда все эти службы служились отдельно [5]. Однако постепенно службы объединились в три основные группы: утренние (ночная, утренняя, восхода солнца); дневные (3, 6, 9 часов), вечерние (вечерняя, мирная, перед отходом ко сну) [6]. Современный армянский обряд придерживается этой практики [7]. Что касается определенного часа служений, а также вытеснений и замещений некоторых служб, то исторические сведения не дают возможности детально проследить, как проходил процесс складывания богослужения во времени. Предписания касательно утренней группы разнятся между следующими определениями: «в ночи», «при первом зове петуха», «перед восходом солнца». Дневной группы – «в полдень», «днем». Большинство предписаний, касающихся вечерней группы, сходятся на «десятом часу» [8].

Каждая из девяти служб суточного круга обращена к одному или нескольким лицам Святой Троицы и посвящена воспоминаниям о жизни Иисуса Христа. Ночная служба воспоминает Бога Отца. Утренняя служба – Сына Божьего, явившегося мирносицам. Служба восхода солнца воспоминает Духа Святого, воскресение Христово и Его явление ученикам. Служба 3 часа воспоминает вкушение праматери и освобождение человечества Христом, а также сошествие Духа Святого. Служба 6 часа воспоминает Бога Отца, муки и распятие Сына Божьего. Служба 9 часа воспоминает Сына Божьего, его смерть и испускание его человеческого духа. Вечерняя служба воспоминает Сына Божьего, Его снятие с креста, покрытие плащаницей и погребение. Служба мирного часа воспоминает Духа Святого и Слово Божье, погребенное, сошедшее в ад и умиротворившее души. Служба часа покоя воспоминает Бога Отца, который в ночной мгле хранит нас в мире охраняющей десницей Единородного Сына.

2. Литургия: исторический очерк

В армянском обряде есть около десяти анафоров, тексты которых собраны и представлены на древнеармянском [9] в издании Катерджана [10]. Что касается рукописных источников, можно выделить два основных: лионская рукопись, датируемая 1314 годом, и мюнхенская, датируемая 1427–1432 годами и скопированная с рукописи 1288 года [11]. Основываясь на этих рукописях, можно выделить 9 армянских литургий.

Храм Святого Сергия в Ереване

- Древняя версия литургии Святого Василия Великого [12].
- Литургия святого Афанасия Великого [13].
- Литургия святого Кирилла Александрийского [14].
- Литургия святого Григория Богослова [15].
- Литургия святого Саака [16].
- Литургия святого Василия Великого [17].
- Литургия святого Иоанна Златоуста.
- Литургия святого Иакова [18].
- Литургия святого Игнатия Антиохийского.

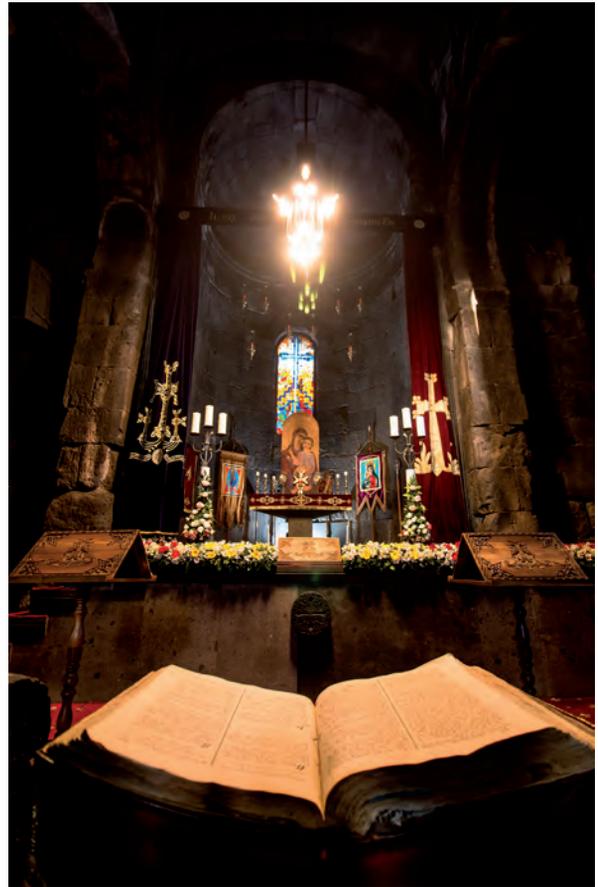
Самая древняя из литургий – древняя версия литургии Святого Василия Великого, она датируется началом 5 века и является связующим звеном между александрийской [19] и византийской [20] версиями [21]. Именно её служили в Армянской церкви до 10 века и в дальнейшем заменили литургией святого Афанасия Великого, происхождение которой датируется 6 веком, древняя версия – X веком [22], устоявшаяся версия – XIII веком [23]. Вопрос о служении остальных литургий остаётся открытым. Три из них, святого Кирилла Александрийского, святого Григория Богослова и святого Саака, относятся к первому тысячелетию [24]. Остальные, византийская версия святого Василия Великого, литургии святого Иоанна Златоуста, святого Иакова и святого Игнатия Антиохийского, датируются XI–XII веками [25].

3. Строение Литургии

Сегодня в Армянской Апостольской Православной Церкви под названием литургии Григория Просветителя служит литургия святого Афанасия Великого [26]. Она состоит из четырёх основных частей: 1) Приготовление; 2) Литургия оглашенных; 3) Литургия верных; 4) Отпуст.

Первая часть служит подготовкой к началу литургии, она включает: облачение священнослужителя в ризнице, его выход на солею, умывание рук и вход в алтарь [27]. В Армянской церкви алтарь возвышен и священник поднимается на алтарь. [28] Затем завеса алтаря задёргивается и начинается приготовление Святых Даров для Евхаристического служения [29].

Вторая часть, Литургия оглашенных, начинается с гимна каждения. Завеса алтаря раздвигается, священник спускается с алтаря, проходит через среднюю часть церкви и возвращается, поднимается на алтарь [30]. Поются тропарь и гимн по уставу [31]. Затем следует малый вход, когда торжественно вносится Евангелие и поётся Трисвятое [32]. Чтение писаний, предваряемое ектеньёй, включает Ветхий Завет (в основном из пророков), апостольские послания и Евангелие [33]. После чтений следует проповедь, хотя во многих храмах она пере-

Храм Святого Креста в Апаране

носится на Литургию верных и предваряет чтение молитвы «Отче наш», а то и вовсе произносится в конце богослужения. Завершается Литургия оглашенных чтением Символа веры и ектеньёй [34].

Литургия верных начинается с отпуста оглашенных и представления Святых Даров. Совершается Великий вход, во время которого поется Херувимская песнь и Святые Дары переносятся из дарохранильницы [35] на престол [36]. Затем следуют ектенья и пожелание мира, которое передаётся всем верующим с алтаря в солею, из солеи - в среднюю часть храма. Верующие приветствуют друг друга словами: «Христос посреди нас. Благословенно явление Христа». Затем начитается анафора, которая состоит из следующих разделов:

- Вводный диалог [38].
- Вступительная молитва (интродукция): хваления и благодарения Отцу за творение и спасение [39].
- Гимн «Свят, Свят, Свят» : Серафимская песнь (санктус) [40].
- Молитва после гимна (постсанктус), вос-

поминающая в деталях историю спасения во Христе, особенно Тайную Вечерю [41].

- Установительные слова [42].

- Воспоминание (анамнесис) [43]: молитва, в которой звучит заповедь Иисуса о повторении обряда и говорится о его смерти, воскресении, вознесении и втором пришествии [44].

- Призвание Духа Святого (эпиклесис), содержащее прошение к Отцу о ниспослании Духа Святого на верующих и на хлеб и вино, чтобы предложить их в тело и кровь Христа для спасения принимающих их в причастии [45].

- Диптих и Ходатайство (интерцессия), содержащие молитвы за живых и мертвых [46].

- Заключительное славословие (доксология), на которое народ отвечает «Аминь» [47].

После анафоры читается «Отче наш», потом следует поклонение Святым Дарам и их возношение [48]. Затем хлеб, гостия [49], опускается в вино и преломляется [50]. Завеса алтаря задерживается и начинается подготовка к причастию. После того как завеса раздвигается, начинается таинство причащения [51].

После причащения завеса алтаря вновь закрывается, таинство причащения завершается и начинается заключительная часть евхаристического служения: отпуст [52].

Священник спускается с алтаря на солею и после молитвы читает заключительное Евангелие. Благословив верующих, он отпускает их. В конце службы верующим раздается освященный хлеб: «мас» [53].

4. Связь армянской Литургии с византийскими литургиями

Как можно было заметить из вышесказанного, строение армянской и византийских литургий святого Василия Великого и Иоанна Златоуста – идентично [54]. Это объясняется их исторической принадлежностью к единой антиохийской (западно-сирийской) литургической семье, объединяющей литургии антиохийского структурного

типа: антиохийские, византийские, армянские и грузинские [55]. Армянская Литургия, как и византийские, состоит из четырех основных частей, самые древние из которых – Литургия оглашенных и Литургия верных. Основные различия в строении этих частей сводятся к следующему: 1) отсутствие в армянском обряде Заповедей блаженства и некоторых византийских литургических песнопений (чередующихся антифонов, гимнов «Достойно есть», «О тебе радуется») [56]; 2) отсутствие в византийском обряде чтений из Ветхого Завета; 3) различное месторасположение Символа Веры, который в армянской Литургии читается во время Литургии оглашенных, после чтений проповеди, тогда как в византийских – во время Литургии верных, после Великого входа и пожелания мира.

Что касается месторасположения Символа веры, нам кажется, что армянская Литургия представляет более древнюю структуру. Например, в древних текстах таинств, таких как Крещение, Символ веры читается в подготовительной части таинства, до входа оглашенного в церковь или до его выхода на солею, в любом случае – до крещения [57]. Во время Евхаристического служения именно Литургия оглашенных служит подготовкой к участию в Литургии верных, включающей таинство Причащения. Также интересно, что мы находим отголоски логичной структурной принадлежности Символа веры к Литургии оглашенных в самом древнем тексте обряда утверждения Ветхого Завета: Исход 24, 1-11 [58]. Экзегетический анализ данного отрывка помогает нам выявить следующую структуру:

Обряд утверждения Завета (Ис 24, 6-8).

1. Приготовление даров (ст. 6).
2. Чтение книги Завета (ст. 7).
3. Согласие народа (ст. 7).
4. Утверждение Завета (ст. 8).

Этот обряд является прототипом еврейской литургии, которая является основой христианского Евхаристического служения:

Исход 24, 1-11	Еврейский обряд	Евхаристическое служение
Приготовление даров	Храмовый обряд	Проскомидия
Чтение книги Завета	Синагогальный обряд	Литургия оглашенных
Согласие народа	Синагогальный обряд	Символ веры
Обряд утверждения Завета	Храмовый обряд	Литургия верных
Обрядовое вкушение	Семейный обряд	Причастие

Что касается византийского обряда чтения Символа веры во время Литургии верных, после Великого Входа и перед Святыми Дарами, оно предполагает участие только крещеных и больше подчеркивает их избранность или конфессиональную принадлежность. Такое мышление, как нам кажется, присуще более поздней византийской эпохе.

Следующее структурное отличие между литургиями армянского и византийских обрядов – чтение в армянской Литургии ветхозаветных текстов, в частности пророков [59]. Этот элемент подчеркивает ветхозаветную перспективу Евхаристического служения. Такая акцентуация присуща ранней Церкви и восточно-сирийской традиции. Мы находим ее, например, в Учении Двенадцати Апостолов [60], в анафоре Апостолов Адаи и Мари [61]. Отсутствие ветхозаветных чтений в византийской Литургии свидетельствует о новозаветном мышлении, основанном на греческой культуре.

Что касается отсутствия в армянском обряде Заповедей блаженства и некоторых византийских литургических песнопений, таких как чередующихся антифонов, гимнов «Достойно есть», «О тебе радуется», то они отсутствуют в древних литургических текстах и являются ново-

введением и особенностью, которые подчеркивают христианское новозаветное мышление византийской Литургии.

Таким образом, мы можем заключить, что по сравнению с византийскими, строение и мышление армянской Литургии в её древних частях [62] более архаично, с выраженной ветхозаветной направленностью, тогда как византийские литургии представляют ясно и четко очерченное христианское новозаветное мышление.

Нам хотелось бы завершить наше исследование констатацией единства богословской направленности Евхаристического служения армянского и византийского обрядов. В обеих традициях Литургия совершается перед лицом Святой Троицы народом Божиим при председательстве священнослужителя. Во время Литургии, через призывание Духа Святого на «нас» и на дары [63], хлеб и вино становятся пречистым телом и пречистой кровью Христовой, которым причащаются крещеные миряне, духовенство и церковнослужители. Причащаются во искупление и оставление грехов, становясь Храмом Святым, в котором прославляется Пресвятая Троица, которой во веки веков подбавляет слава, сила и честь [64].

Светлая Седмица 2017 года, Эчмиадзин

DAILY CIRCLE OF THE ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH: STRUCTURE OF ITS LITURGIES AND CONNECTION WITH THE BYZANTINE LITURGIES

Литература

1. Службы цитируются на основе *Жамагирк'* (Часослова) Армянской церкви = *Շախաղիրք Առնկի*, Иерусалим, 1915.
2. Ацуни датирует их IV–V веками от Р.Х.. К этому списку он прибавляет также ночную службу. *Ասուни* = Հաղորդի Վ., *Պատմություն Հայոց տրոսիտիտյանի*, Эчмиадзин, 2015. С. 204.
3. Ацуни (с. 244) датирует службы восхода солнца и службу мирного часа VI–VIII веками.
4. Ацуни датирует ее происхождение XIV веком, а присоединение к суточному кругу XVI веком. См.: Ацуни. Указ. соч. С. 37–38.
5. Ацуни отмечает период до IX века. См.: Ацуни. Указ. соч. 55–56.
6. Ацуни. Указ. соч. С. 56–57.
7. В приходской практике служатся в основном утренняя и вечерняя группы.
8. Литургию или так называемую «Обеденную службу» предписано служить после службы 6-го часа.
9. Древнеармянский язык называется «грабар».
10. *Catargian Y. Die Liturgien bei den Armeniern, Funfzehn Texte und Untersuchungen*, herausgegeben von P. J. Dashian, Wien, 1897.
11. О рукописях см.: *Renoux C.* «L'anaphore arménienne de saint Grégoire», dans *Eucharisties d'Orient et Occident*, t. 2, 1970, Cerf, Paris, p. 85. (LO, 47).
12. Древнеармянская версия литургии Святого Василия Великого представлена Рену. *Renoux C.* «L'anaphore arménienne de saint Grégoire». P. 88–102. Про древнеармянскую версию смотри также *Haroutiounian-Thomas G.* «Les fondements bibliques de la vieille anaphore arménienne de saint Basile : l'aspect christologique», dans *La Liturgie interprète de l'Écriture. Conférences Saint-Serge XLVIIIe Semaine d'Études Liturgiques, Paris - 2002*, vol. II, éd. A. M. Triacca, A. Pistoia, Rome : Edizioni Liturgiche, 2003, p. 65–76. (BEL.S 126)

13. Истории этой литургии посвящено исследование Ганса Фёлнера. см.: *Feulner H.-J. Die armeniche Athanasius- anaphora*, Rome, 2001, (ОА 1). Французский перевод и исследование христологии этой литургии см.: *Haroutiounian G., Christologie des anciennes anaphores arméniennes*, thèse de doctorat, Paris - Sorbonne, 2007. P. 50–54, 191–204.
14. Критическое издание текста, французский перевод и исследование его христологии в *Haroutiounian G. Christologie des anciennes anaphores arméniennes*, Pp. 34–42, 66–70, 165–190.
15. Критическое издание текста, французский перевод и исследование его христологии в *Haroutiounian G. Christologie des anciennes anaphores arméniennes*, Pp. 16–23, 55–59, 105–136.
16. Критическое издание текста, французский перевод и исследование его христологии в *Haroutiounian G. Christologie des anciennes anaphores arméniennes*, Pp. 24–33, 60–65, 139–164; *Winkler G. Die armenische Liturgie des Sahak. Edition des Cod. arm 17 Lyon, Übersetzung und Vergleich mit der armenischen Basilisus-Anaphora...*, Rome : PIO, 2011. (АО 3, АА 3).
17. Истории этой литургии посвящено исследование Габриэль Винклер. См.: *Winkler G. Die Basilisus-Anaphora. Edition der beiden armenischen Redaktionen und der relevanten Fragmente, Übersetzung und Zusammenschau aller Versionen im Licht der orientalischen Überlieferungen*, Rome : PIO, 2005. (АО 2, АА 2). Французский перевод и исследование христологии этой литургии См.: *Haroutiounian G., Christologie des anciennes anaphores arméniennes*, Pp. 45–49, 75–104.
18. *Winkler G. Die Jacobus-Liturgie in ihren Überlieferungssträngen, Edition des Cod. arm 17 Lyon, Übersetzung und Liturgievergleich*, Rome : PIO, 2013. (АО 4, АА 4).
19. *Doresse J. – Lanne E. Un témoin archaïque de la liturgie copte de Saint Basile*, Bibliothèque du Muséon, vol. 47, Louvain, 1960.
20. *Parenti S. – Velkovska E. L'Euclologio Barberini Gr. 336*, Rome, 2000. (BEL.S 80)
21. *Renoux C. « L'anaphore arménienne de saint Grégoire »*. P. 83–84.
22. *Cowe P. Commentary on the Divine Liturgy by Hosrov Anjewac 'i*, New-York, 1991. Французский перевод и исследование христологии этой литургии См.: *Haroutiounian G., Christologie des anciennes anaphores arméniennes*. Pp. 50–54, 191–204.
23. О датированке этого текста См.: *Feulner H.-J. Die armeniche Athanasius-anaphora*. P. 459–600.
24. Фёлнер и Арутюнян датируют эти тексты 6 веком. *Feulner H.-J. Die armeniche Athanasius-anaphora*. P. 459- 600.
60. *Haroutiounian G. Christologie des anciennes anaphores arméniennes*. P. 205–206 .
25. *Feulner H.-J. Die armeniche Athanasius-anaphora*. P. 458–459.
26. *Nersoyan T. Divine Liturgy of the Armenian Apostolic Orthodox Church with Variables, Complete Rubrics and Commentary*, Londres, 1984.
27. В Армянской церкви алтарь возвышен и священник поднимается на алтарь.
28. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 16–31.*
29. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 30–41.*
30. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 40–43.*
31. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 44–47.*
32. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 46–49.*
33. Этот порядок учреждает 6 канон второго Двинского собора (555). *Канонагирк 'Найоц*, Ереван, 1964. P. 480.
34. *Nersoyan T. Divine Liturgy...* P. 56–61.
35. «Жертвенник» в византийском обряде.
36. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 62–67.*
37. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 66–71.*
38. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 70–73.*
39. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 72–73.*
40. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 74–75.*
41. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 74–75.*
42. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 74–77.*
43. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 76–77.*
44. О молитве Анамнесис в различных антиохийских анафорах, в том числе армянских и византийских, смотри *Haroutiounian-Thomas G. «L'anamnèse et l'histoire du salut dans la famille syrienne occidentale»*, dans *Mélanges George Wagner*, Paris, Presses Saint-Serge, 2005. P. 1136–126.
45. *Nersoyan T. Divine Liturgy...* P. 78–81.
46. *Nersoyan T. Указ. соч. С. 80–87.*

47. Nersoyan T. Указ. соч. С. 86–87.

48. Nersoyan T. Указ. соч. С. 88–93.

49. Гостия – опреснок круглой формы, выпеченный из пресного теста, с рельефным изображением, в основном, распятия.

50. Nersoyan T. *Divine Liturgy*... P. 94–95.

51. Таинство причащения состоит из трех основных частей: подготовительной молитвы, причащения и благодарственной молитвы. См. : Nersoyan T. Указ. соч. С. 96–105.

52. Nersoyan T. Указ. соч. С. 104–113.

53. Антидор в византийском обряде.

54. Византийские литургии святого Василия Великого и святого Иоанна Златоуста состоят из трех основных частей: Проскомидии, Литургии оглашенных и Литургии верных. Заканчиваются они отпустом. Проскомидия включает облачение священника и приготовление даров на жертвеннике. Литургия оглашенных, в общих чертах, имеет следующую структуру: ектеня, антифоны, гимн Единородный Сын, Заповеди блаженства, Малый вход, тропарь по уставу, Трисвятое, чтения, проповедь, ектеня, отпуст оглашенных. Структура Литургии верных следующая: благодарение и славословие, ектеня, Херувимская, Великий вход, пожелание мира, Символ веры, анафора, ектиния, «Отче Наш», причащение, благодарственная молитва, отпуст. См.: *Служебник*, Московская Патриархия, Москва, 2001.

55. О литургических структурных типах См.: Baumstark A. *Liturgie comparée. Principes et méthodes pour l'étude historique des liturgies chrétiennes*, 3-e éd. (revue par B. Botte), Chevetogne : Editions de Chevetogne, 1953; Bradshaw P., *La Liturgie chrétienne en ses origines : sources et méthodes*, Liturgie 5, Paris, Cerf, 1995; Bouyer L., *Eucharistie : théologie et spiritualité de la prière eucharistique*. Paris : Desclée, 1968, 1990; Cerf, 2009.

56. Другие гимны византийской литургии, такие как «Единородный Сын», «Херувимская», «Серафимская», «Трисвятое», входят в структуру армянской Литургии.

57. Renoux A. (Ch.), *Initiation chrétienne. I. Rituels arméniens du baptême*, Paris, Cerf, 1997, 76–87.

оглашенных 58. Haroutiounian G. «Exode 24, 24–11: le récit le plus ancien de la conclusion de l'Ancienne Alliance », в *Воскан Ереванци 350*, Эчмиадзин, 2018, С. 193–199. Доклад «Исход 24, 1–1: древнейший текст утверждения ветхого Завета», представлен нами в октябре 2016 года в Эчмиадзине на международной конференции, посвященной 350- летию печатного издания армянской Библии.

59. В армянской Литургии чтения из Ветхого Завета упоминаются с 6 века. См. 6 канон второго Двинского собора (555) в *Канонагирк' Найоц*. P. 480.

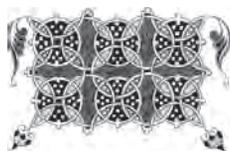
60. *La Doctrine des douze apôtres (Didachè)*, éd. W. Rordorf, A. Tuilier, Paris, Cerf, 1998. (SC 248 bis).

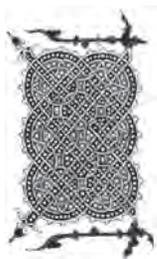
61. Botte B. «Problèmes de l'anaphore syrienne des apôtres Addaï et Mari », dans *L'Orient Syrien*, 1965, P. 89–106. (vol. X, fas. 1).

62. Таких как Литургия оглашенных и Литургия верных.

63. Nersoyan T. *Divine Liturgy*... P. 78.

64. Nersoyan T. Указ. соч. С. 96–98.

ОТНОШЕНИЕ К НИЩИМ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Автор рассматривает социальную категорию нищих в религиозном контексте, а также в свете конкретной русской этнической традиции. В последнем случае нищие были близки группе «странников», богомольцев, которые посвятили свою жизнь паломничеству по святым местам. Между тем уже в начале XX в. немалое число нищих были просто бедняками, не имеющими дома и заработка. В советское время с нищенством начинают целенаправленно бороться, как с социально вредным явлением. Но при этом советская власть своими масштабными проектами - индустриализацией и особенно коллективизацией, борьбой с враждебными классами, породила миллионы нищих. Она боролась с ними, как с врагами народа. Еще одна большая волна нищих появилась после Великой Отечественной войны, но и эти нищие не нашли должного сочувствия у власти. В целом, отношение к нищим в советское время можно охарактеризовать как репрессивное, вне традиции, вне религиозных норм, что служит обличением власти.

Ключевые слова: нищие, паломники, православная традиция, бродяги, попрошайки, враги народа, антигуманные практики.

Abstract. The author considers the social category of the poor in a religious context, as well as in the light of a specific Russian ethnic tradition. In the latter case, the poor were close to the category of "wanderers," pilgrims who dedicated their lives to pilgrimage to holy places. Meanwhile, at the beginning of the XX century, a considerable number of beggars were simply poor people who did not have a home or income. In Soviet times, the authorities began to struggle with poverty in a deliberate way, as with a socially harmful phenomenon. But at the same time, the Soviet government with its large-scale projects - industrialization and especially collectivization, the struggle against hostile classes - generated millions of beggars. It fought with them, as with the enemies of the people. Another big wave of beggars appeared after World War II, but these beggars did not meet the proper sympathy of the government. In general, the attitude towards the poor in Soviet times can be described as repressive, outside of tradition, outside of religious norms, which serves as a denunciation of power.

Keywords: beggars, pilgrims, Orthodox tradition, tramps, beggars, enemies of the people, inhumane practices.

Шляхтина Наталья Валерьевна (Shlyakhtina Natalya Valerevna) - младший научный сотрудник ИЭА РАН, секретарь научного православного журнала «Традиции и современность» /natalja.25.256@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 40-62.

ISSN 2687-1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательской работы
Института этнологии и антропологии РАН

УДК — 39.394.014

ББК — 87.7

Отношение к нищим до революции 1917 г.

Нищий – почти фольклорный персонаж в русской традиции, поэтому спектр традиционного отношения к нему самый широкий – от трагически сочувственного и умилительного, до насмешливого и даже недоброжелательного. А это указывает на весьма разнообразный спектр источников-авторитетов, на базе которых сложилось и выросло такое отношение. На трагическом полюсе безусловным авторитетом является Евангелие и Псалтирь, что в совокупности соответствует церковной точке зрения на нищенство. Ироничный полюс появился, думается, тоже из церковного (евангельского) источника, но был взят оттуда и приспособлен под некие «повседневные нужды», «жизнь какова она есть», то есть лишен спокойного осторожного церковно-критического взгляда, но разбавлен стихией самого разного неблагоприятного отношения к нищей братии. В евангельском же тексте критический взгляд на нищих обозначен очень осторожно, совсем не предполагая народной фантазии и критицизма. Как нам кажется, народ по-своему воспринял следующие евангельские тексты о нищих: «Нищих всегда имеете с собою и когда хотите можете им благотворить, а Меня не всегда имеете» (Мк, 14, 7). Возможно, на критическое отношение к нищим повлиял и другой евангельский отрывок, где Спаситель обращается к богатому юноше, желающему спастись, и как последнее средство, необходимое для спасения, советует ему раздать все свое имение нищим, взять крест и следовать за Ним (Мк. 10, 17-22). Юноша с печалью в сердце отходит от Христа, не имея сил выполнить Его совет, и, возможно, что дело здесь было не просто в отказе от всего богатства («а имение его было много»), а в передаче его нищим. Может быть, он был более всего смущен непонятной формой передачи своего богатства. Нищие, которых, судя по притче о богатом и Лазаре, не особо жаловали богатые и в целом в восточном обществе, вдруг начинают претендовать на такой лакомый кусок, который делает их людьми зажиточными. И эта перемена мест нищего и богатого юноши особенно, очевидно, не устраивает последнего. Народный пытливый ум улавливает это колебание юноши и, скорее всего, встает на его сторону. Люди видят в нищем помеху благочестивому порыву юноши, ведь если бы деньги можно было направить на ремонт храма или что-то иное, похожее, то, возможно, и у юноши не было бы вопросов и препятствий на его пути. Христос словно специально так ставит вопрос,

в самой крайней степени его обнаженности, чтобы юноша, как и женщина сиропфиникиянка, просящая Христа об исцелении одержимой дочери, не могли по человеческой природе, учитывая условности мира, выполнить эти условия. Женщине Христос говорит о том, что нельзя же отнять хлеб у детей, а отдать псам; т.е. Он нарочито называет евреев «детьми», а ее племя псами, обозначая некую реальную, народную форму отношений, которая тогда существовала. И женщина смиренно, ради больной дочери, принимает этот жесткий вариант почти враждебного отношения двух народов и тем самым являет свою веру в то, что это все пустые условности, а подлинность состоит в том, что дочь страшно больна и спасти ее может только Христос, представитель того самого народа, который считает ее народ собаками. Подобного разрешения коллизии не произошло в ситуации с юношей, и народ здесь, очевидно, увидел в качестве главного препятствия нищих и задумался о них со всей серьезностью. А помня о других словах Спасителя о нищих (указанных выше), где последние опять становятся на пути благого дела, теперь уже связанного с Самим Христом, люди, конечно, не могли не вывести некоего важного – общего – суждения, позволяющего не только сострадать нищим в их нуждах, но быть готовыми высмеять, осудить их и дать нелестную оценку. Такой двухполюсный народный взгляд на нищенство и можно считать традиционным.

Причем, двухполюсное отношение к нищим порождало и другое явление – нищих разных типов; с одной стороны – людей, полных собственного достоинства и смирения, аскетически, по-церковному, несущих свой крест нищенства, с другой стороны – хитрецов и «профессионалов», превративших нищенство в доходную статью, использующих любую возможность правдами и неправдами не только добыть кусок хлеба, но и нередко – сверх того. Нельзя сказать, что эти две категории нищих были разделены четкой гранью и люди видели тех и других в их реальном обличье, скорее предполагалось, что «плохие нищие» существуют, но к каковым относятся данные конкретные просители, сказать трудно. Кого-то (из числа благочестивых), конечно, было видно и по поведению, а других не всегда удавалось разглядеть. Тем более, что нищенская доля, в целом, в дореволюционной России все-таки не предполагала обогащения, накопления денег, это был лишь – при негативной ситуации – уход от крестьянского труда, от труда как

такового, в сторону жизни на подаяние. Праздность – вот что было здесь определяющим для тех нищих, которые имели «вид благочестия», а таковыми не были.

Между тем русская деревня в силу ее малоземелья и невысоких урожаев, порой недорода, нередко ставила перед простонародьем проблему элементарного физического выживания, в какой-то отдельный, временной, момент его существования. И тогда людям на короткое время приходилось идти по миру «собирать кусочки» в ближайшей округе, чтобы дотянуть до весны, первой зелени и растительности. А.Н. Энгельгардт уже в «Первом письме» своего знаменитого эпистолярного аграрного дневника 1880-х годов обращается к этой теме. Он пишет, что это обычная практика, как для господ, так и для крестьян, имеющих некий запас хлеба и могущих поделиться «кусочком» с теми, кто в этом нуждается. Вот его отчет по кусочникам. «В нашей губернии, и в урожайные годы, у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, те посылают детей, стариков, старух в “кусочки” побираться по миру... В конце декабря ежедневно пар до тридцати проходило побирающихся кусочками: идут и идут, дети, бабы, старики, даже здоровые ребята и молодухи... Совестно молодому парню или девке, а делать нечего, – надевает суму и идет в мир побираться» [1, с. 20]. Помещик обращает внимание на тот факт, что крестьяне, которые поначалу сами подают, порой, оставшись в тот же год без хлеба, вынуждены также нищенствовать: «В нынешнем году пошли в кусочки не только бабы, старики, старухи, молодые парни и девки, но и многие хозяева. Есть нечего дома, – понимаете ли вы это? Сегодня съели последнюю ковригу, от которой вчера подавали кусочки побирающимся, съели и пошли в мир. Хлеба нет, работы нет, каждый и рад бы работать, просто из-за хлеба работать, рад бы, да нет работы» [2, с. 21]. Мотивом подачи милостыни в виде кусочков хлеба – мотивом единым для крестьян и помещиков, – как объясняет Н.А. Энгельгардт, является человеческое милосердие, подают Христа ради; и в этом контексте неподача милостыни – уже не просто жестокость или черствость, а грех [3, с.24], убийственная и понятная для всех оценка.

Нет смысла, наверное, перечислять категории нищих, говорить, насколько эта фигура была привычной для крестьянской дореволюционной Руси, насколько она была тесно связана со странничеством, почти религиозной

формой жизненного целеполагания, ведь за ней стоял евангельский и апостольский образ Иисуса Христа, Его апостолов. Для нашего исследования более важной является задача обозначить социально-ценностные характеристики этой социальной категории в глазах имперского государства и современного ему общества. Для государства нищие были, прежде всего, количественно большой социально неблагополучной группой граждан, которая оказалась в поле зрения имперской власти с момента создания империи. Уже при Петре I было четко заявлено, что государство больше не намерено видеть в нищих некую священную «библейскую» категорию, которая чуть ли не охраняется государством. Во всяком случае нищим было разрешено, и особенно в городах и даже столице, сколь угодно массовое присутствие, традиционно ограниченное околохрамовой территорией. Город же в то время был наполнен не только обилием храмов, но и часовен, а также поклонных крестов на перекрестках, где также нередко находились нищие среди полунищих священников, не имеющих места. Тогда же государство обозначило свою позицию, которая заключалась в помещении людей, не имеющих возможности себя прокормить, в специальные богоугодные заведения, поначалу при монастырях, а потом в светские, государственные и частные. Тогда же начала проводиться сегрегационная деятельность по отделению добрых нищих от лиц, притворяющихся таковыми. Критерий был один: если человек способен трудиться, физические силы ему позволяют, значит – это ложный нищий, значит, надо отправлять его на принудительные работы, если он сам не хочет трудиться. Больных, бездомных стариков, калек, инвалидов – из категории настоящих нищих, надо отправлять в богоугодные заведения. Казалось бы, задача была поставлена и началось ее выполнение, но как показали последующие события, на практике выполнение ее оказалось затруднительным. Не хватало средств на создание богоугодных заведений, частный капитал активно включился в эту деятельность лишь во второй половине XIX в., до этого львиная доля забот по призрению нищих в специальных учреждениях лежала на государственных учреждениях, которых катастрофически не хватало, и на церковных, главным образом монастырских (при женских монастырях), активно развивающихся с 1860-х годов. Но в целом проблема не решалась по двум причинам: во-первых, из-за недостаточного количества таких заведений и более быстрого

роста нищих (вплоть до 1917 г.); во-вторых, по причине пребывания основной массы нищих в сельском сегменте России, где нищие привычно (для себя и крестьянства) могли существовать на огромном пространстве страны, передвигаясь порой на немалые расстояния по ее сельским дорогам, и жить если не «безбедно», то во всяком случае стабильно и не умирая от голода.

И все же государство ставило проблему нищенства как важную социальную проблему, оно обязывало заниматься этим вопросом отдельные губернии и губернаторов, собирало статистические данные, искало средства и возможности для сокращения нищих в стране, словом, проводило целевую, «гуманную» политику по борьбе с нищенством. И решения, касающиеся локализации нищенства, были целиком в русле тех постоянных перемен в стране, которые начались в пореформенный период. Важным здесь было то, что государство не отрицало факта существования этой проблемы для страны; как и саму возможность победить это зло в короткий исторический отрезок или даже сразу наскоком. В самом явлении имперское государство постепенно переставало видеть только экономическую и культурную (цивилизационную) проблему России; власть стала возвращаться к традиционному – религиозному – взгляду на нищенство, но уже в контексте экономических и культурных проблем. Религиозный взгляд на нищенство состоял в признании за нищими не только юридического и морального права на помощь со стороны общества и государства, но и духовно-религиозного их (нищих) права на подобный образ жизни как выражение их свободного выбора. Вот почему дореволюционный опыт государственного отношения к нищим за имперский период прошел определенную сложную эволюцию, от узости упрощенного, утилитарного, формального взгляда к христианскому отношению к ним. В результате нищие к началу XX в. стали трактоваться широко, и как категория социально-функциональная, в рамках только экономической целесообразности, и как религиозная категория, в которой заключен свой внутренний смысл, которым нельзя пренебрегать даже государству. Единственно, непонятно, как государство собиралось отдавать «Богу Богово, а кесарю кесарево», соединить вещи во многом несоединимые. Во всяком случае, очевидно, что уходило в прошлое то узкое унифицированное отношение к нищим, что было характерно для XVIII столетия, когда все определялось полезностью и заботой о физическом здоровье.

Менялся за имперский период и общественный взгляд на нищенство. Здесь, конечно, не было столь радикально выстроенной модели неприятия нищенства, каковой она была у государства в XVIII столетии, но была определенная разделенность на негативное отношение у некоторой части аристократии и сохранение традиционного – милосердного – у части помещицкой России и повсеместно положительного взгляда у простонародья, из среды которого нищие в основном и появлялись. Вектор этой разделенности был четко обозначен до поры (до начала XIX в.) и оказывал серьезное влияние в целом на общественное настроение по отношению к этой категории населения. При том, что негативно относящаяся часть аристократии составляла меньшинство в обществе и только часть правящего слоя, но именно они задавали тон, определяющий поддержку однополярному государственному взгляду на нищенство, что во многом повлияло и на народный взгляд. В последнем случае, как нам видится, нашел себе поддержку тот критический взгляд на нищих, который, как было отмечено выше, сложился у народа на основе Евангелия. Вот почему, когда в XIX в. государство постепенно стало менять свое однозначно критическое отношение к нищим на более широкое и двухполярное, в народе продолжала сохраняться память не только «евангельского» (как считал народ) критического взгляда, но и теперь уже и государственного негативного взгляда. А это придавало ситуации уже другой, негибкий, а в какой-то степени «законнический» оттенок. Практика судить нищенство на основе только закона выходила за рамки православного и церковного взгляда, и конечно, подобные настроения в народной среде бытовали там, где церковность и вера были ослаблены.

Следы духовной болезни среди самого нищенства особенно зримо проявлялись в самой среде нищих, как сельских, так и городских. В городе эта среда стала иногда соприкасаться с преступным миром, участвовать в криминальной деятельности. Часть нищих переместилась от храмов и монастырей к рынкам и торговым рядам и стала участвовать в некоей цепочке денежных доходов, которые здесь складывались. Близость к большим деньгам, участие в экономической жизни большого города порождало в этой части нищих иллюзию активной жизни. Отсюда появляется «феномен Хитрова рынка», так мастерски описанный Владимиром Гиляровским. В сельском мире к концу XIX в.

появляются свои профессионалы, также превращающие нищенство в профессию, и нередко доходную[4].

Итак, подводя итог краткой характеристике дореволюционного нищенства, следует подчеркнуть: в России тогда существовало две формы нищенства: традиционное, опирающееся на христианские и традиционные начала, независимо от того, сельские это были нищие или городские, и нищенство профессиональное, живущее по законам рынка, торгующее своим статусом нищих (выгодно и невыгодно для себя), при том же самом раскладе на сельское и городское нищенство. Нищенство в части своей потеряло «евангельскую простоту» и стало уязвимо и для критики, и для духовной цельности всего нищего сообщества, в том числе и влияния его на окружающий мир.

«Советские нищие» в 1920-е – 1930-е годы

Все сказанное заставляет нас более внимательно отнестись к тому, что «было до революции» и потом «стало в советское время», а именно, что новизна появилась в советском государстве не из пустоты; в зародышевых формах, в том или ином виде, она имела место уже в дореволюционной России. Во-первых, главный источник советского подхода – это государственный однополюсный взгляд на нищенство, который имперское государство, как ни старалось погасить за вторую половину XIX – начало XX в., но не смогло этого сделать. Не смогло по той причине, что негативный, односторонний взгляд на нищенство проник в какую-то часть народной массы, и одним желанием и законом это было уже не вытравить. Эту формализованную основу утилитарного взгляда на нищенство советская власть потом использовала. Во-вторых, налицо была духовная нецельность, разобщенность народной массы в дореволюционной России, что тоже давало право советской власти действовать как бы от лица народа, в котором сложилась такая точка зрения. Подробнее рассмотрим далее каждый из этих тезисов.

Нельзя не видеть противоречия в самой постановке вопроса о неясности отношения советской власти к нищим. Казалось бы, нищие должны были быть в числе самых родных для «народной» власти, предметом ее особого попечения с самых первых лет ее существования. Тем не менее это было не так, и нищие как никакая другая категория населения могут служить маркером расхождения слова и дела новой власти. В марксизме-ленинизме даже существовал один термин, имеющий негатив-

ное содержание, – «люмпен-пролетариат». Это были люди, по мысли большевиков, которые по вине буржуазии потеряли свою классовую квалификацию – революционной настроенности на борьбу – и были неспособны к активной жизни. Делая ставку на пролетариат и сельскую бедноту, большевики с самого начала отмечали в нищих отсутствие желания трудиться, как их родовую черту, и эта черта сближала нищих с люмпен-пролетариатом, деклассированной частью пролетариата. Среди нищих какой-то значительный процент относился к калекам, престарелым и т.п. – людям, требующим к себе очевидного, неклассового подхода, но именно эта категория, не могущая быть врагом власти по определению, была на долгое время оставлена без внимания на выживание и самообеспечение. Почти до середины 1930-х годов государство системно не занималось таковыми нищими, но и тогда, когда занялось, нельзя сказать, что это был гуманный подход. Была поставлена задача, чтобы крупные советские города, особенно столичные, были освобождены от нищих, чтобы здесь не было диссонанса всего советского – передового и прошлого – отсталого. Нищие стали очевидным образом иллюстрировать собой прошлое – «нищей и убогой России». Их именно переселяли с глаз подальше, а не перемещали в выстроенные для них пансионаты и санатории.

Обратим внимание на то, что «односторонний государственный советский взгляд» на нищих отличался от «одностороннего государственного взгляда имперского времени», хотя, казалось бы, и тот и другой взгляд характеризовался формальным отношением, утилитарностью, внерелигиозной оценкой нищих. Но при этом для имперских государственных «нищие были разными»; по отношению к тем, что попали в поле зрения и опеки государства, был утилитарный подход, а за другими признавалось право на самобытность. Советский государственный вторую категорию нищих не видел, не хотел видеть и не признавал. Со всеми он работал как с одной большой категорией, требующей только технических усилий, технических затрат и технической локализации.

Современные исследователи смотрят на нищенство как на социокультурное явление, и это привычка видеть в нищем только технически и финансово затратную категорию, актуальную своими вторичными социальными характеристиками. «Феномен нищенства интересен не столько сам по себе, – пишет исследовательница Е.Ю. Зубкова, – сколько как угол

зрения на ряд социальных проблем и «ключ» к их пониманию. Среди этих проблем — бедность, маргинализация и депривация населения, возможности ресоциализации для аутистичных, границы социальной мобильности, качество социальной политики, особенности социального порядка, взаимоотношения «основного» общества и социальной периферии и т.д.»[5, с. 284.]. Но как же исследовать вторичное, не обращая внимание на первичное? Или первичное в нищенстве кажется таким примитивным, таким не культуро-емким, что кажется можно обойтись и без первичности нищенства, сразу переходя к его вторичным формам. Такой подход, на наш взгляд, навязанный нам советской государственной школой, уводит современного исследователя далеко от предмета изучения. Конечно, многие нищие сегодня понятны и просты в своей жизненной мотивации; это т.н. бомжи, опустившиеся люди, плывущие по течению, не имеющие не только ни жилья, ни средств существования, но и никакой внутренней человеческой культуры общезнания. Но даже они не должны оцениваться исследователем по такой одноплоскостной шкале, не говоря уже о тех — советских — нищих, которые имели еще гораздо больше прав на то, чтобы в них видели людей со сложной судьбой, сложным внутренним миром, людей традиции, которая насчитывает не одну тысячу лет. Речь, разумеется, идет не об апологетике нищенства, а о несводимости этой фигуры к обозначению «попрошайка», какой в последнее время ее наградили со стороны государства. Нищие и сегодня не должны сводиться к попрошайкам и бомжам, как бы много их ни было; и даже более того — как бы ни хотелось нам их всех подвести под этот знаменатель. Нищие требуют к себе личностного, человеческого подхода, в том числе в исследовательской сфере, потому что, на наш взгляд, нищих таковыми (попрошайками и бомжами,) делает определенное время (государство и люди), а не сами они, в первую очередь. Поэтому наш главный тезис будет звучать следующим образом: нищие — это люди, которые вписаны в некую очень древнюю традицию; и любое время, как бы оно ни перемалывало эту социальную категорию, не может претендовать в полной мере на душу нищего, на его суть, на его ядро, которое не подконтрольно времени и которое дает исследователю шанс в любом хронологическом отрезке времени, в том числе в современности, увидеть сложные формы нищенства. Сложность этих форм сродни любой

другой социальной, человеческой сложности, поэтому у исследователя при изучении даже современных нищих всегда есть шанс подойти к глубинам человеческого «я», за которые он не может зайти.

Но вернемся к советской реальности 1930-х годов. Центральным моментом здесь, на наш взгляд, была ленинско-сталинская практика унификации человека в целом. И нищий, как достаточно репрезентативный персонаж прошлой России, должен был пройти прокрустово ложе социальной сегрегации, попасть в ту же самую обойму, в которую затачивали все социальные группы и сословия. Нам важно понять лишь специфику советского сегрегационного отношения к нищим, потому что советская власть явно демонстрировала разные — как репрессивный, так и поощрительный — подходы сегрегационной практики. Уже отмечалось, что нищие были для советской власти наполовину положительным, наполовину отрицательным субъектом. Они были бедняками, ради которых большевики, как сами они говорили, и захватили власть. Но они были не трудящимися, а значит теми «паразитами», к которым надо было применять большевистское классическое «не трудящийся да не ест». Поначалу, еще при Ленине, проблеме было решено преодолеть через разделение нищих на бедных и паразитов. Бедными стали инвалиды, престарелые, оказавшиеся на улице и которых как «инвалидов» стали помещать в социальные учреждения, малообеспечиваемые, но решающие эту задачу в целом. «Паразиты» же были оставлены до поры на полную самостоятельность; на выживание, на социальную переориентацию; на рассеивание по разным социальным группам в условиях новой политической реальности. Эта основная, мобильная группа нищих, оставленная без какого-либо попечения со стороны государства, вплоть до середины 1930-х годов продолжала жить своей, отчасти традиционной жизнью, связанной со странничеством, достаточно тесной связью с церковью, перемещением по сельским территориям. Основная часть нищенствующих таким образом были людьми традиции, т.е. людьми, выбравшими данный путь, в какой-то степени добровольно, принимавшими выпавшую им долю как Божью волю, как крест, который им выпал и который необходимо безропотно нести. Революция 1917 г. и Гражданская война, очевидно, тоже не столько выталкивали (выдавливали из социума) людей на нищенство, сколько заставляли тех или иных лиц определяться с новой реально-

стью, по пословице «не зарекайся от сумы и от тюрьмы». И вот такой старый механизм (по одному, через свободный выбор доли) пополнения самой любимой народом категории нищенствующих продолжал, на наш взгляд, существовать вплоть до коллективизации, когда впервые за всю историю крестьянства рухнула вся горизонталь и вертикаль традиционных ценностей, в том числе и связанных с пополнением когорты вольных нищих. Насильственная коллективизация, раскулачивание русской деревни привели не только к перемещениям миллионов крестьян, но и к *вытеснению* из деревни огромного числа бедняков, которые до того сильно зависели от зажиточных крестьян, работы у них, включенности в трудовой цикл через эту страту. Ведь советская власть, когда принялась за раскулачивание и коллективизацию, только в будущем обещала рай на земле, а поначалу она лишь разрушила налаженные производственные связи и сельскохозяйственный процесс. Поэтому огромное число бедняков стали в результате коллективизации нищими, и чтобы выжить, вынуждены были побираться. Феномен «голодных лет» начала 1930-х годов объясняется не только неурожаями, но и последствиями коллективизации. Обнищанию в одночасье подверглись в условиях совпавших неурожая и насильственной коллективизации миллионы крестьян во всех регионах. Исследователь отмечает: «через паспортную систему с 1933 г. из промышленных центров убирались “бродяжнические элементы”. Это были голодающие. Их отправляли в специальные трудовые отряды для использования и строительства дорог и в каменоломнях. В апреле 1933 г. ЦК ВКП(б) принял решение об организации вдобавок к многочисленным лагерям, колониям, спецпоселениям и т.н. трудовых поселений, куда направляли этих нищих, 124 тыс. человек» [6, с. 81-82]. В дневнике В.И. Вернадского в начале июня 1941 г. есть следующая запись: «1932 год. - На Украине голод. Он произведен распоряжениями центральной власти - не сознательно, но бездарностью властей. Доходило до людоедства - хотя украинское правительство исполняло веления Москвы. Крестьяне бежали в Москву, в Питер, много детей вымерло» [7]. Как отмечает историк В. Б. Жиромская, данные события унесли жизни нескольких миллионов людей на Украине, в Азово-Черноморском крае, Саратовской области, Сталинградском крае, Курской и Воронежской областях. Причем «имело место значительное количество случаев смертей, не записанных в книгах ЗАГС» [8, с. 44]. Вот почему

ученым до сих пор приходится косвенными путями реконструировать демографическую ситуацию начала 1930-х годов. Одно ясно, что тогда от голода умирала многомиллионная масса сельского населения, попавшего в нищенское положение, но не сумевшего прокормиться даже нищенским путем, поскольку в водоворот бедствия были вовлечены миллионы крайне нуждающихся лиц. Демограф отмечает, что по косвенным данным с 1926 по 1937 г. (ни войны, ни эпидемии не было) «потери населения СССР составили 11 млн. человек» [9, с. 46]. В 1930-е годы в результате спровоцированного властью массового (миллионного) нищенства в деревне образовалась, по сути, впервые демографическая яма рукотворного характера. В это число не вошла значительная часть богатых и среднезажиточных крестьян, «раскулаченных» и выселенных на Север и в отдаленные места Сибири, в спецпоселения, где многие из них умерли также в нищете и заброшенности.

Как оценивать подобные формы *рукотворной* нищеты, размаха (да и явления как такового) которого не знала дореволюционная Россия?! Тем более кажется парадоксальным то, что советская власть декларировала свою борьбу с нищетой, как с несоветским явлением и в статические справочники помещала совсем другие данные. Конечно, там фиксировались другие цифры и другие нищие - те, дореволюционные, что привыкли просить подаяние возле храмов, часовен и монастырей, и таких нищих, как отмечает перепись 1926 г., было не так много в столице. Нищие входили тогда в категорию «деклассированного населения». Так вот, на 1926 г. их числилось в Москве 1680 человек: 728 мужчин и 952 женщины [10, с. 10]. И возраст этих нищих традиционен: большинство их люди пожилого (60-64) и старческого возраста (более 70 лет). Все остальные возрасты (в том числе детские) представлены средней численностью в 50 человек [11, с. 82]. Для публикации результатов переписи 1926 г. были подготовлены справки, сравнительные цифры данных за 1920 и 1923 годы. Выяснилось, что за шесть лет число нищих в столице все время прибывало: 1920 г. - 401 чел.; 1923 г. - 1521; 1926 г. - 1680, причем женщин в этом числе было вдвое больше мужчин [12, с. 90]. Для сравнения отметим, что Ленинград имел приблизительно те же объемы цифр, что весьма подозрительно: 1920 г. - 72 чел.; 1923 г. - 810 чел.; 1926 г. - 1688 чел., с теми же пропорциями женщин и мужчин, что в Москве [13, с. 91].

В целом по РСФСР перепись 1926 г. зафиксировала 133 тыс. нищих, из них 31 586 – это городские нищие, а 105,3 тыс. – сельские [14, с. 127]. В процентном отношении 133 тыс. по отношению к общему числу жителей РСФСР на этот срок – 7 896 653 чел. будет составлять 0,6%. В переписи 1937 г. «нетрудящихся», куда кроме нищих включили и «служителей культа», было намного меньше – 0,05% от всего населения [15, с. 120]. Или нищих стало меньше, или статистики успели об этом позаботиться. Скорее всего, второе.

Тем не менее, очевидно, какие-то волны «рукотворных нищих» – советских нищих из разоренных реформами деревень, доходили и до больших городов, потому что периодически проходили не просто «домашние» чистки и выселение и отправление нищих на родину, в ближайшие области – Калужскую и Смоленскую, а спецоперации по переброске советских нищих в спецпоселения. Так, сохранилось письмо главного атеиста страны Е.М. Ярославского И.В. Сталину и, очевидно, поручение руководителя государства Г. Ягоде о наведении порядка на улицах Москвы. «Тов. Сталину. За последнее время можно заметить в ряде районов Москвы увеличение числа нищенствующих. Как живущий давно в Москве, я могу констатировать, что это увеличение в значительной степени сезонного характера: оно наблюдается весной с потеплением. Но с каждым годом это появление на улицах Москвы нищенствующих становится все более и более нетерпимым для нашей социалистической столицы. Располагаются эти нищенствующие в излюбленных местах, например, можно всегда видеть их на улице Воровского ближе к Арбату, где живут иностранцы (посольства). Одетые в крестьянское платье, с маленькими детьми на руках (говорят, что иногда и детей берут напрокат), они жалостливо выпрашивают на хлеб, а когда к ним обращаются сердобольные обыватели с расспросами, они объясняют, что они из голодных колхозов. Если их хорошенько начнешь расспрашивать, из какого колхоза они, то сразу же видишь, что они выдумывают. Сколько их в Москве — сказать трудно, но на рабочих собраниях в записках рабочие ставят вопрос о том, почему мы позволяем нищенствовать. Что очень многие из этих выпрашивающих, если не большинство, являются профессионалами, видно из того, что они по несколько лет стоят на улицах, переодеваясь даже. Где они ночуют? Говорят, что они ночуют под лестницами различных правительственных учреждений, школ,

жилых домов и т.п. Они, несомненно, являются носителями антисоветской пропаганды. Мне кажется, что пора и можно с этим злом покончить. Мое предложение сводится к тому, чтобы для решения вопроса о том, как поступить с ними, произвести однодневную облаву, выяснить точно, сколько их в Москве, кто они, как долго занимаются нищенством, где они живут, — чтобы получить совершенно ясную картину этого явления. Только после этого можно будет принять конкретное решение. С коммунистическим приветом *Ем. Ярославский*. 23 февраля 1935 г.» [16, л. 1-6]. И.В. Сталин по-отечески попросил разобраться с этой проблемой Г. Ягоду. Тот доложил: «Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину. В связи с запиской тов. Ярославского считаю необходимым сообщить, что московской милицией производится систематическое изъятие нищих с улиц и отправка их на родину. Так, за 34 год изъято в Москве 12 848 человек, занимающихся нищенством, из них 12 231 высланы на родину, 408 человек устроено в московском отделе социального обеспечения и 209 человек освобождено под подписку, что впредь не будут заниматься нищенством. Из всего количества изъятых нищих в 34 году — мужчин 4399 человек, женщин 4515 человек и детей — 3934 человека. В январе 35 года изъято 702 человека, а в феврале месяце — 893 человека, из них 1300 отправлено на родину. Из приведенных цифр высылаемых на родину видно, что подавляющее большинство (95%) занимающихся нищенством — это приезжие, причем основную массу составляют жители Алексеевского района Харьковской области, Жиздринского и Хвостовического районов Западной области. Из этих районов следует особо выделить деревни Охоче и Верхние Бежки, Боткин и Нехочь. Эти деревни с царских времен занимаются нищенством и смотрят на это, как на подсобный заработок. Высылаются и вновь приезжают. Большинство приезжающих нищенствовать — это одиноличники, но есть и колхозники». Г. Ягода предложил более радикальный способ борьбы с нищенством, чем существовал до этого: «Предложение тов. Ярославского о производстве облавы с целью выяснения контингента нищенствующих ничего реального не даст, ибо уже высланных — 14 тысяч человек, мы контингент в достаточной степени изучили. Я прошу разрешить изъятых нищих направлять под конвоем в спецпоселки Казахстана. Вопрос об отпуске средств для устройства нищих в спецпоселки мною поставлен перед Совнаркомом Союза 20 января сего года за № 55439. Народный ко-

миссар внутренних дел Союза ССР *Ягода* 3 марта 1935 г. № 55517» [17, с. 1-6]. Перепись 1937 г. включала в себя категорию «нетрудящиеся» (нищие, бродяги и проч. деклассированные), но как отмечает В.Б. Жеромская, «обозначение этой категории было поставлено в вину организаторам переписи», ведь новая конституция провозглашала конец эпохи классово-борьбы, и потому все ненужные противоречия должны были сглаживаться, хотя бы в публичном пространстве.

Было бы полезно проиллюстрировать нашу мысль о «советских нищих» одним, но типичным примером человека, до поры жившего в Тамбовской деревне, в среднезажиточной семье, но волею исторических судеб выброшенного вместе с его родителями на обочину нищенского существования. Причиной личного катаклизма его семьи стало раскулачивание. Обратимся к дневнику Михеева Николая Васильевича, опубликованному не так давно в журнале «Традиции и современность» [18, с. 157-176]. Как пишет автор, большая семья состояла из деда с бабкой, шестерых взрослых детей (но не всех к 1930-му году семейных), женатого старшего сына с четырьмя детьми, всего же в семье было четырнадцать человек. «В хозяйстве имелось две лошади, корова, телка и десять овец». Дед «трудился на славу для себя и государства, исправно платил налоги и всевозможные подати. Был у него хороший сад, корней сорок яблонь и на каждой яблоне привито два-три сорта разных яблок, были вишни и сливы, смородина, малина «Виктория». Все возделано его собственными руками при содействии трудолюбивой и очень доброй жены Марины Ивановны Михеевой». Обиход семьи был самый обыкновенный: «работали с огоньком», отдыхали с песней, в праздник все ходили в храм, вставали и ложились с коллективной молитвой. В мае началась «потеха коммунистической гольтыбы»: все из дома, амбара и скотного двора было изъято, увели даже собаку, которую долго били кнутом, чтобы она покорилась. Дом забили досками, семью отправили куда глаза глядят. Началось скитание по квартирам: сначала на короткое время семью принял родственник Михеев Григорий Яковлевич, уже колхозник (поэтому его не тронули), к зиме перебрались в пустой дом Фени Семкиной, к следующему лету перешли в пустой дом Васьки Дронова, перезимовали, а весной перешли в кирпичный дом Арины Сергеевны, где прожили год. Это был голодный 1933 год, варили конский щавель и пекли из него полуржаной хлеб, работали по

найму, что позволило есть со временем чистую ржаную кашу. Через год перешли в дом Слепова Ивана Фомича, родного брата матери автора воспоминаний, коммуниста, который временно перебрался в другую деревню. Здесь семья прожила с 1934 по 1938 год. Работали по найму (починка обуви, плетение лаптей, единоразовый найм) и стали жить сносно, женщины тоже помогали шитьем на продажу, помогал (частично) и огород хозяина дома. Потом хозяин продал дом, и семья Михеевых снова стала искать жилище. Все время платили высокие налоги, а кроме того, периодически бывали обыски с изъятием накопленного добра. Плату за работу в основном получали не деньгами, а продуктами, эти продукты и отбирали во время обысков. В школе детям учиться было невозможно из-за издевательств детей активистов, поэтому сидели дома. Часть детей умерла от болезней и простуд. В 1937 г. арестовали главу семьи дедушку Федора во время косьбы травы. Приехали энкеведешники из города и увезли, вскоре он был расстрелян, хотя семья об этом долго (до 1989 г.) не знала. В 1937 г. арестовали и отца автора воспоминаний во время работы в соседней деревне. Увезли без прощания с семьей. Десять лет он провел по лагерям Севера, освобожден только в 1947 г. Семья осталась без старших мужчин, когда была выселена в очередной раз из чужой избы; им разрешил поселиться в своем доме живший в Ленинграде земляк Краснобаев Николай Михайлович. В доме проживал его младший брат инвалид. Здесь прожили три года. Трудно было с дровами, корчевали старые пни и тем обходились. И в этом доме их не оставляли власти; проводили облавы и забирали приглянувшиеся вещи. Забрали (как плату за налог) и добытые кровью и потом дрова из пней. С трудом добывали пропитание, ходя по селам в поисках продающейся в государственных магазинах муки. Это 1939 г. К этому времени оставшиеся в живых дети стали работать по найму: брать в починку валенки, клеить галоши, копать огороды, перебирать картошку. Работали за хлеб. Был случай, когда с трудом отбили от насильника председателя колхоза, который напал на одну из женщин. С началом войны 1941 г. опять начались гонения, новый поиск жилья, временно остановились у Гриши Авдошина, но того заставили выгнать несчастных, как врагов народа. После поисков остановились в доме Тони Ваниной, прожив здесь четыре месяца. Но и ее заставили отказать «бывшим кулакам» в жилье, начались новые поиски. Нашли квартиру в садовом поселке. Их пустила

Женька Семкина, жившая в это время в Ленинграде. Прожили здесь год, но прожили в большом напряжении, потому что все время власти докучали проверками и угрозами. Много трудились кто где по найму. Осенью 1942 г. автора арестовали, так как опять началось преследование «бывших кулаков». Нашли повод, произвольно объявив, что я не плачу налог. Автор воспоминаний сумел убежать из сельского заключения, продолжив трудиться, занимаясь починкой обуви. Приходилось все время избегать людных мест, потому что могли придрататься и арестовать по любому поводу («много было недоброжелателей»). «Под Рождество 1943 г.» его все-таки арестовали вместе с другими родственниками. Всего четырех человек. Поводом для ареста послужил призыв в армию; все четверо попали в число неблагонадежных. Из деревни под охраной отправили в районный центр. Уйдя из-под ареста, автор вместе с другим арестованным сельским парнем «из кулаков» стали скрываться; то работали в отдалении от своего села, то прятались в подполье у себя дома. Иногда автор жил у соседей на чердаке, иногда в подполе, в овечьем хлеву с овцами, не раз избегал облав, которые на него устраивали. Раз нарядился женщиной и ушел в лес из-под самого носа милиционеров. Но от холода и сырости потом вернулся домой, опять к овцам. Через некоторое время перешел жить к тете в подполье (вместе с монахом Енохом). Его семья продолжала путь скитальчества по чужим домам, и он следовал за ними; жил в сарае среди навоза в яме. Так прожил две зимы. Потом семья опять вынуждена была сменить жилье. В новом месте арестант опять приспособился жить в сарае, где провел послевоенный 1946 год. Крик души этого времени: «Я скучал по воле, да и надоело есть хлеб, который не заработал». Нищий человек с психологией совсем не нищего человека! Из Тамбовской области он тайно перебирается в Пензенскую область, поближе к родственникам - трем своим тетям. Собирали на полях, по ночам, зимой плохо убранный картофель (40 км от места, где они жили) и из него делали крахмал, продавали, подрабатывали пошивом обуви и одежды. Автор очень страдал от ревматизма ног, который заработал пока сидел по подвалам и сараям. Но и здесь ему не давали покоя власти, арестовали и собирались даже отправить в лагерь, но случай позволил ему бежать, после чего он попал в г. Кирсанов. Там у знакомых были очень удивлены тем картофельным черным хлебом, который автор предложил хозяину дома в качестве угощения. Удивились, что это

можно есть и что деревня этим живет до сих пор. Из Кирсанова пришлось уйти в более глухое, сельское место, к прозорливому, слепому старцу в с. Чутановку. Старец после угощения и отдыха направил юношу идти в Алексеевку: «Туда твой путь, там твоя жизнь, там тебя никто не тронет». Тогда же старец сказал, что новые порядки для Церкви и верующих наступят в 1990-е годы. В новом месте автор воспоминаний встретился с родными из числа когда-то большой их семьи и здесь начал действительно другую жизнь; освоил профессию печника, потом портного и стал неплохо подрабатывать. В 1947 г. встретился с отцом, вернувшимся из лагеря, но встретился тайно. Время от времени приходилось продолжать прятаться в специально вырытой яме во дворе. Вот эта сцена встречи: «Пришел отец, собрались родные, соседи, знакомые, сидят за столом. Был уже вечер. Я вышел из ямы, смотрю в заднее окно - охота увидеть отца. В доме народу много и так толпятся, что отца невидно. Он сидел за столом и его окружили. Я долго стоял, но сильный мороз давал о себе знать. Я решил спуститься в яму и стал ждать, когда позовут. Наконец, позвали. Вошел в дом, обнялись с отцом, целовались и от радости плакали. Потом долго беседовали. Отец рассказывал о своих похождениях в тюрьме, сколько ему пришлось пережить. Было уже за полночь, а мы все разговаривали. Наконец утомились, стали готовиться ко сну. Я пошел в свою яму, а утром отец спустился ко мне. Мы долго говорили. "Да сынок. Не сладко тебе жилось без меня"» [19, с. 170]. Автор воспоминаний рассказывает, что ему не скоро удалось воссоединиться с родными, поскольку за ними все время наблюдали и ему пришлось жить в другом селе, там работать, жениться в 1951 г., но сначала без оформления брака, т.к. у юноши не было документов. Сумели, однако, как-то зацепиться через знакомых и получить свидетельство о рождении и по нему уже заключить брак. В 1953 г. с молодой женой купили простенький домик с земляным полом, куда стелили солому, но зимой все равно было холодно. Постепенно, накопили денег и постепенно сделали хорошие, теплые полы. Удалось решить вопрос с военным билетом. Один за другим стали рождаться дети, в семье было все ладно. Дети выросли хорошие, работящие и чтущие родителей. После смерти жены от болезни уже в пожилом возрасте, автор воспоминаний женился второй раз и благодарит Бога и за первую супругу, и за вторую, за детей. В воспоминаниях он пишет, что это счастье, очевидно - «дар

Божий за все страдания, выпавшие на мою долю в жизни». Он так итожит время, прожитое в нищенстве и изгнании: «Я благодарю Господа Бога за все Его благодеяния, которые Он мне дал. Несмотря на все трудности и страдания, переживания и невзгоды, выпавшие в жизни, я не унываю, а считаю себя счастливым человеком, так как прожил жизнь честно, добросовестно относился к работе, где бы ни работал. Я очень боялся, как бы кого не обидеть словом или делом, а также внушал своим детям, чтобы они были честными, трудолюбивыми и независтливыми» [20, с. 174]. Разве не про этих людей говорит Евангелие: «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное»? Ведь Михаил Васильевич Михеев, четверть жизни проведший в нищете и изгнании, не накопил ненависти, обид, мстительности, зависти и лени, когда его к этому принуждали власть, люди и обстоятельства. Он сохранил нищету духа, когда находился в телесной нищете, и это обстоятельство, как ничто другое, указывает на суть нищенства, как такового, объясняет этот феномен, не с точки зрения его «внешних связей», а с позиции его существования на земле как крайней формы спасения человека от губительной пресыщенности духа мнимым богатством.

Перед нами - другой крестьянский дневник «Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915-1931 годы», - где записи касаются только крестьянского обихода, большей частью хозяйственного, с краткими упоминаниями о посещении церкви, исповеди и причастия [21]. Содержание записей уже позволяет отметить в авторе записок не только человека дельного, разумного, грамотного, хозяйственного, но нравственно чуткого, с христианской душой, милосердного и добродетельного. Авторы публикации дневника собрали об этом крестьянине дополнительный материал, позволяющий расширить наши знания о нем; а именно то, что он пользовался глубоким уважением у односельчан до конца своих дней. Автор прекратил вести дневник в 1931 г., когда его семьей сделали нищей, забрав все накопленное своим трудом; когда запечатали храм, когда вместо свободного и вдохновенного труда он должен был выполнять «трудповинность» на лесозаготовках и лесосплавах. И нищенство, и несвободный труд он принял со смирением; когда началась Великая Отечественная война, отправил своих сыновей на фронт (ушли и два зятя), где старший Анатолий погиб, посмертно награжденный орденом Славы 3 степени.

Иван Григорьевич Глов не стал описывать годы своего вынужденного нищенства и скитаний. Лишь на последних страницах дневника, когда над ним уже был занесен меч «советского правосудия», он все так же информационно сухо пишет «ввели в разряд кулаков», потом, после письма Калинин с просьбой разобраться, его опять «ввели в середняки», но через некоторое время «положение жизни обострилось: пришла весть, что опять вводят в кулаки и выселение неизбежно». В результате ему разрешили остаться в собственном доме, но на положении особого должника советской власти, в результате чего подростки уже дети не выдержали и уехали в город. Авторы публикации отмечают, что «введение в кулаки» и выведение из них было нередкой практикой в Вельском р-не, так местные власти подстраивались под необходимую норму процентов раскулаченных. Если раскулаченных даже не выселяли, то их все равно обирали до нитки, на них накладывали особый налог, в 10 раз превышающий налог на колхозников (куда им доступ был закрыт). Местные газеты шельмовали кулаков, натравливали на них колхозное крестьянство: «Выгоним кулака в лес!» и т.п. Церковную жизнь пресса подверстывала под кулацкую, создавая единый образ крестьянского врага. Исследование по материалам Вельского р-на Архангельской обл. позволило им увидеть отдельные детали процесса раскулачивания, явления сугубо идеологизированного и тенденциозного, под что подстраивались и местные управленцы. В 1930-1932 гг. из деревни было выбрано или пущено по ветру все, что только можно. Следствием этого стал невиданный доселе голод. Вельский житель Николай Евлампьевич Зенков 27 марта 1933 г. записал в дневнике: «Голодуем на четверть фунта хлеба вот уже более месяца. Ни на базаре, нигде невозможно ничего съестного приобрести ни грамма. В деревне вся деревня сами голодуют; ни за какие деньги, ни ради Христа невозможно получить крохи» [22, с. 24]. Подобное положение продолжалось до конца 1933 года. «Итак, 1933 год кончился... Замечателен он тем, что был голодный; "товарищи" из урожайного, хлебного года устроили искусственный голод. Весь год мучились голодом. Кто остался жив, того Бог сохранил, иных прямо чудом. "Ох, Боже! Боже! Прогневили мы тебя!!!"» [23, с. 24-25].

Обратимся к цифрам общего числа раскулаченных, вывезенных и оставшихся на месте, а также покинувших сельскую местность

«добровольно». За годы коллективизации было раскулачено 1,1 млн хозяйств, или 5 196 850 человек [24, с. 158]. Сельское духовенство тоже вошло в разряд раскулаченных. Из общего числа раскулаченных было вывезено и расселено в спецпоселках Урала, Сибири, Европейского Севера и Казахстана 1,4 млн человек. Это были те, кто сами должны были строить жилье в нежилой местности и выживать в условиях полной изоляции, при этом трудясь «на лесозаготовках, в горнодобывающей промышленности и "неуставных" колхозах» [25, с. 159]. Огромная часть раскулаченных перебрались в города - более 4 млн человек [26, с. 159]. Но уже в декабре 1932 г. власть ввела систему прописки и паспортов. Колхозники были лишены возможности иметь паспорта, только в индивидуальном порядке, с согласия правления колхоза. Исходя из этих цифр - пяти с лишним миллионов человек, и следует говорить о масштабах рукотворного нищенства - «советского нищенства», связанного только с коллективизацией.

Итак, мы подошли к центральной теме нашей статьи - теме «советских нищих», которые принципиально отличались от дореволюционных, как бы ни были разнообразны последние в своих проявлениях. Допустим, и там были люди, страдающие от эпидемий, засух, неурожая, для которых нищета делалась на короткое время спасением их жизни. Однако, это были именно природные катаклизмы и в этот процесс вмешивались люди - государство и общество, чтобы помочь этим нищим, создавались комитеты помощи голодающим Поволжья и т.д. Проходил тяжелый год, в крайнем случае два, и жизнь налаживалась. В случае же с советскими нищими речь идет о целенаправленном государственном репрессивном, долговременном воздействии на самую многочисленную часть общества - крестьян, с целью подчинения их своим политическим и экономическим целям. Это подчинение достигалось всеми возможными способами, вплоть до привлечения органов НКВД и сил регулярной армии. В результате проведения насильственной коллективизации, включающей в себя и «раскулачивание», деревня подвергалась мощнейшей сегрегационной акции: часть кулаков (без семей или женщины и дети отдельно, без мужчин) насильственно вывозились и селились на Севере, в Сибири и других пустынных местах, мало приспособленных для жизни; другая часть (как середняки) остав-

лялась на местах, но у них отбиралось всё недвижимое и движимое имущество, они изгонялись из своих домов и предоставлялись сами себе, на выживание. В наскоро вырытых «ямках» в голой безводной степи, в таких же ямках, как и вышеупомянутому Михаилу Васильевичу Михееву, пришлось жить сотням тысячам крестьян. В тайге это были временные шалаши из жердей и веток. Протоиерей Валентин Бирюков еще мальчиком был раскулачен вместе с родительской семьей. Вот как он описывает первые месяцы после высылки из родной деревни: «Сначала, правда, очень тяжело пришлось. Люди в дороге сильно пострадали - больше чем полмесяца добирались до глухих лесов Томской области, куда нас определили жить. Вышли все продукты. Да к тому ж все у нас отобрали - не было ни мыла, ни соли, ни гвоздей, ни топора, ни лопаты, ни пилы. Ничего не было. Даже спичек не было - все выжгли по дороге. Привезли нас в глухую тайгу, милиционеры показывают на нее: Вот ваша деревня! Какой тут вой поднялся! Все женщины и дети закричали в голос: А-а-а! За что?! Замолчать, враги советской власти... Спать легли прямо на земле. Комаров - туча. Костры горят... Начали строить. Сделали общий барак - на пять семей... На сотни километров кругом одна тайга. Среди тайги и появилась наша деревня Макарьевка. Продуктов не было, варили травы, все, в том числе и дети, питались травой... мы выжили. В других местах судьбы раскулаченных складывались намного трагичней» [27, с. 11-12]. Часть переселенцев не оставляли в живых, расстреливали на месте и закапывали в могилах, выкопанных ими [28, с. 13]. В 1937 г. ту же Макарьевку опять разорили, тех, кто ее построил (вплоть до школы, правления и больницы) опять отправили в новую ссылку, кого куда; кого в тюрьму, кого на расстрел, а кого в детские дома для детей врагов народа [29, с. 20]. Не случайно в статистическую категорию «деклассированное население» при проведении описи населения вместе с нищими включали и духовенство. Тем из них, кто не был арестован и не скрывался в городах, затерявшись там, приходилось скрываться и прятаться по подвалам, чердакам. Так, например, жил в специально вырытом подполе схиигумен Митрофан (Мякинин, 1902-1964) в предвоенные и военные годы [30, с. 24-30]. Или известная подвижница Тамбовско-Воронежского региона схимонахиня Михаила (Сарычева, 1891-

1976), избравшая странничество под видом нищенства легальной формой своего церковного служения в 1930-1960-е годы. Сама она происходила из семьи раскулаченных, выброшенных на улицу на выживание. Дети были оставлены в доме вместе со старой бабушкой, которой пришлось «побираться по селам», чтобы прокормить детей. Ссылки в Казахстан не удалось избежать. После возвращения из ссылки судьба подвижницы складывалась в соответствии с ее духовными наклонностями, она стала странствовать, жила под руководством старцев, была тайно пострижена в монашество. Не раз за годы скитаний вместе со своей спутницей она должна была прятаться по чердакам, но всегда молилась за тех, кто нуждался в помощи, в годы войны за земляков на фронте, за страну [31, с. 290]. К числу нищенствующих в 1930-е годы относились не только раскулаченные крестьяне, но нередко и представители сословий, которых советская власть считала враждебными: дворяне, купцы, буржуазия, духовенство (см. примеч. 35). Многие из них, оставшись без мужчин в годы Гражданской войны, вынуждены были также десятилетиями скитаться по наемным квартирам, с трудом зарабатывать себе на прожиточный минимум, терпеть унижения и оскорбления как классово неполноценные люди и граждане. Это было все той же формой советского нищенства. Самой, однако, значительной частью советского нищенства стали раскулаченные.

С зажиточными слоями деревни были связаны в традиционной деревне и бедные слои, которые имели у зажиточных, как правило, работу по найму, после же их разорения и выселения потеряли ее. В результате, в одночасье, в течение двух-трех лет (с 1929 по 1931 гг.) русская деревня лишается самой деятельной своей части, которую насильственно разоряют; распадается сложный механизм хозяйственной жизни, существовавший столетиями, где тон задают самые энергичные и предприимчивые сельские представители. В эти дни, находясь в деревне, писатель М.М. Пришвин пишет: «Я, когда думаю о кулаках, о титанической силе их жизненного гения, то большевик представляется мне не больше, чем мой “Мишка” с пружинкой сознания в голове... Все они (кулаки. - Н.Ш.) даровитые люди и единственные организаторы прежнего производства, которым до сих пор... мы живем в значительной степени» [33, с. 165]. Миллионы даровитых крестьян стали

в 1930-е годы (и вплоть до 1950-х годов!!!) или заключенными в лагеря и спецпоселения или же нищими, были обречены, как Михаил Васильевич Михеев, на десятилетия бездомности, скитаний по чужим углам, жизнь впроголодь, работу за продукты на пропитание, бесконечные проверки и унижения со стороны органов власти и населения, которое власть специально натравливала на «врагов народа», виновников их плохой жизни. Сегодня опубликована только часть материалов - сводок, поданных НКВД в первой половине 1930-х годов «наверх», собранных с мест и иллюстрирующих отдельные детали советского рукотворного нищенства. И во всех имеющихся источниках звучит тема нищих, которые по сути не являются нищими и не хотели быть нищими: «Спецсообщение ПП ОГПУ по Горьккраю о нищенствующем элементе в Омутнинском районе. 30 апреля 1934 г. В Омутнинский район усиливается наплыв нищенствующего элемента из Удмуртской области и Коми-Пермяцкого округа. Среди нищенствующих много женщин с малолетними детьми. В рабочем поселке Лесковского завода в последнее время насчитывается 200 чел. нищих, прибывших из Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа. Без документов на работу их не принимают. Они ходят группами по домам и просят хлеба. Останавливаются в рабочих поселках, деревнях, рассказывают о голоде в своих районах, развале колхозов и т.д. В доме рабочего Лесковского завода Филиппова прибывший из Коми-Пермяцкого округа нищий Мозунин рассказывал: «Мы пришли сюда за 300 верст, в нашей местности страшный голод. В 1933 г. у нас был неурожай, но хлебазаготовки с нас взыскали полностью. Осенью мы ели одну солому, березовые опилки и разную траву. От такого питания народ стал умирать. В нашей деревне Тидиливо в 20 семьях остались живые только в 8 домах, остальные все поголовно умерли. В д. Отопково из 50 хозяйств остались живые в 4 хозяйствах. Умершие лежат в домах, их даже некому убирать. Колхозы все у нас распались, земля осталась незасеянной». Нищенствующая Жакова у магазина продажи коммерческого хлеба говорила: “Дайте мне хлеба, я пять дней уже не ела. Дети мои от голода умерли. Вы еще здесь живете хорошо и не видите нужды, а в нашем крае поголовно все умирают с голода. У нас там уже нет никаких колхозов”. Нищенствующий Мозунин рабочим Лесков-

ского завода говорил: «Меня никуда на работу не принимают, просят документы, но их у меня нет. В наших районах, откуда я пришел, сейчас появилось очень много бандгрупп, которые забирают все, что только найдут, у кого есть хлеб или корова — обязательно отбирают. Со мной шла женщина с нашей стороны с двумя маленькими детьми. Голодных она никак не могла их довести до завода и по дороге бросила. Эти дети, наверное, сейчас застыли». О появлении нищенствующего элемента в Омутнинском районе мы информируем крайком ВКП(б) и крайисполком. Нами приняты меры к изъятию нищенствующих, которые выступают с активной а/с агитацией и занимаются хищениями. Начальник СПО ПП ОГПУ Г.К. Грац» [34, т. 3., с. 566-567].

Крестьяне стали первыми насельниками ГУЛАГа. Начиная с 1929 г. число высланных крестьян измерялось в год десятками тысяч, потом пошли сотни тысяч, власть указывала сколько процентов надо арестовать. За два года (1930-1931) было выслано на жительство в спецпоселения 2 437 062 человек [35, с. 141]. Жестоко подавлялись возмущения и даже восстания на местах, включая многочисленные женские бунты. Такого количества нищих и таких нищих страна никогда не знала, и с этим русская история никогда не сталкивалась. Совсем близко к ним стояли и колхозники — люди и граждански неполноценные (не имеющие паспортов и пенсии до 1960-х годов) и материально настолько бедные, что их достаток нередко в 1930-е — 1940-е годы мало чем отличался от нищенского обеспечения. Таким образом, русское крестьянство начиная с конца 1920-х годов (а подготовка к этому началась еще при Ленине в первую половину 1920-х годов) и в выброшенных на обочину «советских нищих» — нескольких миллионах кулаков и середняков, и в той части, которая относилась к колхозникам, — было превращено советской властью в бедняков или нищих и тем самым стало целым сословием, свергнутым с пьедестала нормального жизненного существования, только потому, что имело название крестьяне — христиане — сословие, самое близкое к Церкви и православной вере. Ленин обозначил крестьянство как потенциальных врагов советской власти, заклеив их выражением «мелкобуржуазная стихия». Этим и объясняется столь жесткая и даже жестокая расправа над крестьянством, которую советская власть начала при Ленине, а продолжила при Ста-

лине и последующих вождях. «Советское нищенство», созданное на базе коллективизации и раскулачивания, стало самой масштабной за всю историю России формой рукотворного народного обнищания, где люди были не просто обобраны до нитки государством и выгнаны на улицу, но в течение десятилетий подвергнуты самым унижительным формам преследования, что и поддерживало их нищенский статус почти до середины 1950-х годов. В 1932 г. М.М. Пришвин делает запись в дневнике, оттеняющую масштабы нищеты и вопиющей бедности в стране: «И теперь, когда все покончено с русской правдой и совестью, когда по градам ходят в лохмотьях. А по весям в редком колхозном доме даже в праздник увидишь кусочек сахара, когда маленькие дети там, у земли, не видят ни баранки, ни сладкого, наш отец (речь идет о Горьком. — Н.Ш), объедаясь итальянским вареньем, на глазах всех устраивает себе очередной юбилей» [36, с. 200]. Пришвин помнит, что Горький когда-то воспевал челкашей и прочих «люмпенов», поэтизировал дно общества как материал для обличения его верхушки. И вот сейчас эта «совесть нации» не хочет замечать гораздо большее в масштабах страны и гораздо более глубокое явление, касающееся уже противостояния брошенного в нищету народа и новой аристократии (в лице Горького), не желающей замечать в своих барских привычках окружающую жизнь простого народа.

Первая огромная волна советского нищенства, выросшая на раскулачивании при коллективизации русской деревни, дополненная волнами репрессий против так называемых лишенцев, лишенных гражданских прав «враждебных сословий», не спадала по всей стране все 1930-е годы, вплоть до начала Великой Отечественной войны. Ей на смену пришла «послевоенная волна» нищенствующих, выросшая на почве страшных испытаний всего народа в военные годы: разрушенных домов, разметанных по разным местам семей, нередко оставшихся без кормильцев. При полевом опросе старшего поколения, заставшего войну, многие говорят в первую очередь о большом количестве нищих, просящих подаяние по городам и весям страны. Очевидно, военная волна нищенства вобрала в себя предыдущую волну — от разоренных сословий, и в первую очередь крестьянского, но виделась эта волна уже как военная, если и рукотворная, то все-таки вызванная вражеским нашествием, а не чем-то другим.

Советское нищенство послевоенного времени

Советское нищенство носило эсхатологический характер; оно иллюстрировало то, о чем писалось в Евангелии: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15, 20). Самые трудолюбивые, деятельные, верующие превращались в гонимых и обездоленных, расстреливались, забирались в лагерь; кто-то избегал этого - в результате прятался по «пещерам» и ямам, чердакам и подвалам. Но у советского нищенства было еще одно лицо - то, которое все время обличала власть, называла нищих «паразитами», «трутнями» и «дармоедами». Как нам видится, советская идеология и пропаганда советского образа жизни, обличение всех, кто плохо трудится, в конце концов, достигала своей цели; часть нищих действительно становились таковыми, какими их в негативном свете представляла советская власть. Судя по всему, война была временем определенного водораздела, разделившего мир нищих в советской России на две большие группы: одна группа находила свое место, свой центр сосредоточения возле Церкви (сюда, думается, в значительной степени влились те нищие и полунищие, которые попали в это положение в результате раскулачивания и отчасти борьбы с лишенцами). Эта группа большей частью была рассредоточена по сельской России, там передвигаясь по дорогам, находя себе приют в домах христолюбцев, прося хлеб именем Христовым. Другая группа, состоящая в значительной степени из инвалидов войны и обслуживающих их лиц, из бедных и больных горожан, нередко престарелого возраста, была ориентирована на города, чаще крупные, столичные города и здесь, судя по всему, был отчасти другой акцент нищенства и обращения к людям - просили именно как пострадавшие, потерявшие здоровье.

Наиболее трагической была судьба инвалидов Великой Отечественной войны, ставших нищими. Последние более запомнились и память о них сохранилась в текстах, картинах, воспоминаниях, сегодня их стали озвучивать в художественных фильмах, как особую послевоенную категорию лиц, памятных своим страшным видом изувеченных войной людей, до последней степени, и все же сохраняющих жажду жизни. В современном интернете немало об этом пишут, публикуются статьи об инвалидах, вывезенных в одночасье по приказу сверху из Москвы на Валаам и там на долгое время оставленных на существование в самых жалких условиях. Узнали об этих людях

по всей стране в 1970-е - 1980-е годы, когда появились публикации художника Геннадия Доброва. Спрятали инвалидов с глаз долой в начале 1950-х годов, когда страна еще полна была следов военной разрухи и тогда они еще не выглядели как чужеродное явление. Но и тогда уже они стали не нужны власти, поскольку были не просто вопиющими свидетельствами военных бед и испытаний, но портили столичный фасад социалистического города, уже отстроившегося, обновившегося, помытого и причесанного. Еще более этого, власть не могла дальше терпеть поведения этих нищих: они не были тихими, смиренными просителями подаяния, каким должен быть по традиционному канону обычный нищий, являющий даже своим поведением глубину своего отличия от обычных людей. Военные инвалиды-нищие вели себя нередко по-другому, эмоционально, обвиняя кого-то в своей беде, иногда вспоминая и власть; они просили деньги порой требовательно, как долг, который здоровые люди должны им вернуть за их потерянное здоровье. Крики и озлобленность часто звучали из уст этих просителей. Безусловно, это были люди войны, прошедшие через самые тяжелые испытания, с изломанной психикой, но самое главное, судя по всему, это были люди или потерявшие веру, или не имевшие ее, это были те, кого советская власть воспитывала в 1920-е - 1930-е годы и сумела воспитать в безверии и надежде только на себя и на советскую власть. И то и другое эти люди потеряли; стали калеками, да и власть перестала их поддерживать. Отсюда, без веры, им оставалось только буйствовать и выражать свое негативное отношение ко всему и вся. Были среди инвалидов и верующие, тихие нищие, но крики бунтующих нищих заглушали их тихий голос, и поэтому, когда власть приняла решение радикально решить проблему с инвалидами через выселение их в отдаленное глухое место, то уже не разбирались, какой ты нищий, громкий или тихий.

Конечно, решение об избавлении от военных инвалидов было чисто советского толка, оно было радикально и безжалостно, в рамках известной иезуитской догмы - цель оправдывает средства. А поскольку в криках инвалидов порой звучал антисоветский подтекст, имелись нотки обличения властей, бросивших инвалидов на произвол судьбы, то власть считала, что имеет даже моральное право жестко поступать с людьми антисоветских взглядов. Другое дело, что власть сама была виновата в том, что действительно не занималась инвалидами. Их

подлечивали в госпиталях, где затягивались их раны; потом их выписывали на волю, не заботясь о том, есть у них дом или нет, имеется ли необходимый уход. В городах не строились специальные интернаты-больницы, не было государственной программы помощи инвалидам войны, не выделялись средства на специальный медицинский контингент. Советская власть действовала по отношению к инвалидам так, как она привыкла действовать по отношению к народу в целом: он сильный, он сам выберется из трудностей, найдет как это сделать. Но оказалось, что инвалиды в таком огромном количестве, и самое главное – в таком беспомощном и страшном физическом состоянии – это нищие, уже не те бывшие кулаки, отправленные на вымирание, а советские люди, недавно защищавшие советскую власть, – не могут сами выбраться из этой воронки, в которую их сбросила война. И власть в течение пяти послевоенных лет поняла это (!) и приняла решение не подавать им руки, чтобы помочь выбраться, а наоборот – закрыть их в «воронке», оградив забором, чтобы никто не видел, что там происходит и кто там находится. Так впервые власть показала, что она готова расправляться и со своими родными советскими нищими, которые портят ей парадную картину социалистической действительности и слишком активно докучают ей. Это было второе крупнейшее преступление, совершенное советской властью против нищих! Одно было совершено в 1930-е годы, другое в начале 1950-х годов. И за оба эти преступления ответственен, прежде всего, один человек, который, конечно, действовал через помощников, через силовые структуры, через партию и т.д., но на нем замыкались оба эти решения.

Немало, конечно, сегодня спекулятивных публикаций на тему военных инвалидов, поэтому важны в первую очередь свидетельства очевидцев и людей компетентных. Ф. В. Кондратьев (1933 г.р.)* не только писал на эту тему, но сам бывал на Валааме в годы пребывания там инвалидов, сам видел инвалидов на улицах Москвы и Подмосковья. В своей очерке «Судьбы инвалидов Великой Отечественной войны. Свидетельства очевидца» [37] Федор Викторович отмечает, что эта тема порой используется русофобами, которые пытаются дискредитировать власть, которая не могла в условиях разрухи быстро и эффективно помогать инвалидам, но при этом замечает, что партийные санатории функционировали, и возможности для предоставления инвалидам лучших помещений и лучшего ухода были, но этого не

было сделано. «Я могу свидетельствовать это позорное двуличие коммунистической системы многочисленными примерами двойных стандартов, когда на фоне послевоенной разрухи и полуголодной жизни действительных победителей фашизма жирели в спецдомах отдыха, спецсанаториях и спецдачных поселках и сами партийные деятели, их приспешники, а также родственники, которых обслуживали в спецстоловых и в спецмагазинах с невероятно широким ассортиментом по невероятно низким ценам (но только для своих – «спец» с партийным билетом). Я утверждаю это как непосредственный свидетель, поскольку мне приходилось там бывать: моя родная тетка работала в аппарате ЦК ВКП(б), двоюродная бабушка, О.А. Варенцова, была в руководстве партии большевиков, и я бывал в этих «спец» в Подмоскowie (Успенское, Рублевка, Кратово, Сходня) и в самой Москве». Автор подчеркивает: «Аморальным в этой истории было то, что этих бывших защитников Отечества, отдавших молодость и здоровье Родине, сама родина в лице её большевистских властей не торопилась отблагодарить. Вместо этого появилось партийное предписание убрать из общественных мест всех просящих милостыню... спрятать их на дальних поселениях, в том числе на далеком острове Валаам в Ладожском озере и в других обителях, пустующих после изгнания из них большевиками монахов и клира (Кирилло-Белозерском, Александро-Свирском, Горицком...), не пуская к ним туристов, журналистов и прочих любопытствующих». Самый крупный и известный Дом инвалидов Великой Отечественной войны был создан на Валааме в 1950 г. и просуществовал до 1984 г. «Общее число обитателей, привезенных в Валаамский дом инвалидов, в разные годы варьировало от 500 до 1500 человек... Вместе с инвалидами здесь, на территории бывшего монастыря жили врачи, санитары и другие работники дома-интерната». Автор бывал здесь несколько раз, в 1966 г. по просьбе патриарха Алексия I (как психиатр) и поддержке министра здравоохранения СССР. Он отмечал не только непростые материальные условия жизни, но много других проблем. «Можно назвать много бытовых и морально непреодолимых обстоятельств, которые делали жизнь инвалидов угнетающей, но самым тяжелым была проблема психологической несовместимости и чувства одиночества среди людей, чувства никому-не-нужности. Мало того, что в палатах было тесно, по 8-15 человек, в них были одни и те же люди на протяжении дней,

месяцев, а то и многих лет... Здесь бы психологическая помощь, работа психотерапевта (не говорю уже о духовной поддержке священнослужителя), но такая помощь инвалидам Великой Отечественной войны просто не предусматривалась. Видя это, я не мог вновь не возмутиться двойными стандартами советской власти. Теперь мало кто знает, что в те годы при каждом обкоме большевицкой партии было специальное представительство Главного Четвертого («кремлевского») Управления Наркомата Здравоохранения СССР, которое было ориентировано исключительно на социально-медицинское обслуживание большевиков. Мне довелось быть в одной из таких больниц с лекцией, я был удивлен теми излишествами как штатного расписания, так и материально-технического обеспечения, которые просто бросались в глаза; десятой частью этих излишеств можно было бы достаточно обеспечить интернаты для инвалидов Великой Отечественной войны». Заметим, со своей стороны, что автор попадет на Валаам в 1966, через 16 лет после поселения сюда инвалидов, первые же годы, когда те были привезены на остров, там *ничего* не было подготовлено к приезду больных людей, разруху и неустроенность преодолевали здесь постепенно вместе с живущими инвалидами. Теперь уже ясно, что спецоперация по высылке инвалидов тщательно готовилась; в ней участвовали самые обширные силы органов НКВД, на разных уровнях взаимодействия: перлюстрация почтовой переписки, концентрация сведений о военных инвалидах в одном месте и далее сама, военная по сути, операция - захват и перевозка инвалидов в назначенные точки. Данная операция была проведена в соответствии с тем, как проводились массовые операции по депортации целых народов (крымских татар, калмыков, чеченцев,), а еще раньше - раскулачивание русских крестьян, прямо затронувшее 2,5 млн человек, а косвенно ударившее по всему крестьянству, в том числе беднейшему. И никакой разницы применения государственной силы к мирному населению в большом количестве власть и органы советской власти словно и не чувствовали, не видели, а это значит, что власти было все равно против кого действовать; тот, кто в данный момент объявлялся врагом (независимо от того, был ли он на самом деле таковым или нет), тот и подвергался депортации, высылке, репрессиям, уничтожению. То, что под удар советского государства попали обычные нищие - причем два раза (!) за короткую советскую историю, - о многом гово-

рит! И прежде всего - о глубокой враждебности по отношению к ним советского строя. И понять эту враждебность очень трудно. Зачем за раскулаченным уже юношей Михаилом Васильевичем Михеевым, который никаких обривов не изготавливал, никого не убивал, никому не угрожал, охотятся, как за зайцем на загонах охоте (расстреливают деда и ссылают отца)? Эту патологическую ненависть советская власть не только декларировала, но и культивировала на всех уровнях, включая уже не властный уровень, а простой гражданский. То есть этих нищих мучили просто как нищих, а не как всемогущих кулаков, и в этом мучении советская власть находила подлинную истину классового возмездия. Ни о каком перевоспитании или покаянии не могло быть и речи. Нищета - дно общества - здесь не спасали человека, не были его последней защитой, защитой от Бога, а наоборот только больше распалили преследователей. Именно это, нам кажется, и было подлинной причиной так называемого классового возмездия, и били здесь уже не по нищим, а прямой наводкой по Богу. Как и в случае с нищими инвалидами. В обоих случаях, это выражение крайней степени богоборчества. Только так можно оценить феномен «советского нищества», имевшего и количественно огромные рукотворные масштабы и осознанный, думается, смысловой центр, по которому власти и направляли свой удар. Поскольку основную часть послевоенных нищих составляли инвалиды войны и труда, с ними и велась со стороны власти основная борьба. Следы этой борьбы, как отмечают исследователи, можно проследить с конца 1940-х годов и до конца 1950-х годов. Подробно на эту тему (в свете анализа государственных и партийных документов) пишет Е.Ю. Зубкова в статье «Бедные и чужие..», поэтому не будем ее касаться, лишь отметим, что, судя по этим документам, советская власть и здесь допускала присущее ей от природы лукавство. Под видом нищих и соответственно всей специфике их положения, она в мобилизационно скором порядке решала вопрос об огромной группе инвалидов войны (среди которых было немало офицеров и орденосцев, попавших на улицу не от хорошей жизни), которых необходимо было оценивать по иным параметрам. За заниженную социальную оценку, которую получили инвалиды войны и труда, никто из деятелей государства (Сталин, Хрущев, Каганович и руководители специальных комиссий: А.М. Пузанов, Р.А. Руденко, Д.С. Полянский) не ответил, никто не давал на го-

сударственном уровне оценку этой трагедии. Их нищенство все покрыло, и бывшие военные заслуги, и их страдания в тех местах, непригодных для пребывания инвалидов, куда их скороспешно и тайно вывезли. Научный мир, пишущий на эти темы, тоже молчит, сейчас не принято давать нравственных оценок историческим явлениям, ведь если все строится по законам конструирования, какие могут быть нравственные мотивации, учитывая, что главным архитектором здесь оказывается интерпретатор, в данном случае ученый.

Война сделала нищими не только военных инвалидов, но и десятки, а может быть сотни тысяч и мирных граждан, лишившихся крова и родных, больных, не имеющих возможности трудиться. Современники отмечают, что в послевоенные годы по селам и городам ходило много нищих. И территория передвижения этих людей была, судя по всему, ограничена определенными рамками, они как правило знали у кого можно останавливаться, кто принимает, а кто нет. Как нам рассказывала Марфа Фроловна Сурайкина (1947 г.р.) [38], жительница д. Жерновка Нижегородской обл., еще маленькой девочкой она была свидетельницей посещения нищими их дома: «У моей мамы нередко жили нищие. Была палатка, полог, как заходишь в дом, огорожено место для них, там нищие спали. Одна нищая была особая, слепая, не разговаривала, только «ай-яй, яй». Все время молилась, звали мы ее тетя Ксения. Ходила в разные храмы за много десятков километров все время пешком, на машину не садилась, даже если ей предлагали. Шла в лаптях, на груди мешочек с просфорками. Еще что-то было на шее, молитвы или другое, не знаю. В своем доме никогда не жила. А в доме-то у нее и было из вещей – одна иконка. Среди сельчан она ходила в основном “по смертным делам”. После войны много нищих, голодных людей. Мы весной собирали, кое в чем одевшись, и корзинками таскали полугнилую картошку. Почистишь, посушишь, через жернов пропустишь и делается как мука. И мама делала тесто из этой муки, замешивала сразу целую кадку; посреди избы ставили кадку, мешали в ней палкой. Топили печь, и мама целый день пекла блины. А люди шли и шли, голодные, всем хочется кушать. Поедят, уходят, за ними другие идут. В чугунках на столе стояла закваска – ряженка, затопленная в печке. У мамы было две коровы. А обрат от ряженки отдавала бедным в селе, чтобы тоже не умерли с голода. Это с 1946 по 1950 годы – самые голодные

годы. Из крахмала делали блины, как резина тянулись, но казались вкусными. За желудками ходили, тоже для муки». Марфа Фроловна рассказывала, что ее мама еще заботилась об одежде нищих; снимала у тех, кто особенно страдал обилием вшей, кипятила ее в баке во дворе («бучила») и потом высушивала. Нищие при этом отправлялись в баню, на промывку и на прожарку. В книге Т.С. Олейниковой, жительницы Воронежской обл., ценной духовной оценкой послевоенного прошлого, автор отмечает, что ее земляки, хотя их советская власть и лишила церкви, но они сохранили добрую и милосердную христианскую душу. Это проявлялось и в нищелюбии в годы послевоенных лишений: «В это тяжелое голодное время ходило много “побирушек” – людей, просивших подать что-то “ради Христа”. Я не знаю, что “подавали” им в такое время, но мне запомнились два случая, когда наша семья принимала странников. Однажды, когда мы садились кушать за наш “знаменитый” столик, пришел к нам один мужчина. Он был примерно в возрасте моего отца. Его посадили кушать вместе со всеми нами, дали ему, также как и нам, ложку и кусок хлеба. Был какой-то суп. Он вместе с нами ел неторопливо из общей миски. Когда он съел свой кусок хлеба (мы тоже уже съели хлеб), он протянул руку и стал как бы щупать папин кусок хлеба. Папа, заметив это, сказал: “Бери, бери”. “Нет, это что-то мягкое, наверное, это твой хлеб, а я думал, что, может быть, это какая-то косточка”, – по-видимому, он плохо видел. Папа снова сказал ему, чтоб он взял его хлеб, но странник не взял. Он сказал: “Нет это твой хлеб, съешь сам”». Другой случай с нищими был связан с цыганами, которые однажды попросились переночевать: «Папа сказал: “Что же делать? Сами с трудом здесь помещаемся (а жили в протапливаемой кухне. – Н.Ш.), и на морозе нельзя оставить людей. Предложи им, может они согласятся – мы им постелим сена на пол. Если они согласятся, забирай их”. Они, конечно же, согласились. Настелили им сена на полу, они что-то набросили на него и улеглись спать... Запомнились мне эти цыгане у нас дома очень спокойными, совсем не такими, какие они бывают на улице» [39, с. 29-31].

Монахиня Сергия (Чернышева), жительница г. Борисоглебска Воронежской обл., вспоминает о 1960-х годах, как времени с большим числом нищих, странников, блаженных, ютившихся возле единственного незакрытого храма в городе. Она подчеркивает, что нищих принимали не все, но нищие знали, у кого они могут

остановиться. «Еленушка была, Елена Петровна, все странники у нее перебивали и всех нищих она принимала. Какие были люди благодатные! Я знала одну, умершую уже, женщину по Ленинской улице, Мария Ивановна, у нее двери дома для нищих не закрывались, любому страннику откроет, хороший он или плохой. Сколько лет она их принимала. Благословили ее на это отцы. Омывала всех. За чистотой никогда не гналась. Была девой. А жили у нее всякие, бывало, не продохнешь от дурного запаха; бывали и буйные. А она не боялась» [40]. В беседе с церковницами Горшеченского храма (Курская обл.) одна из них - Валентина Васильевна Гребенкина (1928 г.р.) упомянула, что ее мама всегда в своем доме принимала нищих после войны, их тогда называли «побирушки», не только кормила, но и оставляла на ночлег. Она видела в нищих, по Евангелию, Самого Спасителя, поэтому, со слов дочери, «любила даже за ними доедать, после их трапезы» [41]. «Традиционные нищие», к которым мы относим верующих нищих, живущих «по духовным правилам», ютились возле храмов, где от верующих, приходивших на службу, они получали не просто помощь, но помощь, оказанную с добрым сердцем, с радушием, без упрека. Здесь такие нищие чувствовали себя как бы среди своих. Вот почему, как фиксируют отчеты уполномоченных, массовые моления, крестные ходы к святыням всегда сопровождались группой нищих. В 1952 г. крестный ход в Курскую Коренную имел пятнадцать нищих; среди них два слепых кобзаря из Украины и Орловской обл., поющих духовные песни. «У каждого на привязи или в руках бутылочка для воды и у многих еще и икона. Некоторые несут иконы, прилаженные на деревянные палки, украшенные зеленью и цветами» [42, л. 104]. В 1957 г. сентябрьское паломничество в Коренную пустынь насчитывало около 30-40 человек нищих. При том, что всего богомольцев было около 2 тыс. человек [4, л. 117-118]. В докладе Курского уполномоченного Курского обкома КПСС (1956 г.) описывается ситуация похорон монахини-подвижницы в с. Озерки Касторенского р-на. Так вот, здесь на поминальной трапезе в церковной сторожке присутствовали 20 нищих [44, л. 49].

В 1950-е годы еще нередко были случаи хождения нищих-странников в самые дальние богомольческие центры, включая, конечно, самые массовые и популярные в народе Киево-Печерскую Лавру и Почаевскую Лавру. Ходили большей частью пожилые женщины и

мужчины, а также женщины средних лет. В оценках нищих как странников более позднего времени (1970-х-1980-х годов) не раз приходилось слышать от глубоко церковных людей, в том числе священников, что ныне они себя исчерпали, среди них мало осталось подлинных нищих и странников, Христа ради совершающих свой подвиг, в большинстве своем это уже люди не духовные. Об этом мы слышали рассуждение Раисы Владимировны Лычагиной (1914 г.р.), жительницы г. Борисоглебска, воспитаннице монастырских монахинь, живших в ссылке в городе [45]. Ту же мысль высказал местный священник Николай Серов, духовник Борисоглебского благочиния, весьма уважаемый пастырь [46]. При этом священник выделял блаженных (юродивых), которые, хотя и жили как нищие, но не странствовали и отличались благочестием и подвижничеством.

Несомненно, что все перечисленные случаи приема нищих, как и сама эта форма сельского нищенствования, «именем Христовым», - указывают на сохранение и в советское время традиционных форм нищенства и нищелюбия. Во многом, это нищелюбие было связано в эти годы с образом странников, ходивших по сельским дорогам и здесь находивших себе и пропитание, и временный приют. Сельская глубинка традиционно большей частью относилась к этим нищим с сочувствием, хотя принимали их на ночлег не все (как и раньше было), но в любом месте все же были люди, относящиеся к страннику, как к самому Христу. При этом следует отметить, что кроме странничества продолжали сохраняться и другие формы традиционного «Христа ради» нищенства: больные, калеки, старики, блаженные. Как нам поведала А.А. Секирина, жительница с. Болото Курской обл. (1927 г.р.), в послевоенные годы ее родители таких нищих принимали: «За всех не скажу, но мои родители принимали бедных. В Горшечном одна женщина жила с дочерью, они какие-то блаженные были, их принимали. Зайдут к нам, их покормим, оставим переночевать, а утром проводим. А еще был слепой, ходил по всем дворам, но там, где принимали его, туда ходил чаще. Он местный. Сестра была у него, но с детьми и мужем. Кому он нужен такой. И умер-то он у чужих людей» [47].

Обратимся далее к вопросу, также имеющему прямое отношение к нищенству как явлению, с которым советское государство боролось, а именно к теме «тунеядства», т.е. демонстративному нежеланию трудиться так,

как того хочет советское государство. Это тема, не связанная с военными инвалидами, как и с предыдущей темой рукотворных нищих из числа раскулаченных. По советской статистике, к «тунеядцам» принадлежало не так много из числа всей совокупности нищих (на 1954 г.): «инвалиды войны и труда - 70%; впавшие во временную нужду - 20%; профессиональные нищие - 10% (из них 3% - те, кто по состоянию здоровья могли бы работать)» [48, л. 41-46]. Численно 100% нищих, по этим данным, включало 25 500 чел. [49, с. 296] «Впавшие во временную нужду», как и частично «профессиональные нищие» - входили в ту искомую категорию «традиционных нищих», которую мы отметили выше, как людей, близких к церкви, религиозных. Что, конечно, не исключает того, что в генерации «инвалиды войны и труда» таковых не было заметно. Они, очевидно, были в каждой из трех групп, и было это связано с несколькими обстоятельствами: искренностью нищенства, глубиной отношения человека к тому, что с ним произошло, тем воспитанием, которое человек получил в детстве.

«Тунеядцев», как нам кажется, вполне можно считать детищем советского строя, как некое его естественное порождение. И хотя не все «тунеядцы» относились государством и относили себя к нищим, а только часть, но все же эта связка - «нищие/тунеядцы» - указывает на важные детали некоего общего явления. Во-первых, появление трутней в семье рабочих пчел было закономерным по причине излишней зависимости категории труда от механических характеристик, от теснейшей связи человека с машинерией (как это описано в ранних произведениях А. Платонова). Сверхсосредоточенность на труде - это энтузиазм труда, пандемия труда, как стахановство. Труд в его бесконечных советских формах профанации свободных форм (труд в лагерях, труд за гроши на свободе, масса неквалифицированного труда, замена женским трудом мужского и множество других) - все эти формы обезчеловечивания трудового процесса при максимальных затратах человеческого труда, конечно, нельзя сводить только к рабству (хотя это тоже было и это тоже важно), очень важна профанация. Она подразумевает, что человеческий труд - как бы и не человеческий, его можно посчитать за машинный; его можно увидеть не совсем как человеческий, и его можно понять и описать как машинный. Эту игру в труд человеческий, подневольный, который можно преподнести (в качестве общественного искусства) как

труд свободный через кульбиты с машинерией, т.е. включенностью человека в ритм машины, в образ машины, в цель машины. Появление песен подобных той, где были «вместо сердца пламенный мотор», лишь подтверждает нашу догадку о механической природе советского энтузиазма. В свете трудовой машинерии может быть объяснен и феномен особого равнодушия к труду, вплоть до выражения крайних форм, к которым мы и относим нищенство, как форму избегания производственного советского труда. Такое равнодушие, конечно, было и у людей, которые продолжали трудиться на производстве (плюс в сельском хозяйстве), но уже были под властью этой болезни, но там, ввиду того, что люди оставались на производстве, равнодушие к труду приняло другие формы. Эти процессы начались в 1960-е годы, но массово проявились в 1970-е - 1980-е годы. Власть тогда начала создавать при производстве (не исключая сельского) специальные ячейки актива (товарищеские суды), которые занимались рассмотрением вопросов о тунеядстве, лени на производстве, а заодно и других моральных отступлениях человека от норм (пьянстве, дебоширстве, проблемах в семье).

После того, как 70% процентов нищих были вывезены из городов и помещены в специальные медицинские учреждения, интернаты для инвалидов и т.п. (к середине 1950-х годов), нищенство в его оставшейся части уже не представляло большой опасности для власти, во всяком случае, она уже не боролась так целенаправленно, с привлечением не только милиции, но и органов НКВД, как в 1930-е годы. За сельским нищенством (в виде странничества) в послевоенный период и далее не было слежки, не было против него репрессий, и оно, по сути, сошло на нет само к середине 1970-х годов, вместе с преодолением послевоенной разрухи. Судя по всему, к концу советской эпохи сохранилась в более-менее цельном виде только одна категория нищих - профессиональных, состоящая из нескольких разнородных групп: а) религиозные нищие, живущие подаянием на храмовой и монастырской территориях, втянутые в орбиту церковной реальности и, в этом контексте, сохраняющие некие традиционные формы культуры этой категории населения, численно это была небольшая группа - несколько тысяч (до 5 тысяч) человек на всю советскую Россию; б) некоторые городские нищие, которые занимались нищенством как промыслом, позволяющим им

существовать. Про них, как правило, ходили противоречивые слухи, им приписывали большие доходы, богатства. Это могли быть пожилые люди, нередко одинокие женщины, лет 70-ти, которые не просили милостыню на одном месте, но ходили с каким-нибудь старым мешком и разбитой детской коляской и собирали выброшенные вещи на свалках мусора, имели единичные денежные подаяния от отдельных доброхотов. Можно сказать, что в 1970-е - 1980-е годы нищенства уже практически не было видно в повседневной жизни, оно перестало быть частью социальной повседневности. Но причина этого была не в кардинальном улучшении жизни, а скорее в специальных мерах, позволивших переместить одну категорию граждан в социальные спецучреждения; что касается другой, «традиционной», церковной, то их было не так много, в силу того, что немного храмов и монастырей было открыто до 1989 г.

Общие выводы. Представленный материал позволяет нам сделать вывод, что нищие в традиционной системе это не «асоциальный материал», и о них нельзя как о механических явлениях говорить языком механики: вход/выход. Их материальная скудость, и не всегда бездомность, в классической традиционной мотивации оцениваются как дополнение к избытку, а не как лишение его части. Евангельский, христианский взгляд на нищих, глубоко усвоенный русским народом (во всех его сословиях), позволял смотреть на нищих как на достоинство, а не недостаток (через Христа), отмечать их особые христианские функции: миссионерские, прежде всего. Уже в предреволюционный период среди русского нищенства появилось нечто ему чуждое, которое дезориентировало людей и ломало всю тонко настроенную систему милосердной помощи. Профессиональные нищие, как в городе, так и в деревне, давали повод к очернению всего сонма нищих, к размыванию портрета традиционного нищего, к формированию средне-утилитарного взгляда на нищих, как таких же людей, но которым меньше в жизни повезло. Традиционные нищие продолжали сохраняться и в советское время, во все его периоды, однако советская эпоха, с ее антицерковной и антихристианской борь-

бой, сделала нищих особым объектом преследования. Во-первых, в 1930-е годы, когда процветала теория возрастания классовой борьбы, в процессе коллективизации и раскулачивания появилась огромная - многомиллионная группа крестьян, лишенных дома, земли и собственности, превратившихся в нищих. Во-вторых, в 1950-е годы с послевоенными нищими - ветеранами войны и труда (уже не классовыми врагами) - обошлись столь же жестко и решительно, как и в 1930-е годы. Советская власть не любила нищих, не понимала их, объявляла часть (с которой боролась в конкретный исторический момент) нищих тунеядцами и паразитами и, в целом, имела цель избавиться от нищих совсем, как глубоко чуждой для себя социальной группы. Выяснилось, однако, не только чуждой, но и враждебной и духовно неблизкой. В том, что советская власть сделала нищими численно огромную часть зажиточных крестьян, проявлялась не только классовая враждебность к «мелкой буржуазии» (как квалифицировал крестьянство Ленин) - их отправили в лагеря и ссылку, но и духовное противопоставление советского воинствующего атеизма христианству. Точнее сказать, здесь налицо определенная ирония - «вы хотели быть христианами - вот вам нищенство, настоящее христианство, где образ нищего есть образ Христа!». Злая ирония, как и черная неблагодарность в отношении ветеранов труда и войны, просматривается в высылке этих нищих с улиц советских городов, как советский ответ на то, что в годы войны руководству страны и партии пришлось обратиться за помощью к Церкви, к русской истории, полной церковных имен, дышащей православным духом. Это был откровенный жест русофобии, воинствующего атеизма, жест не менее глумливый и циничный, чем предыдущая (в 1930-е годы) акция с раскулачиванием.

Нищие в советское время, как и в дореволюционное, не были пассивной социальной группой, но даже в большей еще степени, чем раньше, были своего рода маркером человечности власти - весов, где взвешивались дела милосердия, и в этой области, как ни в какой другой, оценивался ее гуманистический потенциал.

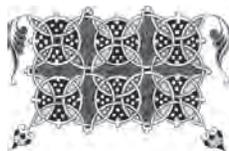
* Кондратьев Федор Викторович — психиатр, доктор медицинских наук, судебно-психиатрический эксперт высшей квалификационной категории, член Совета по биомедицинской этике при Московской Патриархии, попечитель благотворительного фонда медико-социальной и духовной помощи гражданам старшего поколения России «Геронтологическая защита».

ATTITUDE TO THE POVERTY OF THE STATE AND SOCIETY IN SOVIET TIME

Литература

1. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999. С. 20.
2. Там же. С. 21.
3. Там же. С. 24.
4. Русские крестьяне /Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро». Калужская губерния. СПб., 2005. Т. 3. С. 561-562; Там же. Нижегородская губ. СПб., 2006. Т. 4. С. 169-172; Там же. Новгородская губ. СПб., 2011. Т. 7. Ч. 4. С. 283-284; Там же. Вологодская губ. СПб., 2008. Т. 5. Ч. 4. С. 220; Там же. СПб, 2007. Ч. 3. С. 122-124; Там же. Ч. 1. С. 269-270; С. 435-438.
5. *Зубкова Е.Ю.* «Бедные и чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940-1960 годы // Труды Института российской истории. М.: Институт российской истории, 2011. Вып. 11. Отв. ред. Ю.А. Петров, Е.Н. Рудая. С. 284.
6. *Хлевнюк О.* 30-е годы. Кризисы, реформы, насилие // Свободная мысль. 1991. № 17. С. 81-82.
7. *Вернадский В.И.* Дневники. 1935—1941. М.: Наука, 2006. В 2-х книгах. Отв. ред. В.П. Волков.
8. *Жиромская В.Б.* Демографическая история Росси в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2011. С. 44.
9. Там же. С. 46.
10. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Социальный состав и занятия населения. М., 1928. Вып. 8. С. 10.
11. Там же. С. 82.
12. Там же. С. 90.
13. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Социальный состав и занятия населения /Изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1928. Вып. 9. С. 91.
14. *Жиромская В.Б.* Указ. соч. С. 127.; Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.
15. Там же. С. 120.
16. ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 816. Л. 1-6.
17. ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 816. Л. 1-6.
18. Моя жизнь (воспоминания Михеева Михаила Васильевича). Публикация Р.Ю. Просветова //Традиции и современность. 2008. № 8. С. 157-176.
19. Моя жизнь (воспоминания Михеева Михаила Васильевича). С. 170.
20. Там же. С. 174.
21. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова. 1915-1931 годы. М.: ИЭА РАН, 1997. Публ. подготовили М.И. Мильчик, М.А. Шумар.
22. Там же. С. 24.
23. Там же. 24-25.
24. *Вдовин А.И.* СССР. История великой державы. 1922-1991. М.: «Прспект», 2019. С. 158.
25. Там же. С. 159.
26. Там же. С. 159.
27. *Протоиерей Валентин Бирюков.* Непридуманнные рассказы. «На земле мы только учимся жить». М.: «Даниловский благовестник», 2004. С. 11-12.
28. Там же. С. 13.
29. Там же. С. 20.
30. С крестом и Евангелием. Книга об одном удивительном монастыре и его старцах. Задонский Рождества Богородицы мужской монастырь, 2011. С. 24-30.
31. Там же. С. 290.
32. Судьбы нищего дворянства, в лице его представителей - женщин и детей - описаны в немногих сохранившихся мемуарах представителей этого сословия о советской эпохе: *Урусова Н.В., княгиня.* Материнский плач Святой Руси. Издательский Дом Русский паломник. Валаамское Общество Америки. М., 2007; Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997; Россия воспрянет. Князя Трубецкие. М.: Воениздат, 1996.

33. *Пришвин М.М.* Дневники. М.: Правда, 1990. С. 165.
34. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы/ Под ред. А. Береловича, В. Данилова. В 4-х томах. М. 1998-2004. Т. 3. С. 566-567.
35. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. С. 41.
36. *Пришвин М.М.* Дневники. 1932-1935. СПб.: Росток, 2009. С. 200.
37. *Кондратьев Ф.В.* Судьбы инвалидов Великой Отечественной войны. Свидетельства очевидца // интернет-портал «Русская народная линия». Материал от 11.09. 2019 г.
38. Беседа с Сурайкиной М.Ф. Экспедиция ИЭА РАН 2000 г. Архив Кириченко О.В.
39. *Олейникова Т. С.* Путь православной женщины. От первых пятилеток до наших дней. М.: Благо, 2004. С. 29-31.
40. Рассказ монахини Сергии (Чернышевой). 2000 г. Архив О.В. Кириченко.
41. Беседа с Гребенкиной В.В. Экспедиция ИЭА РАН 2003 г. Архив Н.В. Шляhtiной.
42. Государственный архив Курской области (далее - ГАКО). Оп. 2. Д. 12. Л. 104.
43. ГАКО. Оп. 5. Д. 13. Л. 117-118.
44. ГАКО. Р-5027. Оп. 5. Д. 10. Л. 49.
45. Беседа с Лычагиной Р.В. Экспедиция ИЭА РАН в Воронежскую обл. 2000 г. Архив О.В. Кириченко.
46. Беседа с протоиереем Николаем Серовым. Экспедиция ИЭА РАН в Воронежскую обл. 2000 г. Архив О.В. Кириченко.
47. Беседа с Секириной Анастасией Алексеевной. Экспедиция ИЭА РАН 2002. Архив Н.В. Шляhtiной.
48. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 78. Л. 41-46.
49. *Зубкова Е.Н.* Указ. соч. С. 296.

**«Тушат зажженную у иконы свечу и смотрят...»:
ИЗ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
СТАНИЧНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ**

Аннотация. Статья посвящена собирательнице фольклорно-этнографического материала на Тереке народной учительнице Е.Н. Бутовой, которая в 1880-х – 1890-х гг. преподавала в казачьих станицах и посвящала свой досуг работе по программе «Описания местностей и племен Кавказа» Кавказского учебного округа. Созданные ею очерки традиционной культуры станиц Ищерской и Бороздинской, а также публикации сказок и песенного материала выполнены в духе описательной этнографии XIX века. Тем не менее материалы Е.Н. Бутовой совокупно с другими публикациями дореволюционных станичных краеведов позволяют более поздним исследователям проследить динамику традиционной культуры терского казачества, переосмыслить с помощью современной методологии накопленные собирателями факты.

Ключевые слова: собирательство фольклорно-этнографического материала, терские казаки, Кавказский учебный округ, духовная культура, вера и верования, материальная культура, сказки, станичная школа.

Abstract. The article is dedicated to the collector of folklore and ethnographic material on the Terek the folk teacher E. N. Butova, who in the 1880s - 1890s. taught in the Cossack villages and devoted her leisure time to the work on the program "Descriptions of the localities and tribes of the Caucasus" of the Caucasian educational district. Her essays on the traditional culture of the villages of Ischarskaya and Borozdinsky, as well as the publication of fairy tales and song material, were created in the spirit of descriptive ethnography of the 19th century. Nevertheless, the materials of E. N. Butova, together with other publications of pre-revolutionary local village historians, allow later researchers to trace the dynamics of the traditional culture of the Terek Cossacks, to rethink the facts accumulated by collectors with the help of modern methodology.

Key words: collecting folklore-ethnographic material, Terek Cossacks, Caucasian educational district, spiritual culture, faith and beliefs, material culture, fairy tales, village school.

Матвеев Олег Владимирович (Matveev Oleg Vladimirovich) – профессор Кубанского государственного университета, доктор исторических наук / vim12@gambler.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 63-78.

ISSN 2687-1122 | | <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 39, 394 / 929

ББК – 72.3 / 82.3 (2Рос=Рус)

В казачьих станицах Терской и Кубанской области в дореволюционный период трудилось немало учителей, которые успешно совмещали преподавание в местных школах с научной, фольклорно-этнографической работой: В.В. Кикоть, П.А. Востриков, В.В. Пятирублев, Ф.Ф. Арканников, Д.Я. Иванов и др. Вполне достойна быть представленной в этом ряду Е.Н. Бутова. Этого незаурядного педагога и собирателя нередко упоминают и ссылаются на её работы в исследованиях по истории традиционной культуры терского казачества [1], но в сведениях о ней авторы не идут дальше повторения скромной подписи под публикациями в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» – «учительница Бороздиновского станичного училища Е. Бутова».

Между тем данные о собирательнице обнаруживаются уже в «Памятной книжке Кавказского учебного округа» на 1880 г. Там сообщается, что в одноклассном училище станицы Ищёрской состоит учительницей Елена Николаевна Бутова, с правом обучения, окончившая Моздокское женское училище и имеющая звание учительницы народных училищ. В должности состоит с 1878 г., получает содержание 200 руб. в год [2]. В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания сохранилось тоненькое дело учительницы, состоящее всего лишь из двух кратких документов. Первый представляет собой свидетельство, выданное полицмейстером г. Моздока 27 сентября 1878 г. о нравственном состоянии и поведении учительницы. Из документа следует, что настоящая фамилия нашей героини – Бут, она происходила из солдатской семьи и к работе в школе могла быть вполне допущена. «Дано сие от Моздокского городского полицейского управления, – писал Моздокский полицмейстер подполковник П.Д. Ницык, – дочери отставного унтер-офицера Николая Бут, Елене Николаевне Бут в том, что она девица вполне достойная; в том подписью с приложением казенной печати удостоверяется» [3]. К сожалению, в документе не указывается возраст Елены Николаевны. Свидетельство было дано, по-видимому, для поступления на службу после окончания Моздокского училища. Звание учительницы начального училища обычно получали девушки 19–22 лет.

Моздокское Александровское женское училище, которое было организовано по программе среднего образования и давало звание народной учительницы, было двухклассным с двухгодичным курсом в каждом. В первый класс принимались девицы всех сословий православного и армяно-григорианского вероисповедания [4]. Среди учениц

Дед и внук

были русские, осетинки, чеченки, армянки, грузинки, поэтому Леночка Бут довольно рано окунулась в полиэтничный мир Притеречья, познакомилась с традициями и культурными особенностями земляков и соседей русского населения. «Достойной», по словам полицмейстера, она, очевидно, была не только в плане политической благонадежности, но и в учебе: унтер-офицерская дочь овладела знаниями в области истории, богословия, географии, русского языка, литературы, которые впоследствии помогли ей вести собирательскую работу в казачьих станицах.

Второй документ в деле датирован 12 июня 1891 г. и представляет собой сведения о перемещениях Е.Н. Бутовой по службе, предоставленные инспектору народных училищ Терской области 2-го участка Дирекцией народных училищ Терской области. Согласно ответу на запрос, «г-жа Бутова 16 декабря 1878 г. была назначена на должность учительницы Умахан-Юртовского ст. училища, на каковой должности находилась по 16 сентября 1879 г.» [5]. Преобразование окончания фамилии на русский манер, возможно, было связано с преобладанием в станице старообрядческого населения, которое свысока относилось к местным православным малороссам [6]. Другая

Ст. Баталпашинская. Станичное правление

причина могла быть в том, что девушка сама встала на ноги, начала служить и, по-видимому, была не чужда модным тогда среди женской молодежи идеям эмансипации.

Станица Умахан-Юртовская располагалась на правом берегу р. Сунжа при впадении в неё р. Белки. Школа здесь была открыта в 1871 г. с трехгодичным обучением, но учеников у Елены Николаевны оказалось немного. Во-первых, большинство казаков станицы были старообрядцами. Как отмечал несколько позже местный учитель В.В. Кикоть в описании ст. Умахан-Юртовской, старообрядцы «пренебрегают православными и не отдают обучать своих детей в станичную школу, считая преподавание в ней еретическим. Они имеют свои школы, где исключительно обучают славянскому чтению по старопечатным книгам» [7]. Православные же станичники, «хотя сознают пользу школы, и отдают своих детей, но по бедности, часто берут их из школы до окончания курса, как подрастающих работников» [8].

Во-вторых, условия, в которых приходилось трудиться молодой учительнице, также мало соответствовали успешному обучению. В.В. Кикоть описывал Умахан-Юртовскую школу следующим образом: «В классе освещение с правой стороны, что вредно ученикам; двор очень мал; квартира учителя состоит из одной комнаты, длиною в 3 арш., шириною — 3 арш. Столы очень неудобны, неустойчивы, простой топорной работы; скамьи такие же и сделаны не по росту учеников. Классная доска — одна для трёх отделений, и та очень

мала. Пособий для наглядного обучения почти не имеется: есть одни простые счеты» [9]. Не исключено, что всё это вместе взятое заставило девушку после года работы в Умахан-Юртовской просить Дирекцию народных училищ о переводе.

16 сентября 1879 г. Е.Н. Бутова переводят в школу ст. Ищёрской [10]. Здесь она познакомилась с богатым миром традиционной культуры потомков волгских казаков, который позже опишет в совместной работе с М.С. Лысенко. Однако и здесь Елена Николаевна не задержалась: 20 августа 1880 г. она вышла в отставку [11]. О причинах отставки можно только гадать, но спустя несколько месяцев Бутова «6 ноября 1880 г. была вновь назначена учительницей в Бороздиновское станичное училище» [12].

Станица Бороздинская (Бороздиновская) находилась в 12 верстах от г. Кизляра и в 3-х верстах от ст. Дубовской, через которую шёл почтовый тракт на Кизляр и далее — к пристани Брянской на Каспийском море.

Станичные школы являлись островками культуры и просвещения населения Терской области. Содержались они на общественные средства, из которых выплачивалось и жалование учителям. Так, Елена Николаевна Бутова получала в 1885 г. 240 руб. содержания, законоучитель священник о. Алексей (Молчанов) — 35 руб. [13], отдельно суммы выделялись станичным обществом на приобретение пособий, наем сторожа, отопление и освещение, канцелярские расходы и на ремонт здания училища. Положение учительницы при

этом было незавидным, поскольку ей приходилось буквально выбивать эти средства у станичного схода, униженно просить у станичного атамана и членов правления приобрести книги для библиотеки, наглядные пособия, спортивный инвентарь. Тем не менее в Бороздинской Е.Б. Бутова прижилась надолго, учила детей арифметике и русской грамматике, чистописанию, основам познания окружающего мира. При этом она имела возможность ежедневно наблюдать жизнь станичников, общалась с детьми и их родителями, беседовала со старожилками. Под впечатлением публикаций фольклорно-этнографических материалов в «Сборнике для описаний местностей и племён Кавказа» (СМОМПК), который издавался Управлением кавказского учебного округа, у молодой учительницы, не обремененной семьей, возникает желание попробовать свои силы в этом направлении на местном материале.

Ещё в первом выпуске СМОМПК в 1881 г. Управление Кавказского учебного округа поставило задачу поддержания «духовной деятельности начальных учителей, этих полезных, но большею частью молодых и неопытных в жизни тружеников, обязанных иногда многие годы оставаться в среде сельских обществ» [14]. Управление округа обращало внимание на «всевозможно-всестороннее изучение ими тех местностей, в которых они живут и где сосредоточена их деятельность». Считалось, что это «серьёзное и весьма полезное занятие<...>, имея значение умственно освежающего труда, окажет благотворное влияние и на педагогическую их деятельность» [15].

Для учителей была разработана специальная «Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оныя», которая предполагала привлечение учеников к собиранию статистико-этнографических сведений «с целью возбуждения в них правильной наблюдательности и образования сознательного взгляда на явления, их окружающие» [16]. Методическая часть сопровождалась разъяснениями по руководству собирательской работой («разъяснении способов собирания статистических сведений по этнографии, школоведению, торговле и пр.; в приручении их к производству метеорологических и естественно-исторических наблюдений с надлежащими вычислениями, в составлении планов, рисунков и пр.») [17].

Программа включала вопросы, в том числе, этнографического характера: топонимия селения («происхождение такого названия, или по местным особенностям, или по племени, или на основании исторических фактов, или же на основании преданий»), жилище («Жилые дома и храмы в архитектурном отношении. Распределение и назначение внутренних помещений. Материал, из которого они преимущественно строятся, и способы постройки»), традиционные занятия, сведения о сословном, национальном, конфессиональном составе населения, соционормативной культуре («Авторитет отца семейства. Положение женщины»).

Отдельные пункты Программы были посвящены языковым особенностям: «Язык домашний и язык, употребляемый при взаимных сношениях

Ст. Баталпашинская. Женская гимназия

Школа для девочек

с другими народностями. Средство языка, господствующего в местности, с другими языками. Есть ли этот язык родной жителей, или он усвоен ими при переселении в обитаемую ими теперь местность». Программа включала также сбор сведений по фольклору: «Предания, легенды, сказки и песни исторические, бытовые и пр. Песни хоровые и одноголосные. Мифология. Пословицы. Поговорки».

Специально предусматривались разделы о верованиях: «Суеверия и предрассудки. Нет ли в числе обрядов, суеверных предрассудков, преданий и легенд, таких, которые бы указали на древний культ, языческий или христианский». Кроме того, были включены вопросы о религиях и сектах, традиционной кухне, одежде, обрядах жизненного цикла, традиционных формах досуга, традиционном воспитании [18].

Учительские работы, выполненные по этим программам, предлагалось отправлять в редакцию «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа». Преподаватели станичных училищ Терской области весьма сочувственно отнеслись к этому призыву. Известный русский фольклорист и лингвист В.Ф. Миллер писал об учительских работах в СМОМПК: «Какой-нибудь скромный учитель, преподающий в аульной или станичной начальной школе, знакомясь с программой, разосланной округом, приходил к убеждению, что и он, в своем захолустье, может сделать нечто полезное для науки, что население, которое он ежедневно видит вокруг себя, его

обычаи, песни, поверья, наконец весь несложный строй его жизни могут быть предметом наблюдения и научного описания. Заинтересованный новым делом, он принимается за работу, наблюдает внимательно то, мимо чего прежде проходил равнодушно, выспрашивает, записывает, узнает ближе своих учеников и их родителей, словом, в его однообразное существование проникает луч света, вносится живое дело, столь же интересное для него, как для его учеников и односельчан. А какой подъем духа должен испытывать скромный труженик, когда увидит свою работу в печати, когда убедится, что работал не бесплодно, а внес свою лепту в дело научного изучения родного края? Думаю, что для многих из этих сотрудников «Сборника» появление их труда на его страницах составит лучшее воспоминание в их однообразной трудовой жизни» [19].

Елена Николаевна взялась за эту работу. Она записывала песни на девичьих «сиденках», давала задание ученикам записать дома сказки, пословицы, поговорки, беседовала со станичниками о вере и верованиях, присматривалась к устройству казачьих жилищ, семейным взаимоотношениям. Постепенно стал накапливаться полевой материал, который надо было классифицировать, выявлять общее и особенное. По-видимому, Елена Николаевна продолжала поддерживать связи и со станицей Ищёрской, где раньше преподавала, и при случае фиксировала сведения о традиционной культуре ищёрцев. Не исключено, что она переписывалась с местным священником, которого знала

по работе в училище: о. Флегонт (Оршанский) служил в Ищёрской с 1867 г. [20]. С 1 января 1887 г. в Ищёрской стал работать учителем М.С. Лысенко, с которым Елена Николаевна могла познакомиться на собраниях учителей, устраиваемых инспекторами народных училищ. По-видимому, ей удалось привлечь ищерского преподавателя к собирательской работе.

Работа по фольклорно-этнографическому описанию станицы Бороздинской между тем шла, и постепенно ложилась на бумагу. С нескрываемым волнением, по-видимому, Елена Николаевна отправилась в Кизляр, где имелось почтовое отделение, и отправила почти 150-страничную рукопись в Тифлис. Произошло это, судя по дате в конце текста, в 1888 году. Однако лишь спустя год, в 7-м выпуске СМОМПК была опубликована её работа «Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа».

Е.Н. Бутова обозначила географическое положение и границы Бороздинской, привела рассказанное ей местное предание о происхождении названия станицы: «Около того места, где полагалось основание станице, была лощина; по краям лощины росли тутовые деревья; лощина эта тянулась на несколько верст, была ровна, как проведенная плугом *борозда*, и называлась *Тутовой бороздой*: отсюда-то и произошло название и самого поселения – *Бороздинка*» [21].

Затем учительница сообщила некоторые исторические сведения о станице. Бороздинскую заселили казаки Терско-Семейного казачьего войска в 1736 г. В первой половине XIX в. население станицы пополнили беглые солдаты-мусульмане из казанских татар, выведенных русским командованием из гор, пленные тавлинцы* а также из Харьковской губернии. Из-за сильных подтоплений станица несколько раз меняла свое расположение. Е.Н. Бутова указала, что пространство Бороздинской имеет форму почти правильного четырехугольника, вытянутого с юга на север. «Посередине этого четырехугольника, ближе к его восточной окраине, находится довольно просторная площадь, середину которой занимает церковь и её двор, – говорилось в описании. – Улицы, прорезывающие станицу, – или идут параллельно друг другу, или пересекаются другими, под прямым углом; они довольно узки, сорны, а в дождливое время ещё и очень грязны» [22]. Несмотря на то, что земли у бороздинцев было в то время достаточно, дворы устраивались небольшими. «Тесноту дворов и узость улиц объясняют тем, – отмечала Елена Николаевна, – что

станция устраивалась в беспокойное время, когда жить теснее, ближе друг к другу, было безопаснее, да и канаву, в таком случае, приходилось рыть вокруг станицы меньших размеров и делать меньше плетня». С одной стороны двора ставился дом, «с другой – *хата* или *сакля*, а в промежутке между ними службы, называемые здесь *кухнями*, из которых одна – *чихирня*, где хранится вино, другая – *мучная*, где находится мука и др. хозяйственные припасы». По длинной стороне дома, говорилось в описании, «всегда тянется терраса, или, по крайней мере, навес, и так называемое крыльцо». В доме устраивались одна или две комнаты, разделенные просторными сенями. Печей в доме большинство бороздинцев не устраивали, «потому что в домах-то и не живут», а хранят хозяйственный скарб и по великим праздникам принимают гостей. Вседневым жилищем, по словам Е.Н. Бутовой, служили турлучные сакли. Автор описывает технологию возведения сакли, внутреннее убранство «по-азиатски», посуду, традиционную систему питания бороздинцев.

В последней выделена лапша, которая готовилась «едва ли не ежедневно», рис с рыбой – «по местному *пलोво*», вообще «в станице много употребляют рыбы, которую едят и свежую, и соленою, и копченою». «Делают галушки с чесноком, – сообщала Е.Н. Бутова, – также – *финкалы*; последние готовятся так – замесят тесто, тонко его раскатают, порежут квадратиками и спустят в кипяток; когда эти ломтики теста сварятся, их вынимают из воды, обливают коровьим маслом, сливками или простоквашей и толченым чесноком, и кушанье готово. Финкалы варят из баранины; для этого баранину мелко режут, варят и затем мешают её с финкалами» [23].

Подробно описано питание в постные (плов с сушеным виноградом, похлебка с овощами и квасом, пареная капуста с маслом и др.) и праздничные дни (*куерма* – жареная баранина с подливкой, пышки, пироги с сарацинским пшеном, *панпушки* с толченым маком и медом и др.).

Специальный раздел Е.Н. Бутова посвятила описанию повседневной и праздничной одежды и обуви мужчин и женщин. «Костюмы носят азиатские», – отмечает исследовательница, – однако тут же поправляется и приводит второе название, подчеркивающее казачий маркер: «гребенские»: «такие костюмы начинают носить от ст. Червлёной и носят во всех станицах вниз по Тереку». Страсть к нарядам у бороздинцев доходит до того, что «они предпочитают оставаться несколько дней

*Тавлинцы – устаревшее наименование горцев Северного Дагестана

Терские казаки. Начало XX в.

без пищи, только бы иметь нарядный костюм». В качестве основы мужского костюма называется черкеска из черного или коричневого сукна, бешмет (*халат*) из ситца, рипса, бумазеи дыма, атласа для лета и весны, рипсовые или верблюжьего сукна шаровары, курпейная шапка с синим суконным верхом; женского – рубаха и *распашка* (юбка с лифом и треугольным вырезом на груди), длинный кафтан (бешмет) со множеством сборов у пояса, пояс – из серебряного галуна и с серебряными пряжками.

«На голове женщины носят обыкновенно ситцевые, шерстяные или шёлковые платки, которые повязывают так, что почти закрывают лоб; на макушке спереди назад образуется углубление (канавочка), которую называют *шириночка*; концы же платка располагают так, что они торчат, точно рожки. Замужние женщины носят на голове особый убор, именуемый – *сорочка* (нечто вроде *очипка*). Устраивается он так: берется деревянная палочка, обтягивается ватой и обшивается ситцем; затем скручивают из ваты полукруг, который тоже обшивают ситцем; обе эти части потом скрепляются вместе, так, что образуется полукруг, концы которого стягивают диаметром; полукругом надевают к затылку, а прямой палочкой ко лбу. Косы кладут на голове к сорочке и подвязывают *подкосник* (в праздники малиновый-кашмировый, в будни кумачный); сверх подкосника повязывают платок, так, чтобы был виден подкосник», – отмечала Елена Николаевна [24]. Вообще, по её словам, «одеваются бороздин-

цы довольно красиво и чисто, лучше всех других казаков, кроме гребенских».

Отдельный раздел работы посвящен системе орошения, почвам и особенностям местного климата. Описывает Е.Н. Бутова животный и растительный мир окрестностей станицы, казачьи повинности, промышленные заведения Бороздинской, «физические и нравственные качества» населения. По словам народной учительницы, «бороздинцы народ необразованный, грубый, мало развитый умственно, но в то же время гордый и заносчивый. Уважение к личности у них определяется силою, с которой данная личность может «жать» и давить; если же за личностью нет такой силы, то не ждать ей от бороздинца какого-либо уважения, особенно, если эта личность не принадлежит к казачьему сословию».

Е.Н. Бутова обращает особое внимание на казачье самосознание: к иногородним «у казаков проявляется даже какая-то враждебность или, правильнее, презрение, вытекающее из того, что казак считает себя выше и благороднее всякого другого сословия; по этой же причине казак в редких случаях выдает свою дочь замуж за не-казака, или женит сына на не-казачке. Враждебность казаков к лицам не-казачьего происхождения простирается даже на мертвых. Рассказывают, что когда мать одной казачки погребли вблизи могилы не-казака, дочь подняла страшный вой, приговаривая: «Милая моя матушка! Или тебе лучше места не было! Положили тебя, родимая матушка, рядом с шаповалами» (*шаповалами* называли старые ка-

заки позднейших переселенцев из России. Слово это и до сих пор считается между казаками *бранным*)» [25].

По-видимому, с точки зрения «прогрессивных» взглядов тогдашней учительской интеллигенции и идей феминизма Елена Николаевна оценивает распределение обязанностей в семье, указывая на бесправие казачек, их загруженность тяжелым трудом, господство физической силы в семейных отношениях и грубость.

Подробно описаны в очерке традиционные занятия бороздинцев: земледелие, луговое хозяйство, скотоводство, садоводство и огородничество, рыболовство, изготовление колёс и *ароб*, бондарное ремесло, изготовление орудий рыбного лова.

Немало места в работе отведено досугу, гуляниям, играм и праздникам казаков ст. Бороздинской. Особый интерес представляет описание игры «держать и брать города», которая устраивалась на Масленицу. На длинную скамейку становились девушки с палками в руках. Против них ополчаются мужчины верхом на лошадях «брать город», причем принимали участие в этом действе даже старики и мальчики 8 лет. Девушки палками отмахивались от подсакивающих всадников, причем били «без всякой жалости почему бы ни попало; иной раз так избыют, что и он и лошадь обливаются кровью». «Взявшие город» получали право перецеловать всех находящихся на скамейке девушек, но «достичь этого удовольствия никому в отдельности не удаётся» [26]. Интересно описание шуточного обычая, занесенного, как считала Е.Н. Бутова, первыми переселенцами, когда на второй день Пасхи всякого, кто не был «у заутрени, обливают у колодца холодной водою. Не желая подвергаться довольно неприятной шутке, провинившийся предлагает за себя выкуп, конечно, на выпивку»

Рассказала Бутова и о поминании усопших на Фоминой неделе, завивании венков и пире в складчину с яичницей на Троицу, местном престольном празднике в память Св. Дмитрия Ростовского. Обзорно представлены свадьба, родины и крестины, похоронно-поминальная обрядность станицы Бороздинской.

Отметила исследовательница билингвизм казаков: «Языком населения ст. Бороздинской служит, главным образом, — язык русский, но, благодаря тому, что по соседству находится много ногайцев, с которыми казаки имеют частые сношения, они знают хорошо и язык ногайский; им они нередко пользуются даже в разговоре между собою» [27].

Всё население станицы исповедовало православие, «сектантов нет» — заметила автор очер-

ка. Однако «влияние священника на паству, несмотря на добросовестное его к своему делу отношение, сравнительно незначительно, чему немаловажной причиной служит грубость и малоразвитость населения, подверженного суевериям и предрассудкам». Здесь Елена Николаевна явно тенденциозна, следуя надуманной задаче выяснить, кто главный хранитель веры: священник или станичники. Сказывается отсутствие у молодой женщины собственного духовного опыта. Она приводит далее 21 пример так называемых «суеверий». Так, «когда священник, причастив больного, обратится уходить из комнаты, тушат зажженную у иконы свечу и смотрят, в какую сторону пойдет от неё дым: если он пойдет к иконе, значит больной будет жив; если же за священником, то умрет».

Чтобы «ведьмы не засасывали детей, продевают длинный кол в ступицу (трубица) колеса и ставят на дворе». Узнать колдунов и ведьм можно при выходе из церкви перед Пасхальной заутреней с иконами для совершения крестного хода: «ведьмы и колдуны не пойдут за иконами, а направятся в боковые двери; когда же процессия зайдет в притвор и запоют «Христос воскрес», ведьмы и колдуны будут держаться за косяки дверей» [28].

Чтобы «испортить изменившего в любви, ловят черепаху или змею, убивают её, раздирают и вешают на дерево, а под деревом, против повешенного гада, кладут кусок хлеба, на который должен капать жир гада, когда пригреет его солнце. Окапанный жиром змеи или черепахи хлеб сушат и трут в порошок, который и всыпают в кушанье или в питье: последнее подносят изменившему любовнику». К счастью для начинающей исследовательницы, она не берется толковать эти тексты, но само определение их как «невежественных суеверий» обнаруживает неважное знание народной религиозности [29].

Затем, более 100 страниц работы занимают песни и сказки, зафиксированные Е.Н. Бутовой в станице Бороздинской. Песни, по тогдашней классификации, Елена Николаевна разделила на свадебные, любовные, бытовые, шуточные и исторические. Причем бытовые делятся, в свою очередь, на семейно-бытовые, военно-бытовые, «приуроченные к некоторым моментам в году, важным в каком-либо отношении», в числе которых приведены Троицкие, «колядские» и «великопостные». Среди исторических представляет интерес «Как на реке было, на Камышенке», где вождем гребенских казаков выступает Ермак Тимофеевич, песни о князе Салтыкове и о генерале Паскевиче.

В работе приведены 4 текста сказок: «Жена-спорщица», в которой казак отделался от своей

жены, делающей все наперекор; «Про коня-молодца», в которой реализуется идея народных верований о чудесном превращении в птиц и зверей; «Несчастный сад», в которой Иван-царевич разыскивает царских дочерей, использует «сильную» и «бессильную воду», меч-кладенец, строит три дворца и разоблачает коварных генералов; и «Незнайко», где главный герой Магометан Магометанович добывает себе коня, царскую дочь и полцарства впридачу.

В целом очерк Е.Н. Бутовой о станице Бороздинской вполне отвечал уровню описательной этнографии второй половины XIX в., хотя и имел очевидные недостатки: культура бороздинцев не осмысливалась, как целостная, сложная и динамическая система, играющая важную роль в жизнеобеспечении станичников, а раскрывалась эпизодически, исходя из своеобразного понимания прогресса и долга, которые образованное меньшинство якобы должно нести «невежественному», погрязшему в предрассудках народу. Тем не менее, материалы Е.Н. Бутовой совокупно с другими публикациями дореволюционных станичных краеведов, позволили более поздним исследователям (Л.Б. Заседателева, Н.Н. Великая, Е.М. Белецкая, А.Ф. Григорьев и др.) проследить динамику традиционной культуры терского казачества, переосмыслить с помощью современной методологии накопленные собирателями факты.

Вдохновленная успехом первой публикации, Елена Николаевна взялась за составление очерка по станице Ищерской, продолжая в то же время накапливать полевой материал по Бороздинской. Спустя 6 лет, в 16 выпуске СМОМПК было опубликовано сочинение «Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области», составленное, как следует из подписи, «на основании данных, предоставленных учительницами Бутовой и Лысенко» [30]. Но в публикацию вкралась ошибка: никакой «учительницы Лысенко» в Ищерской никогда не было. Зато 30 декабря 1886 г. сюда был назначен учителем в местную школу М.С. Лысенко.

Михаил Степанович Лысенко родился в 1867 г., происходил из государственных крестьян, окончил в 1885 г. Владикавказское Николаевское городское училище, затем был прикомандирован к тому же училищу «для прохождения педагогики, дидактики и методики», подвергся «испытаниям на звание учителя городского приходского и начального училища и, выдержав оное, получил свидетельство» [31]. Спустя месяц его назначили в Ищерскую. Здесь он включается в обследование станицы по Программе Кав-

казского учебного округа. В 1889 г. появляется его первая небольшая заметка по промыслам и ремеслам в станице Ищерской, вышедшая в 8-м выпуске СМОМПК [32].

21 августа 1890 г. Попечитель Кавказского учебного округа «за усердное и успешное исполнение учительских обязанностей» объявил М.С. Лысенко благодарность, и учителю было предложено занять должность письмоводителя в Терской дирекции в войсковой столице – Владикавказе. А 31 августа 1892 г. его назначают заведующим Владикавказским мещанским училищем.

Не исключено, что успехом своей карьеры М.С. Лысенко был обязан Е.Н. Бутовой. Не явились ли их отношения завязкой некой драмы, сказавшейся на репутации учительницы? Мы знаем только то, что весной 1891 г. инспектор 2-го района Терской области запросил в Дирекции сведения о Е.Н. Бутовой [33], а приказом по Терской дирекции «учительница Бороздинского училища Бутова» была уволена по прошению, с 1 июня 1891 г. [34].

Где она находилась вплоть до осени 1894 г., когда поступила на службу в Дирекцию народных училищ Кубанской области? Известно лишь, что в 1893 г. выходит совместное исследование Е.Н. Бутовой и М.С. Лысенко о станице Ищерской, а также работы Елены Николаевны «Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа» и «Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа». Причем, «за статью, вышедшую в XVI выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» М.С. Лысенко была вынесена благодарность Попечителем Кавказского учебного округа [35]. Карьера Михаила Степановича стремительно идет вверх, создается впечатление, что его направляет какая-то умелая рука. Такое впечатление складывается потому, что стоило Елене Николаевне исчезнуть с горизонта, Лысенко постепенно стал скатываться вниз по служебной лестнице. Приказом по Кубанской дирекции с 1 октября 1894 г. была назначена «имеющая звание учительницы сельского и приходского начального народного училища Елена Бутова учительницей в Темнолесское станичное училище» [36]. Лысенко же, в результате жалоб на него 21 июля 1897 г. был отправлен в отставку и вынужден был умолять Попечителя Кавказского учебного округа К.П. Яновского «не отказать возвратить мне Ваше доверие и дать какое-либо место учителя, и Вы убедитесь в недалеком будущем, что возводимого на меня обвинения я не заслуживаю» [37]. К.П. Яновский, по-видимому, помня о былых заслугах Лысенко, назначает последнего помощ-

ником классных наставников в Новороссийскую гимназию. Но здесь Михаил Степанович, по словам директора Новороссийской мужской гимназии, «вел не вполне трезвую жизнь». «Его нельзя было совершенно терпеть, — писал директор Попечителю Кавказского учебного округа 19 января 1911 г. Были случаи, что он брал плату за право учения от учеников и не передавал её по принадлежности, подложно засвидетельствовал две повестки с почты и присланное присвоил; в ассигновку, подписанную мною, он внес несколько рублей в свою пользу, наконец, подделал несколько ассигнований, по одной из которых успел получить 250 рублей» [38]. В другом документе отмечалось, что М.С. Лысенко, воспользовавшись «доверием своих сослуживцев, обманным образом присвоил часть содержания их» [39]. В итоге, «приговором Судебной Палаты Михаил Лысенко присужден к лишению всех прав и преимуществ и отдаче в арестантское отделение на три года и шесть месяцев с зачетом шести месяцев заключения до суда» [40].

О причинах разрыва с Е.Н. Бутовой можно только предполагать. Известно лишь, что М.С. Лысенко женился на дочери есаула Кубанского казачьего войска Ольге Трофимовне Арканниковой [41].

Статья «Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области», опубликованная в 1893 г. под двумя подписями, выполнена в рамках Программы Кавказского учебного округа. Авторы сообщают исторические и географические сведения о станице, приводят зафиксированные здесь предания: «Название своё, как говорят старики, станица получила от пещер, или, как в станице говорят, пещёр, в которых приходилось жить казакам в первое время по поселении» [42]. Станицу основали в 1770 г. волжские казаки. Всеволод Миллер, рецензировавший работу Е.Н. Бутовой и М.С. Лысенко, особо отметил зафиксированное собирателями предание о Емельяне Пугачеве. «Оказывается, что у ищерцев, — писал фольклорист, сохранилось любопытное предание о Пугачеве, который будто бы приходил к ищерцам и, видя недовольство казаков, предложил им отправиться в Москву к царице хлопотать об улучшении их положения, если они признают его атаманом» [43]. Авторы рассказали об археологических находках на территории станицы, дали характеристику местной флоре и фауне, климату и почвам.

Рассказывая о материальной культуре ищерцев, Е.Н. Бутова и М.С. Лысенко сообщают: «Дома большей частью плетены из хвороста — в две, но чаще в одну комнату. Дома называют здесь *куреньями*. Кроме куреней есть ещё так наз. *столбянки*,

в которых летом готовят кушанья. Курень имеет в длину от 10–12 арш., а в ширину 6 арш. Убранство комнаты куреня состоит в следующем: в переднем углу, внизу божнички пелена (кусок материи 4-х угольной формы), сшитая из какой-либо материи; на пелене нашит осьмиконечный крест. Праздничные пелены делаются из парчи или из шелковой материи. На божничке стоит несколько икон, но главным образом, иконы Спасителя, пресвятой Девы и Иоанна Крестителя (эти иконы староверы называют Дейсус), а кроме этих икон в каждом доме есть ещё и распятие; под иконами стоит стол; далее идут лавки, кровать, на которой лежит полст (редко перина) и подушки; над кроватью сделана деревянная жердочка (вделанная одним концом в матку, а другим в стену), на которой висит одежда. Кроме куреня, который строится козырем на улицу, и столбянки, стоящей рядом с куренем или против него, есть ещё амбары, которые строят на довольно высоком фундаменте (на подкладках), сараи, катухи, и почти у каждого баня. Полы, как в столбянках, так и в большей части куреней, земляные; крыши, за неимением камыша, соломенные, иногда смазанные глиной» [44].

Говоря об одежде, авторы описания отмечают, что «женщины ищерские носят европейские костюмы. Моды доходят через станицу Наурскую. Наур для Ищер своего рода Париж. Говорить и петь тоже стараются наурским говором». Мужчины носят «черкески черные, серые и коричневые. На работу надевают серые зипуны из толстого сукна. Носят бешметы, стеганные на вате, на одной подкладке, которые шьют из черного атласу, из кашемира (форменные голубого цвета, ситцевые, репсовые и шерстяные). Носят шапки, летом на работу надевают войлочные шляпы с большими полями. Обувь составляют сапоги, чевяки, поршни». В комплексе женского костюма перечислены «юбки с оборками, кофты «кирасы» и просто круглые, платья («принцессы»), платки. По будням фартуки по колена; сохранились ещё бешметы старинные, коротенькие, узенькие, не такие, как носят гребенички: около пояса нет ни складок, ни сбор, а есть на боках, к поясу, по одной большой складке; называются эти складки фантами. На верхней части узкого бешмета отвороты из другой материи, называемые закавращками».

В перечне блюд ищерской кухни названы «лапша с адамиками» (помидорами), «щи с говядиной или с рыбой», правда, описанный ассортимент для их приготовления скорее напоминает борщ: «В щи кладут капусту свежую, помидоры, картофель, петрушку, лук». Правда, отмечают краеведы, «некоторые из раскольников перестали есть картофель, который теперь зовут «поганым

зельем»; перестали есть вот почему: года два тому назад один старик раскольник посеял картофельные семена, только уродился не картофель, а что-то наподобие табаку. Вот раскольники и бросают есть картофель, но пока не все» [45].

Самое «излюбленное кушанье ищерцев селянка» или окрошка из помидоров. Приготавливается так: крошат помидоры, к ним прибавляют свежих или соленых огурцов, порезанных кусочками, луку, перцу, постного масла, иногда и чесноку. Селянку, приготовленную таким образом, едят чуть ли не десять раз в день».

В разделе о «физическом и нравственном состоянии жителей» отмечается, что «население станицы Ищерской – народ рослый и здоровый, но некрасивый, хотя черты лица более или менее правильные. Очень толстых, как и худощавых, между ищерцами встречается мало; большей частью они средней дородности, имеют хорошо развитую грудь, а потому и громкий голос. Зрение развито хорошо. Разговор несколько певучий; часто заменяют звуки – а, е – звуками – я, а, напр., «Ванька, чаго работаете. Купи мне двандцать яблук и шешнадцать груш. Один яблук стоит две копейки». Народ вообще трудолюбивый и гостеприимный» [46].

В то же время, между православными и старообрядцами авторы отметили «явно враждебные отношения, что служит причиной больших неурядиц во время общественных сходов». Отмечены также случаи неуживания родителей и детей, жестокое обращение с женщинами.

Описаны в статье традиционные занятия ищёрцев, а также времяпровождение в часы досуга. Собрания молодежи авторы называют «сиденками», отмечают ряжение на Святки, печение блинов в складчину на Масленицу, песенные хороводы на Пасху, завивание венков на Троицу. Авторы привели статистические данные о численности, конфессиональном составе станицы, материальном благосостоянии, общественных зданиях.

В целом очерк дает обзорное представление о культуре станицы Ищёрской. В чём-то дополняет его работа Е.Н. Бутовой «Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа», опубликованная в этом же году в XV выпуске СМОМПК. Елена Николаевна описала здесь ищёрскую свадьбу с песенными текстами. Представляет интерес описание второго дня свадьбы, когда «все должны собраться на *коровай*. Собираясь на коровай, все гости ещё раз шумными увеселениями

дают знать родителям и всему миру о благополучном выходе молодой замуж: берут в руки пучки калины, нарочно заранее развешанные на крыше дома и в доме на полках, растирают в руках ягоды и соком их раскрашивают себе лица, в таком виде танцуют и поют» [47]. Завершение свадьбы представлено обрядом «хоронить концы» с разжиганием костра и прыжками через него, очевидную магическую направленность которого Е.Н. Бутова не объясняет.

Кроме того, в очерке приведены другие песенные тексты, которые Елена Николаевна группирует в троицкие, любовные, бытовые, былевые и исторические. Большой редкостью среди последних были зафиксированная собирателем былинная песня об Алешеньке Догрубнике и Угарине-змее, представлявшая вариант русских былин об Алеше Поповиче, песня о генерале Ермолове («И Кавказ отбит на Спас»), о взятии Варшавы.

В этом же выпуске была напечатана работа Е.Н. Бутовой «Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа», которая явилась дополнением к опубликованным в 1889 г. песенным текстам [48].

Станица Темнолесская Кубанской области, в которой оказалась Е.Н. Бутова, до 1904 г. входила в состав Баталпашинского отдела. Здесь Елена Николаевна получала содержание 386 руб. в год. Её коллегами стали Почетный блюститель начального станичного училища Василий Сергеевич Харламов, законоучитель Яков Васильевич Сретенский, учитель военной гимнастики Иван Васильевич Пучков [49].

В 1900 г. Е.Н. Бутова переводится в училище станицы Исправной Баталпашинского отдела [50], в 1902 г. в ст. Баталпашинскую, где становится заведующей женским училищем с жалованием 500 руб. в год [51]. Здесь Елена Николаевна настолько отдаёт всю себя делу народного образования, что ей была даже посвящена корреспонденция в газете «Северный Кавказ». Местный журналист А.Г. Макеев писал: «Как и везде, в наше училище для девочек был наплыв желающих учиться, но благодаря тому, что школьное помещение мало, учительницам приходится многим отказывать в приеме. Это навело на мысль заведующую училищем Е.Н. Бутову обратиться к начальству, которое отнеслось к нему сочувственно. Дело стало за приговором общества, имеющего в своем

* По-видимому, все-таки – солянка. В ходе работы нашей экспедиции в ст. Ищерской Наурского района Чеченской Республики в 2018 г. никто из русских старожилов слова «селянка» не знал, зато солянку готовили все (См.: Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В. Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 года). – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2018. – С. 123).

распоряжении школьный капитал. Деньги нужны для расширения здания, для учебных пособий и для третьей учительницы. Так как проект Бутовой совпадает с интересами общества, то мы надеемся, что оно разрешит вопрос в утвердительном смысле.

Нельзя обойти и молчанием еще одного обстоятельства. Давно учительствуя, г. Бутова заметила, что, с одной стороны, дети к концу классов устают, а с другой, что их скудный завтрак, состоящий из соленых огурцов, селедки и т.п., вызывает сильную жажду, которую дети утоляют холодной водою, от чего простуживаются и заболевают то горловыми болезнями, то бронхитами. Чтобы дать детям возможность сытнее позавтракать, и чтобы избавить их от питья холодной воды, она придумала поить детей в 12 ч. чаем. Для этого, созвав родителей, предложила устроить общее чаепитие, на что и получила их согласие. Предположение, что достаточно потребно 20 коп. в месяц, в этом размере сделан сбор и открылось чаепитие. По словам г. Бутовой, дети после чайного завтрака чувствуют себя такими же бодрыми, какими они бывают с утра» [52].

Станица Баталпашинская ещё Указом императора Александра II от 30 декабря 1869 года была объявлена городом Баталпашинском. Однако ничего для развития городской инфраструктуры здесь практически не делалось, и Баталпашинская оставалась станицей вплоть до советского времени, хотя и была центром отдела. Вопросами народного образования руководство станицы занималось неохотно, спуская их на попечение редких благотворителей и отдельных жертвователей. Е.Н. Бутовой много пришлось хлопотать по преобразованию одноклассного училища в двухклассное. По-видимому, в обустройстве на новом месте, во многих делах ей помогала супруга инспектора городского училища Л.А. Потапова, которая занималась благотворительностью. Однако в июле 1903 г. Любви Алексеевны не стало... С болью в сердце Елена Николаевна писала: «Покойная была редкая женщина по уму, сердечной доброте и по той благотворительной деятельности в оказании ближним помощи, какую она проявляла все года, живя в Баталпашинской. Вся станица проводила бранные останки её в место вечного упокоения с большою горестью и слезами. Общество вспомоществования бедным учащимся, где покойница состояла председательницею, понесло ничем и никогда незаменимую потерю. В память Любви Алексеевны Потаповой нужно бы собранию написать постановление, чтобы Любовь Алексеевна Потапова, положившая столько сил на пользу меньшей братии, при своём слабом здоровье, что может было причиной её преждевременной смерти<...>. Кто верит в бессмертие души, тот, сидя в

правлении, задаст себе вопрос, как бы поступила покойница, получить ответ и в память её постараться сделать как можно больше добра» [53].

В своей статье, опубликованной в «Кубанских областных ведомостях», Елена Николаевна подвергла резкой критике местное самоуправление: «Общество станицы Баталпашинской за постройкой собора и слишком дорогого иконостаса нажило много долгов. О том, как нужно было проводить эту постройку, чтобы не было долгов, говорить теперь поздно. В настоящее время нужно думать, как и чем жить и как выпутаться из такого положения. Между тем сбор Баталпашинской об этом думает мало, говорит очень много; говорит не к делу и не у места. Где бы в таких обстоятельствах жить как можно ладнее, да почаще советоваться, как помочь беде, слушать бы советов и других лиц, кто мог бы что-нибудь путное посоветовать – сбор, преследуя личные интересы, как будто бы положил себе за правило изживать станичных атаманов» [54].

Е.Н. Бутова привела конкретные, нелицеприятные для местного общества факты: «В январе прошлого года станичного атамана не было, помощник атамана исправлял должность его. Шли выборы атамана. Сколько выборных, столько и кандидатов предлагали. Наконец, избрали атамана. Утвердили. Но выборным скучно без магарычей. Начинают делать неприятности атаману и последний, приняв должность в конце марта, в ноябре уволился. Опять исправляет должность помощник и, наконец, в январе сбежал. Бросил должность. Исполняет должность другой помощник. Выбрали атамана. В марте поступил, в первых числах июня уволился. Служить нет никакой возможности. Оскорбление, сбор баламутов никого и ничего, кроме даровой выпивки не признаёт» [55].

Е.Н. Бутова внесла конкретное предложение. Прозвучавшее на всю Кубань, в областной газете, оно явилось настоящим вызовом местному обществу: «Да самое главное для исправления станицы здесь нужен атаман, назначенный административным порядком. Нужны хотя и крутые, но серьезные меры. Необходимо лишить года на два права голоса на сборе. Ограничить их власть к их же пользе» [56].

Пожелание Елены Николаевны не могло сбыться, поскольку это было бы нарушением порядка станичного самоуправления, узаконенного специальным Положением об общественном управлении казачьих войск 1891 г. Однако обращение учительницы отразило и кризисные явления в станичном самоуправлении начала XX столетия. Сама замена схода сбором, уменьшение числа выборных участников сбора по Положению

1891 г. позволяли заинтересованным лицам, неофициальным хозяевам станицы, «партиям», как их называли, за «магарыч» проводить необходимые им решения от имени станичного общества.

С горечью Е.Н. Бутова описывала в статье станичные недуги: «Баталпашинская в настоящее время являет очень жалкую и печальную картину. Денег нет, а если есть, то не знают, куда их употребить. Платить ли долги, или проценты, или жалование служащим. Нигде и ни в чём нет порядка. Здания общественные без ремонта разрушаются. Женское училище, особенно квартира, в жалком состоянии: фундамент вывалился, балки подгнили, в полах трещины, двери никуда не годны, мазать снаружи уже давно пора. Жить невозможно, а ничего не поделаешь! Правление течёт – крыша негодная; но на это всё-таки нужны средства, а вот даже кладбище в каком состоянии находится – невозможно и описать эту картину. Там и деньги не нужны, а распоряжение никто не делает. Кладбище – место упокоения. Не хотелось бы попасть на баталпашинское кладбище, несмотря на то, что нелегко живётся. Это значит и в жизни мучиться и после смерти могилу в покое не оставят. Ни сторожа, ни ограды, как следует. По кладбищу вольно гуляют и лошади, и скотина, и свиньи. Кресты и памятники ломают. Тяжкое впечатление, и не в духе христианской православной веры все это делается» [57].

Простить подобного выступления хозяева станицы не могли. По-видимому, решено было нанести ответный удар, причём по самому больному, по делу, которому Елена Николаевна посвятила свою жизнь. В сентябре 1903 г. Е.Н. Бутовой, наконец, удалось открыть двухклассное училище. Для того, чтобы усилить эффект от этого события, было решено устроить торжественный обед. На открытие училища станичное общество выделило 50 руб. Это событие и решили обыграть в явно заказном газетном фельетоне недоброжелатели новой заведующей. Драматизм ситуации заключался в том, что последние действовали якобы от имени оскорбленных детей. В октябре 1903 г. в «Кубанских областных ведомостях» появляется материал о торжественном обеде в Баталпашинском женском училище, автор которого скрывался под псевдонимом «Пообедавший».

В фельетоне сообщалось, что «15 сентября было открытие школы для девочек, преобразованной в двухклассную. Открытие позднее: в городском училище с 22 сентября началось ученье. Открытие было больше чем странное. Началось оно, как и во всех школах, молебном, после которого учительницей г-жей Б-ой был устроен обед... Не для учениц только. Г-жа Б-ва убедила каким-то образом станичное общество ассигновать 50 руб.

Наше общество бедно. И сама Б-ва писала об этом в «Куб. обл. вед.». У него и проценты на долги, и долги, и правление, и школы – всё требует денег. На дело более продуктивное нет, мосты поразваливались... А в школе самая плохенькая, тощая библиотека. Сюда бы 50 руб. И вдруг обед... Правда, 50 руб. деньги небольшие. Но у кого их нет, это богатство.

И обед странный: не для детей. Конечно, те лица, которые, как атаман отдела, станицы, Попечитель, члены училища, которые так или иначе заботятся о школе – желанные гости, перед ними двери каждой школы широко раскрыты. Но были приглашены люди, непричастные к школе, никогда в неё не заглядывающие, не думающие о ней.

Детей после молебна отправили «не солоно хлебавши». За обедом говорили тосты... Играла музыка...А потом... Началась игра в карты. И это – открытие школы!.. На открытиях школ главное забота о детях. Школа – для детей, и все, что для нее – для детей. Зачем же, пользуясь случаем, на общественный счет устраивать обед не для детей, как оно следовало, а для своих знакомых? Зачем устраивать в школе карты и танцы в такой торжественный день, который должен быть примерным для всех дней, какие проводят дети в школе. И музыка, и пение, и даже танцы хороши в школе, если они для детей, имеют целью их удовольствие.

Приятно было бы видеть такое открытие школы, где дети, раскрасневшись от удовольствия и волнения, рассказывают басни и стихи, где учителя живут и картинно читают художественные рассказы, заставляя разевать рты и блистать глазенки детей, где поются песенки, играют, бегают...А в этот раз детей не было. Их выпроводили, чтобы не мешали. Хорошего мало» [58].

Статья очень напоминает зашифрованный донос: заведующая, говоря современным языком, обвинялась в нецелевом расходовании общественных средств, хотя сама недавно жаловалась на станичное общество в газету. Вместо того, чтобы использовать эти деньги на школьную библиотеку, или покормить бедных школьников, устраивает на территории училища картежные игры и танцы под патефон, причем не для уважаемых людей, а для своих друзей и знакомых!

Спустя две недели в газете появляется новая статья, написанная на этот раз в жанре дневника одной из учениц. Главный смысл заключался в том, что иллюзии наивной, жаждущей знаний девочки наталкиваются на обман и холодный цинизм Бутовой, а обещания и утопические прожекты заведующей при откровенном игнорировании интересов детей подрывают веру последних в светлое и разумное. Приведем выдержки из этого дневника:

«Вчера, 12 июля, отец мне сказал, что наша женская одноклассная школа теперь будет двухклассной. <...>. Мне хотелось не только быть грамотной, но <...> и заботиться о развитии темного народа, о просветительном влиянии на него. Я захотела учиться на учительницу. Я буду самостоятельной, я буду сеять свет и правду! О! Как хорошо!! Пойду, непременно пойду к учительнице 2-го класса Бутовой.

22 августа. В городском училище началось ученье. Вероятно, и в двухклассной школе оно скоро начнется. Надо надеяться.

23 августа. Вчера вечером я была у Б-ой. О! Как я рада! Моя заветная мечта исполняется. Учительница сказала, что ученицы нашей школы, окончив курс, будут первыми кандидатками в женскую учительскую семинарию, которая открывается в Армавире. Ей обещал инспектор (народных училищ) – это учительница говорила, так устроит, что все окончившие в нашей школе, будут приняты в семинарию. Как я рада! Как я рада!

30 августа. Была опять в училище с подругами, которые тоже хотят учиться. Учительница говорит, что не знает, когда будет открытие. Ох, как досадно и тяжело ждать!

31 августа. Отец сегодня сказал, что 16 сентября (это ещё через две недели)! Будет открытие школы. Говорил, что учительница Б-ва просила общество ассигновать 100 руб. на угощение детей и на обед должностных лиц и родителей <...>.

14 сентября. <...> Вот интересно, какие подарки будут выданы детям? Фрося говорит, дадут по пирогу, конфет, орехов и по стакану чаю. Ну, я за угощением не гонюсь. Скорей бы учиться, учиться...

15 сентября. Открытие училища. Молебен. Обед. Музыка. А девочкам не было угощения. И дети и родители недовольны: их почему-то обошли. «За что же? – говорил отец. – Ведь обед на общественный счет». Ну, слава Богу, завтра ученье! Я принята! Ура!!!

16 сентября. К учительнице приехал брат, и она уехала с ним, но, вероятно, не надолго.

17 сентября. Вчера и сегодня мы не учились. Молодые учительницы, не получив подробных указаний от Б-ой, не знают, что делать с новым четвертым отделением <...>.

19 сентября. Учительницы Б-ой нету <...>.

20–26. Занятия идут вяло и туго. А шалим целыми часами. Досадно, скучно и жалко! Пропадает дорогое время. А Б-ой нет. Ох, как я зла на неё! Целый класс, не начав, бросить и путешествовать себе! Нехорошо это, нехорошо... Все недовольны: и девушки, и родители.

Б-ва говорила, что она поехала хлопотать о том, чтобы в Бат-ке была открыта гимназия (?).

Поехала к Атаману области. Говорят, что ей поручено г. инспектором Л-м. Но все-таки, если это и так, оставлять дело, бросать ученицу без книги, не начавши ученья, не давши направления, мне кажется легкомыслием.

27 сентября. Возвратилась учительница, мы обрадовались. Думали, она привезла книги и охоту с нами познакомиться и заниматься. Напрасная надежда. Книг нет и нет охоты у г-жи нашей наставницы учить нас <...>.

5 октября. Целую неделю г-жа Бутова хлопочет об устройстве проводов переведенного из Б-ска инспектора городского училища: тут по подписке деньги надо собрать, там позаботиться о самом обеде. Где же заниматься делом! <...> Многие девушки уже бросили. «Бог с ним, с таким учением», – говорят они. А книг нет и нет. Заниматься туго. То диктант, то задачи, то разбор, а больше играем, шалим да смеемся <...>.

8 октября. После проводов «наша наставница» 7 октября отдыхала. А 8 октября укатила куда-то. Вероятно хлопотать об женских высших курсах, об университете. Зачем же ещё? А мы опять без определения.

18 октября. <...> Сегодня наша учительница в первый раз посвятила все учебные часы нам, своим ученицам. Но не было в классе оживления, интереса и бодрости. Сама учительница была вяла и рассеянна (больше курила, чем говорила), а еще рассеянее, еще несерьезнее были ученицы. Если так будет идти дело, не будем мы кандидатками в учительскую семинарию. Сердце сжимается от страха и досады» [59].

Несмотря на стремление автора вести разговор от имени девочки, «дневник» написан явно недетским языком. Постоянно проскальзывают сарказм, злая ирония над утопиями о гимназии, высших женских курсах, намеки о связи с коллегой из городского училища, откровенный донос на то, что учительница пропускает занятия или ведёт их спустя рукава, курит в присутствии детей и пр. Представляется, что публикации достигли своей цели, по крайней мере их прочитали в Дирекции народных училищ Кубанской области и приняли соответствующие меры. С 1905 г. в «Кубанских календарях» и в других официальных источниках имя Е.Н. Бутова больше не упоминается. Вернулась ли она на родину, уехала ли к упомянутому в дневнике девочки брату, все это еще предстоит выяснить, как и то, где и когда завершила свой земной путь Елена Николаевна.

Пока же отдадим должное её службе почти четверть века на ниве народного просвещения в терских и кубанских станицах, замечательным работам Е.Н. Бутовой о культурном наследии казачества, публи-

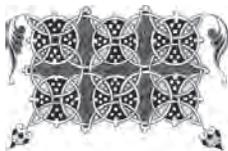
кациям уникальных сказочных и песенных текстов, богатство мира станичников, среди которых жила и позволяющим сегодня реконструировать духовное училила их детей скромная учительница.

“They put out the candle lit by the icon and look ...”: FOLKLOR-ETHNOGRAPHIC HERITAGE OF A VILLAGE TEACHER

Литература:

1. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 12; Белецкая. Е.М. История собирания казачьего фольклора на Тереке: итоги и перспективы // Терский сборник. – Вып. 1 / отв. ред. О.В. Губенко. – М., 2016. – С. 150–151.
2. Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. – С. 365.
3. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 3.
4. Воротникова М.В., Шаламов В.В. Женское образование на территории Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв. // Педагогическое образование в России. – 2015 – 2. – С. 7.
5. ЦГА РСО-А. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 4.
6. Кикоть Вл. Описание станицы Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). – Тифлис, 1893. – Вып. 16. – Отд. I. – С. 80.
7. Там же. С. 77–78.
8. Там же. – С. 78.
9. Там же.
10. ЦГА РСО-А. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 4.
11. Там же. – Л. 4 об.
12. Там же.
13. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1886 г. // Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. – Тифлис, 1886. – Прил. III. – С. 212.
14. От Управления Кавказского учебного округа // СМОМПК. – Тифлис, 1881. – Вып. I. – С. I.
15. Там же. – С. III.
16. Там же. – С. V.
17. Там же.
18. Там же. – С. VIII–XXIV.
19. Миллер Вс. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Выпуск XV, XVI и XVII. Тифлис, 1898 // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., – 1894. – Январь. – С. 186.
20. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1886 г. – С. 215.
21. Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // СМОМПК. – Тифлис, 1889. – Вып. 7. – Отд. I. – С. 3.
22. Там же. – С. 5.
23. Там же. – С. 9.
24. Там же. – С. 12–13.
25. Там же. – С. 21.
26. Там же. – С. 40.
27. Там же. – С. 52.
28. Там же. – С. 54.
29. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М., 2000. – С. 531–532.
30. Станица Ищерская, Пятигорского отдела Терской области / Составлено на основании данных, предоставленных учительницами Бутовой и Лысенко // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XVI. – Отд. I. – С. 37.
31. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 427. – Оп. 2. – Д. 950. – Л. 14 об.
32. Лысенко М., учитель. Ищерская // СМОМПК. – Тифлис, 1889. – Вып. VIII. – Отд. I. – С. 84–85.
33. ЦГА РСО-А. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 4.
34. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (ЦУКУО). – Тифлис, 1891. – № 12. – С. 822.

35. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). – Ф. 427. – Оп. 2. – Д. 950. – Л. 15 об.
36. ЦУКУО. – Тифлис, 1891. – № 12. – Декабрь. – С. 935.
37. ГАКК. – Ф. 427. – Оп. 2. – Д. 950. – Л. 5 об.
38. Там же. – Л. 18 об.
39. Там же. – Л. 38.
40. Там же. – Л. 44.
41. Там же. – Л. 15.
42. Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области. – С. 37.
43. *Миллер Вс.* Указ. соч. – С. 195.
44. Станица Ищерская, Пятигорского отдела. Терской области. – С. 42.
45. Там же. – С. 48.
46. Там же. – С. 46.
47. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XV. – Отд. I. – С. 52.
48. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XV. – Отд. I. – С. 290–301.
49. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1895 г. // Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 год. – Тифлис, 1894. – Прил. III. – С. 268.
50. Кубанский календарь на 1900 год / *Под ред. С.В. Руденко.* – Екатеринодар, 1899. – С. 64.
51. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1904 года. – Тифлис, 1904. – С. 51.
52. *Макеев А.Г.* Ст. Баталпашинская, Куб. обл. (Благие начинания) // Северный Кавказ. – 1902. – № 131. – 2 ноября. – С. 3.
53. *Учительница Бутова.* Стан. Баталпашинская // Кубанские областные ведомости (КОВ). – 1903. – № 169. – 2 августа. – С. 1.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же.
57. Там же.
58. *Пообедавший.* Ст. Баталпашинская // КОВ. – 1903. – № 219. – 8 октября. – С. 1.
59. *Жаждущая.* Станица Баталпашинская (Двухклассное училище. Из дневника ученицы 4-го отделения 2 класса) // КОВ. – 1903. – № 238. – 1 ноября. – С. 2.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

© 2020 А.М. Любомудров
Санкт-Петербург, Россия

«НОВЫЙ, ТИХИЙ И УЕДИНЕННЫЙ ПУТЬ ЦЕРКВИ». ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАЛОИЗВЕСТНЫХ ОЧЕРКАХ БОРИСА ЗАЙЦЕВА

Подготовка публикации и предисловие

Аннотация. Публикуются очерки классика русской литературы Б.К. Зайцева, посвященные событиям церковной жизни и духовным лицам русской эмиграции. Тексты взяты из редкой периодики зарубежья и малоизвестны в России. Материалы уточняют общую картину духовной и культурной жизни зарубежной России, включают описания съезда Студенческого христианского движения, Сергиевского подворья, благотворительных организаций, а также рисуют облик и пастырское служение митрополита Евлогия, архимандрита Киприана Керна, протоиерея Георгия Спасского.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская церковь за границей, русская литература, Борис Зайцев, митрополит Евлогий (Георгиевский).

Abstract. Essays of the classic of Russian literature B.K. Zaitsev on the events of church life and the clergy of Russian emigration. The texts are taken from rare periodicals abroad and are little known in Russia. The materials clarify the general picture of the spiritual and cultural life of Russians abroad, include descriptions of congresses of the Student Christian Movement, Sergievsky Compound, charitable organizations, as well as paint the appearance and pastoral ministry of Metropolitan Eulogius, Archimandrite Kiprian Kern, Archpriest George Spassky.

Key words: Russian abroad, Russian church abroad, Russian literature, Boris Zaitsev, Metropolitan Evlogiy (Georgievsky).

Любомудров Алексей Маркович (Lyubomudrov Alexey Markovich), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН / anketaspb@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 79–97.

ISSN 2687 1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 271.2 + 821.054.7

ББК – 86.372.246.8 + 83.3(2=411.2)6

Борис Константинович Зайцев (1881–1972) — летописец русского зарубежья. На протяжении полувека он откликнулся на важнейшие явления литературной, театральной, музыкальной, религиозной жизни. Эта художественная летопись нашла отражение в сотнях очерков, заметок, эссе, статей и рецензий, в мемуарах, юбилейных здравицах и некрологах. Документальную прозу Зайцева неизменно отличает точность и глубина оценок, умение кратко и образно сказать о главном. В ней сочетается интерес к культуре Запада и верность русским идеалам, преданность Церкви. «Светский, но православный» [1] — так писатель определил свою позицию.

Значительный пласт в наследии Зайцева — тексты о церковной жизни и духовных лицах русского зарубежья. Эта тематика была ему хорошо знакома: в эмиграции он сблизился с многими церковнослужителями, богословами, часто бывал в обителях, братствах, храмах, созданных во Франции русскими эмигрантами. Все наблюдения, оценки, выводы Зайцева отличаются глубоким христианским пониманием духовного смысла события или личности.

Часть произведений, напечатанных в периодике зарубежья, остается неизвестной российскому читателю. Публикуемые очерки не вошли в собрания сочинений Зайцева и до сих пор малоизвестны на Родине. Эти материалы уточняют общую картину духовной и культурной жизни зарубежной России, рисуют облик и пастырское служение выдающихся церковных деятелей и тем самым могут послужить ценным источником для истории русской эмиграции.

Важнейшую задачу эмиграции Зайцев видел в приобщении и соотечественников, и западного мира к сокровищу, которое веками хранила Святая Русь, — православию: «просачивание в Европу и в мир, своеобразная прививка Западу чудодейственного “глазка” с древа России...» [2]. В публикуемых очерках не раз возникает близкая писателю тема — выход православия на мировой простор, движение на Запад, преследующее миссионерскую цель. Большую роль в этом процессе играло Сергиевское подворье в Париже с Православным богословским институтом. Зайцев посвятил подворью несколько материалов. Первый из них, «Обитель» (1926), полон впечатлений от недавно открывшегося церковно-богословского центра. В только что освященном храме в честь прп. Сергия писатель видит «Церковь нищенства, изгнания и мученичества»; «новый, тихий и уединенный путь Церкви». Второй очерк, «Богословский институт», написан к его 25-летию, главная мысль здесь в том, что Русский центр явил образ «высо-

кой умственной, духовной и творческой культуры — лишенный лубочности и провинциализма». Третий — приурочен к тридцатилетию Подворья. В нем автор подводит итог работы Подворья, подготавлившего немало священнослужителей и ученых, издавшего множество книг, и с удовлетворением признает, что оно стало одним из мировых центров православной жизни. Зайцев приветствовал направление деятельности Богословского института (которое, как известно, разделяли не все православные эмигранты). В позднейшем очерке «Сергиево Подворье» (1967) он так характеризует это направление: «...зарубежное продолжение замечательного религиозно-философского возрождения начала века, когда бывшие “левые”, даже марксисты, продолжая линию Владимира Соловьева, внесли свежую и даровитую струю в толкование высших вопросов духа. Как раз этот не-провинциализм православный и позволил деятелям Богословского Института создать не захолустную бурсу, а учреждение, стоящее на высоте европейского богословского просвещения» [3].

Сергиевское подворье было детищем митрополита Евлогия (Георгиевского). Зайцев высоко ценил этого церковного иерарха. При его поддержке писатель совершил паломнические поездки на Афон и Валаам, посвятил ему первое издание книги «Афон» (1928). Много лет спустя Зайцев вспоминал: «Дух же евлогийской церкви был ближе, сердце лежало к нему: дух терпимости, большей мягкости и свободы, отдаления от государственности, ближе к вселенскому облику православия. Бездомные и рассеянные более привлекаются внутренней стороной церкви, духовным миром, чем уклонами политическими» [4]. В публикуемом очерке, посвященном 25-летию епископского служения Евлогия, воссоздан духовный путь Владыки, благословленного еще в юности старцем Амвросием Оптинским и св. Иоанном Кронштадтским на принятие монашества. Зайцев находит общие черты в облике митрополита Евлогия и патриарха Тихона: «Какая-то общая простая и спокойная, неброская, круглая и корневая Русь глядит из обоих...»; в лице Владыки Евлогия «православие как бы внедряется бесшумно, показывает себя Западу — совершается великий выход его на мировой простор».

Как известно, митрополита Евлогия, управляющего русскими заграничными приходами, поддерживала либеральная и умеренно-консервативная часть эмиграции, в то время как правые круги ориентировались на митрополита Антония (Храповицкого), возглавившего Русскую Православную Церковь за границей. В июне 1926 г. Митрополит Евлогий порвал с Архиерейским Синодом

РПЦЗ. Возглавляемая им Западноевропейская митрополия была объявлена самостоятельной — так оформился окончательный церковный раскол русской эмиграции. В юбилейном очерке Зайцев ни словом не упоминает об этих драматических событиях. Но он сочувствовал непростому выбору Владыки и оставался прихожанином его церкви. Позже Зайцев приветствовал и другое решение митрополита — переход в юрисдикцию Константинопольской патриархии в 1931 году: «Уход его ко Вселенскому Патриарху хорошо разрешил дело. По канонам это законно, нам же, пастве, подчеркивалась принадлежность к мистическому телу Церкви Вселенской, куда входила родина наша как огромный братский со-член, но над нами не было и дальней тени власти государственной, нам чуждой. В этом мы были свободны. За Россию молились, но в ней никому не подчинялись»[5]. Но последний выбор Владыки, воссоединение с Московской Патриархией, Зайцев, как и большая часть клира и паствы, одобрить не мог. В одноименном очерке «Митрополит Евлогий» (1948) Зайцев упоминает об ошибках Владыки в церковной политике, однако не дерзает осуждать пастыря, но пытается его понять, объясняя этот поступок «приливом стихийного чувства России», желанием «умереть на родной земле». И напоминает, что свои ошибки Владыка имел мужество признать.

Владыка Евлогий был одним из создателей Русского студенческого христианского движения. Очень интересен очерк Зайцева «Клермон», посвященный съезду РСХД, состоявшемуся летом 1929 г. Это своего рода репортаж с места событий. Автор запечатлел атмосферу лагеря, он проявляет интерес к выступлениям маститых иерархов и богословов, но также общается с молодежью, с любовью выписывает портреты новой подрастающей православной России. Очерк не содержит конкретных фактов и имен, он ценен другим — передает духовную атмосферу съезда, рождающегося христианского единства прежде малознакомых людей. Написан он в типично зайцевской импрессионистической манере, полон красок, запахов, пейзажных зарисовок.

Четверть века Борис Зайцев провел на посту председателя Союза русских писателей и журналистов во Франции, снискав любовь и уважение своей отзывчивостью и доброжелательностью, был автором многих культурных и общественных инициатив. Деятельная любовь к бедствующим собратям проявилась и в личной помощи, и в устройстве благотворительных вечеров, сборов средств в пользу нуждающихся. Русское зарубежье основало немало благотворительных организаций. Одной из них стало Общежитие для рус-

ских мальчиков — сирот, детей малоимущих беженцев. Б. Зайцев принимал деятельное участие в его обустройстве. Заметка, посвященная открытию Общежития, не только информативно-описательная, но преследует и конкретную цель — призвать к пожертвованиям на поддержание приюта.

Сербская земля дала приют многим учебным и общественным организациям, эвакуированным из России в годы Гражданской войны. Югославский король Александр Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса и Императорского военного училища в Санкт-Петербурге, стал покровителем русских беженцев. Югославская тема в публицистическом наследии Зайцева возникла в 1928 году, когда он стал участником съезда русских зарубежных писателей в Белграде. Этому уникальному событию посвящен очерк «Югославские записи» (1928). На убийство короля Александра Зайцев отозвался светлыми и проникновенными строками заметки «У короля» (1935). В публикуемом материале «Храм русского восстановления» Зайцев описывает создание новой русской церкви на сербской земле — храма апостола Иоанна Богослова в городе Белая Церковь. Заметка примечательна тем, что содержит портрет и описывает первые церковно-просветительские проекты молодого иеромонаха Иоанна (в миру князя Д.А. Шаховского), ставшего впоследствии известным церковным деятелем, архиепископом Сан-Францисским.

Зайцев оставил несколько воспоминаний о своих духовниках: прот. Георгий Спасский и архим. Киприан Керн в разные годы духовно окормляли семью писателя. Богослов и проповедник, отец Георгий служил в Александро-Невском соборе в Париже, читал лекции, руководил сестричеством. Развернутый очерк «Памяти о. Георгия Спасского» (1965) [6] написан спустя тридцать лет после кончины протоиерея. В данной же публикации помещена речь Зайцева, подготовленная им сразу после кончины протоиерея и полная живых впечатлений о выдающемся духовном просветителе русского зарубежья.

В кратком эссе памяти замечательного богослова архимандрита Киприана Керна Зайцев старается запечатлеть склад души, особенности личности ученого монаха, в которой артистизм, обостренный взгляд на мир, тяготение к природе, искусству сопрягалось со стремлением к аскетической уединенности, обособлению от мира. И завершает свой текст смелой метафорой: «о. Киприан был сам художественным произведением всем нам известного Непостижимого Художника».

Заключает публикацию заметка о знаковом месте русской эмиграции — кладбище Сент-Же-

невьев-де-Буа. Поводом к ее написанию послужило намерение призвать к жертвоприношениям на строительство часовни-усыпальницы. Но эта конкретная цель, как часто у Зайцева, побуждает к размышлениям о тернистом пути русской эмиграции, к подведению итогов целой эпохи, одним из последних представителей которой стал и сам автор. Эта заметка — одна из последних прижизненных публикаций Бориса Константиновича Зайцева, в ней сквозит надежда на близкую встречу с родными за чертой здешнего бытия, она исполнена просветленности, умиротворения, чувства «вечной, но преобразенной жизни».

Тексты приведены в соответствии с современными нормами орфографии с сохранением оригинальной авторской пунктуации. В комментариях указаны источники публикаций.

Литература

1. Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 9. М., 2000. С. 222.
2. Там же. С. 287.
3. Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 7. М., 2000. С. 419.
4. Там же. С. 373.
5. Там же. С. 373.
6. Там же. С. 415–418.

Обитель

Приидите ко Мне вси труждающиеся
и обремененнии, и Аз упокою вы...

Матф., XI, 28

В северо-восточном углу Парижа, в самом бедном и дымном его квартале, с мелкою жизнью людей маленьких, есть странный парк Бютт Шомон. Странен он в этих краях своими скалами и озером, огромною беседкой «миловидою», [1] тем романтизмом и той прихотливостью, что будто вовсе не идут к соседству. Бютт значит холм. Парк на холме, а из беседки открыт вид на весь Париж, в сизом тумане внизу расстилающийся. На полусклон холма, по рю Крима, есть, однако же, нечто еще удивительнейшее, чем самый парк.

Уже из ворот в глубине вы видите на небольшом домике огромный образ — Преподобный Сергей смотрит на входящего. А потом дорожка ведет вверх, делает загиб, и вы на площадке перед церковью, в самом сердце Сергиева Подворья.

Замечательна его история.

Семьдесят лет назад скромный пастор основал здесь церковь и школу для немецких труженников, рабочих, своим потом орошавших новые строения — дома, улицы — чужбины. На гроши нищих ку-

пил владение с садом и завел тихое доброе дело. Оно прожило более полувека. Его смела война. Несколько лет было тут все в забросе, но явились русские в Париже, и митрополит Евлогий, вряд ли чем богаче того пастора, — решил приобрести владенье [2]. И вот тронулась вся странническая, зарубежная Россия. Богатые горстями, бедные крупинками, все русские жертвовали на создание новой церкви, имени св. Сергия, и Академии при ней для подготовки новых труженников, а то и подвижников. Из Сербии и Сирии, Шанхая и Марокко приходили «лепты». Любовью, единением и светом создали отверженные и бесправные свой холм, обитель Матери-Руси. Холм невелик и скром. Со всех сторон сжат он стенами, там дома парижские, но на нем зелень, тишина, птицы чирикают, и его сердце — храм.

Храм Сергиева Подворья растет на глазах. Год назад, тоже весной, присутствовали мы на литургии освящения его [3]. Прежняя протестантская кирка была бела, пуста, гулкою пустотой, свойственной нежилому. И как наполнилось теперь и наполняется — теплотою и светлым русским медом — это прежде суховатое строение. Внутри его расписывает Стеллецкий [4]. Уже почти готов иконостас — в старинном, благородном стиле древней иконописи. Расписан потолок, алтарь и боковые стены. Царские врата (и врата влево) — древние, подлинные (кажется, 15-го и 16-го веков) [5]. И появились русские иконы, темнолицые святыни в золоте, лампадки, свечи, и все ближе, как-то сладостней, стройней идет служение, и кругловатый, такой русский, тоже медоносный, голос Владыки Вениамина [6] так певуче, вдохновенно и благожелательно дает отзыв из алтаря. Вообще замечателен духовный воздух храма. Говорят, храм на Дарю [7] более обмолен, более уже как бы проникнут горним, я не знаю, может быть и да, но Сергиево Подворье трогательнее. Пусть оно еще «становящееся», но в нем какая-то иная нота, может быть, еще скромнее, выше и светлей, возводящая к первохристианству. В церкви Дарю отголосок пышности Империи, церковь св. Сергия есть церковь нищенства, изгнания и мученичества, воистину «живая» церковь, и ее действие на душу велико. Ее свет несколько разреженной, легко-туманной, все служение в Сергиевом Подворье не высоко-отлито, не столь закончено, как на Дарю, но, повторяю, еще трогательней. И *все моложе* здесь. Тут ощущаешь смену, чувствуешь, откуда выйдут (и уже выходят) новые священники, быть может, новые монахи и епископы, это новый, тихий и уединенный путь Церкви.

Под статью всему и молящиеся. Здесь уж со-

всем редкость — хорошо одетые. В подавляющем большинстве это та беднота, один вид которой молчаливо укоряет всякое богатство, те поношенные пальтеца, замученные шляпки, стоптанные каблуки, что есть — святая бедность, с нашей русской точки <зрения> «не порок», а в сущности, быть может, истинный знак «Почетного Легиона» [8]. Этот Легион предан своей церкви, своей Матери. Она дает ему то высокое разрешение, то просветление, которого нет вне религии Любви, святой христианской веры. Ибо она, лишь она отстраняет от зависти, злобы (хотя бы и временно), лишь она, говорящая о великом ничтожестве власти, и силы, и славы пред лицом кротости и любви. Оттого так легко дышать в белом свете Сергиева Подворья.

В его воздухе нет злобы. Все беды, ужасы, все раны, что приносят приходящие, преодолеваются, заращаются любовью. Великий наш Святитель на шестом веке после смерти как бы вновь взял в руки посох, которым мерил некогда дебри Радонежа, и неторопливой, старческой походкой взошел на парижский холм, как на свою Маковицу, и среди дебрей «Нового Вавилона» основал новый свой скит, чтобы по-новому, но вечно, продолжать древнее свое дело: просветления и укрепления Руси.

* * *

Да, образ Сергия, и образ Матери-России... Последний раз, на литургии, я встретил ее, Мать и Русь, я думаю, это наверно так. Она явилась в облике старушки. Уже не раз здесь на чужбине и в Германии, Италии, Париже мерещилось что-то мучительно-родное в некоторых старушечьих глазах и лицах. То же было и теперь, только сильнее. Она стояла впереди меня, маленькая, в теплой кацавейке, седенькая, с простым и незаметным лицом русским, серыми глазами, аккуратную прической, с тем пронзительно-невыразимым отпечатком и страдания, но и порядка, и покорности в самом страдании — что есть плод выдержки и силы. Стояла больше на коленях. Иногда истово крестилась, земно кланялась, но без надрыва. И спокойно, тесно, тоже аккуратно были у нее прижаты одна к другой подошвы — старенькие, выхоженные, в тех дырах бедности, на какие равнодушно взглянуть трудно.

Да, Русь. Да, Мать.

Перезвоны. 1926. № 20. С. 626–628.

Примечания

¹ Миловиды — видовая площадка в виде беседки, рассчитанная на обзор живописных панорам.

² Протестантская церковь с участком земли на рю де Крими принадлежала немецкому пастору

Фридриху фон Бодельшвингу, была выставлена на аукцион. Место для будущего подворья подыскал регент М.М. Осоргин, получивший на его покупку благословение митрополита Евлогия.

³ Освящение храма подворья состоялось 1 марта 1925 года в Прощёное воскресенье, а учебные занятия начались 30 апреля 1925 года (официальная дата начала работы Богословского института).

⁴ Художественная роспись, иконостас и другие внутренние работы в храме выполнены под руководством художника и иконописца Д.С. Стеллецкого (1875–1947).

⁵ В многоярусный иконостас храма были вставлены вывезенные из России Царские врата XIV века, купленные у антиквара.

⁶ Имеется в виду епископ Вениамин (Федченков), исполнявший обязанности инспектора и преподававший ряд дисциплин в Свято-Сергиевском богословском институте.

⁷ На улице Дарю находится Свято-Александр-Невский кафедральный собор, освящен в 1861 г.

⁸ Орден Почётного легиона — организация, принадлежность к которой является свидетельством признания особых заслуг во Франции. Каждое звание членов ордена имеет свой знак отличия.

Богословский институт (К 25-летию основания)

Время идет да идет. И не заметишь, а уж четверть века набежало как на Бютт Шомон, в старинном парижской квартале, водружался крест храма православного. И при нем — Богословский институт [1].

Это все — детище митрополита Евлогия. Вечная ему память! И вот удивительно: тульской земли Владыка, весь выросший из народно-священнической России, так и ушедший пленником ее, основал на парижском холме нечто вселенски-православное. Вспомнить только облик покойного — сверх-русский, мягкий и несколько рыхлый, со всеми чертами почвенности, доброты, но и хитроумия — вот этот и создал учреждение, выходящее как раз за пределы Одоевского уезда, кулебяк Замошворечья, громогласных протодиаконов.

Глубоко «местный» митрополит создал «не-местное» — такова оказалась архитектура Православия в эту эпоху. Домашнее, теплое, насыщенное кончилось. Мировой сквознячок...

Но святыня сама по себе неколебима. Только жизнь выносит ее теперь на вселенский простор. Русское не перестает быть русским, однако по-иному проявляется. Восточный вариант христианства ведь так же всемирный, как и западный. Трагедия нашей родины особенно подчеркнула это — и показала новую страницу Православия.

* * *

Так ли, иначе, «зеленый холм» на северо-востоке Парижа приобрел для православного человека особое значение. Благочестие, древность, но и культура, свободное просвещение, направленные вширь. Негромкий голос, но его слышат не только на Зацепе или в Кадашах. К нему прислушиваются и в Европе, и в Америке. Ибо из Богословского Института разносится проповедь Православия и русского, и универсального, а не только «московитского». Древность и святыня почитаются сугубо. Но почитание это восходит к первоистокам. К христианству и богословию Отцов церкви — византийских.

Для нас, тех русских, чья юность проходила в России, Православие представлялось делом *только* русским. Вне России ничего и нет. Но вот оказалось, что вне России есть еще целый мир. И с одной стороны Православие вовсе не для одной России, с другой — русский вариант Православия всего не исчерпывает. Русский вариант... О. Сергей Булгаков, например. Кто читал замечательные его «Автобиографические заметки» [2], тот знает, до какой степени это тоже был, как и Владыка Евлогий, русский человек — только другого уезда (Ливенского Орловской губернии). Но этот орловец говорил уже не только для Ливен и Орла, но для Европы и Америки, ездил в Англию, был в Нью-Йорке, Бостоне. Уроженец Ливен смело богословствовал на мировые темы, и мир более внял ему (Англия, Америка), чем российская (современная) иерархия. Для российской иерархии он слишком смел и самостоятелен, как богослов. Слишком натура *творческая*...

Вот под знаком свободного творчества (не выходя, разумеется, за известные пределы) и шла, насколько знаю, учено-богословская деятельность Института за эти 25 лет. Список ученых трудов его очень велик (издавала все это ИМКА-Пресс). Отголосок в мире англиканском, протестантском и даже католическом тоже не мал. Православие перестало быть за китайской стеной, прервалась и его связь с государством. Если «железный занавес» был, так теперь он как раз прорван — тут Богословским институтом сделано весьма много.

* * *

Таким образом в жизнь православного мирянина Богословский институт и Сергиево подворье вошли обликом Святой Руси, обратившейся ко всему миру. Образ родной, но и возведенный к верхам умственной, духовной и творческой культуры — лишенный лубочности и провинциализма. Соединение монастыря с Академией, где в храме поются древние русские распевы, а служат иногда

и по-гречески, и студенты Академии этой не только русские, но и сербы, сирийцы, немцы. В общем для современности русской нечто единственное и неповторимое.

Трудно не полюбить даже пейзажа этого места: сколько раз поднимался по странным, длинным плитам лестницы, восходя как бы на православную гору Чистилища, мимо образа св. Сергия Радонежского у входа, среди густой зелени каштанов, всяких травок и зеленых кустов, покрывающих склоны. А там — или это церковная служба, или хиротония, или актовое собрание Института с ученой речью, или просто дружественная келья с иконами в углу, вся заставленная книжными полками, — даже в летний жар прохладно здесь от осенения каштанов, в их зеленовато-мирном полумраке.

Много лет назад, в утренней мартовской полутьме (еще до лекций) той аудитории, где студентам читают богословские премудрости, молодой афонский пострижник вполголоса повествовал мне об Афоне, откуда только что вернулся, и рассказ его окончательно подтолкнул совершить паломничество [3].

А теперь, поднимаясь весной по ступеням Горы Чистилища, рассчитывая встретить не Ангела, снимающего огненным мечом со лба грешника одно из семи Р. [4], а ученого архимандрита или епископа, вдруг да и вспомнишь об Афоне. Почему? Есть и причина личная, а иной раз какой-нибудь запах вдруг напомнит. Может быть и особенность места духовного в грохоте Парижа вдруг вызовет образ далекого мирового убежища — откуда в ясный день из монастырской гостиницы видна вершина Олимпа.

* * *

Раз уж зашла речь об Афоне, то трудно остановиться. Вспоминается майское утро, когда с милейшим иеромонахом Пинуфрием [5] выехали мы верхом на мулах из греческого монастыря Ватопеда по лесным тропинкам домой в Пантелеймонов (русский). Ватопед всегда отличался культурой и ученостью. При нем в XVIII веке была Академия, основанная Булгарисом [6] — своего рода Богословский Институт того времени, учреждение замечательное, тоже рассадник просвещения на весь Восток. Увы! — ныне о. Пинуфрий указал мне лишь на остатки чего-то, зданий, будто обломков акведука (если память не изменяет).

Все проходит. В суровых, во многом трагических судьбах Афона бывало и хуже. Во всяком случае, ученый Булгарис и его сотоварищи-просветители дело свое сделали, и не их вина, что рутина противилась им и одолела. Да и жизнь шла в мусульманском окружении.

Никто не знает ни собственных судеб, ни участи нашей духовной культуры в изгнании. Уже в ту, немецкую войну и оккупацию казалось, что все на волоске, вот может погибнуть Академия на зеленой горке. Однако же не погибла. Дожила до двадцатипятилетия своего. Как и с самого ее основания, как и в военные годы, так и теперь сочувствие христиан англо-американского и скандинавского мира поддерживают ее — некий мирный интернационал культуры. Будем верить, что и в страшные теперешние времена проведет ее Промысел чрез всякие Харибды, Сциллы мировых событий, и «свет разума» не погаснет. Питалось это учреждение любовью и русских, и иностранцев. Для русских оно — свое дело, для иностранцев — братское. За братское сочувствие «нашему» детищу мы, православные миряне, можем этим иностранцам только поклониться.

Русская мысль. 1951. 19 янв., № 312. С. 3.

Примечания

¹ Сергиевское подворье и Богословский институт были открыты в 1925 г. в XIX округе Парижа, на улице rue de Stim, неподалеку от парка Бют-Шомон.

² Книга прот. Сергия Булгакова (1871–1944) «Автобиографические заметки» вышла в Париже в 1946 г.

³ Имеется в виду о. Иоанн (в миру князь Д. А. Шаховской). В 1926 году принял монашество на Афоне с именем Иоанн. Впоследствии служил священником в Белой Церкви (Югославия), в Берлине, а завершил свой жизненный путь в сане архиепископа Сан-Францисского. Зайцев встретился с о. Иоанном в Париже в 1927 г. Новоначальный монах, полный афонских впечатлений, увлек Зайцева рассказами об Афоне и побудил к поездке — эту встречу Зайцев описал в заметках «Вновь об Афоне» (1929) и «Афон» (1969). В письме архиеп. Иоанну (Шаховскому) 19 мая 1966 г. Зайцев признавался: «Если бы утра этого не было, я никогда бы, наверно, на Афон не попал, и в жизни моей не сохранилась бы одна из самых светлых и возвышенных ее страниц» (Собр. соч. Т. 7. С. 439).

⁴ Б. Зайцев намекает на описание Чистилища в «Божественной комедии» Данте: у каждого пришедшего в Чистилище ангел мечом на лбу изображал семь букв «Р» (от латинского «*reccatum*» — грех). По мере прохождения каждого из семи кругов Чистилища эти буквы должны были стираться с лица, означая, что грех искуплен. Начав путь с подножия горы, души, достигнув вершины, получали полное очищение и устремлялись в Небеса.

⁵ Спутником Зайцева во время его странствия по монастырям Афона был о. Пинуфрий (Ерофеев). Он неоднократно упоминается в афонских заметках и очерках писателя. См.: *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. СПб., 2011. С. 30 и др.

⁶ Булгарис Евгений (1716–1806) — архиеп. Славянский и Херсонский, греческий духовный писатель, ученый. В 1753–1759 — ректор и главный наставник Академии при Афонской Ватопедской лавре.

Тридцать лет

Перед церковью Сергиева подворья снята группа. Посредине митрополит Евлогий в белом клобуке, сидит, к нему принок мальчик. Остальные стоят. Осенний день, деревья, сквозь них смутно видны дома [1].

Это давний облик. Самое начало эмиграции, начало и Сергиева подворья, и Богословского института. Многие уже ушли, начиная с митрополита, все это и создавшего. Нет о. Георгия Спасского, рядом с ним стоящего. Нет Владыки Иоанна с легендарной белой бородой, нет кн. Г. Трубецкого, Е.П. Ковалевского, М.М. Осоргина, Вышеславцева, Вахрушева [2], старшей сестры сестричества Неклюдовой [3]. Мальчик при Владыке Евлогии обратился в церковного деятеля. Коротко остриженный, с ровной бородкой, худенький молодой человек в глубине — ныне ректор Богословского института епископ Кассиан [4]. Изменился покроем одежд мирян, форма дамских шляп. Осталось то, из-за чего собрались и что любили эти несколько десятков скромно одетых русских людей.

Снимку около тридцати лет, а всему учреждению тридцать в этом году.

То время — некие героические дни здешнего православия. Время высокой температуры. Сам Владыка Евлогий при всей своей неторопливости, медленности речи, вялости движений, проявил решительность: поверил, что можно создать русский очаг и без всяких средств, полагаясь на Преп. Сергия, подписал договор на покупку земли и строений. Вокруг него были люди верующие, убежденные. Была и в нем и в них внутренняя сила, светлая и благодатная, она и несла — пронесла чрез все трудности, внешние, да и внутренние (ни одно дело не обходится без раздоров, столкновений. Но если оно правое — удается).

Сергиево подворье удалось потому, что создавалось любовью и энтузиазмом. Нашлись деньги, нашлись люди, нашелся труд. «Да-а... вот. Преподобный Сергей... наш небесный покровитель...» — любил говорить Владыка, и действительно,

под благодатным веяньем создалось и жило дело, едва ли не единственное в эмиграции, а отчасти и в истории России: на чужой земле того же духа радиостанция, как в свое время монастырь Преп. Сергия в лесах Радонежа. Удивительно. В такой же нищете основано, изгнанниками, а вот далеко светит — и сколько дало! Я вижу уже четырех епископов, учеников Богословского института, вижу архимандритов, иеромонахов, священников, молодых светских ученых. Сколько книг выпущено профессорами, статей, сколько лекций прочитано. Высших ученых степеней здесь больше, чем сейчас во всей России (там всего один доктор богословия).

С разных концов света съезжаются ученые на богословские конгрессы в это нехитрое Подворье (где встречает их привет и любовь) — католики, протестанты, православные сообщаются, делятся познаниями. Разноязычные студенты, может быть, будущие столпы Православия в Греции, Сирии, Югославии, Германии, приезжают учиться у наших епископов и мирских профессоров. Тридцать лет стоит зеленый холм с монашескими цветами в цветниках, то труднее ему (вынес войну, полуголод, полухолод, завоевателей), то легче, то опять труднее, по-другому — все как в жизни.

Но в храме все звучат старинные распевы, колокол отзванивает монастырские службы. Растет библиотека, профессора читают уж теперь студентам чуть ли не на пяти языках.

Летом заглядывают сюда иностранные туристы. Им показывают храм, роспись иконостаса (Стеллецкий), старые иконы.

Все идет, все проходит. Немного осталось уже тех, кто был «первого призыва», создавал и устраивал Подворье. Уже среднее поколение в сединах, есть и следующая волна, более молодых, но ее меньше.

Как везде в эмиграции, жизнь становится все трудней, удивляться надо еще, что все-таки держатся: служат, поют, читают лекции, защищают диссертации.

Нынче день Преподобного Сергия — облик Святой Руси, простоты, скромности, светлой духовности. Будет, конечно, архиерейская служба, крестный ход, молитвенное общение с Преподобным, которое всегда оживляет.

Что бы ни было дальше, каковы бы ни оказались судьбы этого места, служение на нем — и прежде, и теперь, через тридцать лет — есть служение Вечности. Сколько бы ни осталось служителей, какие бы трудности их ни ждали, их взор обращен к этой Вечности, которая отблескивает и в священных словах Литургии, и в древних напе-

вах, даже в очаровательных цветах, полный блеск коих в мае, — монастырских цветах, насаженных любящею рукою.

Дай Бог сил. Дай Бог крепко стоять.

Русская мысль. 1955. 8 окт., № 805. С.1.

Примечания

¹ Групповая фотография, описываемая Зайцевым, опубликована в издании: «Русский Париж. 1910 – 1960» (СПб., 2003. С. 80) с подписью: «На Сергиевском подворье. Париж, 1926». На фото запечатлены и Б.Зайцев с супругой.

² Вахрушев Петр Александрович (1867–1955) — промышленник, церковный деятель. В эмиграции во Франции. Член Комитета по сбору средств для приобретения Сергиевского подворья в Париже, староста церкви при подворье. Входил в состав Попечительского комитета Богословского института. Член Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза. В 1926 делегат Российского Зарубежного съезда в Париже от Франции. Участник 1-го епархиального собрания Западно-Европейских русских церквей (Париж, 1927).

³ Неклюдова Вера Васильевна (1862–1935) — фрейлина, церковный деятель, педагог. Окончила Смольный институт в С.-Петербурге. В эмиграции во Франции. Член приходского совета, основатель (1920) и заведующая церковно-приходской школой при Св.-Алекса́ндро-Невском соборе в Париже. Учредитель и старшая сестра Сестричества при храме.

⁴ Кассиан, еп. (в миру Безобразов Сергей Сергеевич; 1892–1965) — епископ, богослов. В 1922 выслан за границу, с 1925 — в Париже. Участник первых съездов РСХД. Один из основателей Богословского института, профессор (1925), ректор (с 1946). В 1932 принял монашество, в 1939–1945 жил на Афоне. В 1947 посвящен в сан епископа Катанского. Редактор нового перевода на русский язык Нового Завета и церковно-исторических трудов. Б. Зайцев посвятил ему очерк 1965 года «Дни (Епископ Кассиан)» (Собр. соч. Т. 7. С. 413–415).

Митрополит Евлогий

Владыка Евлогий, родом из Тульской губернии, одоевец, сын священника села Сомова. Средне-русским воздухом он дышал с детства, ребенком он ездил с матушкой в Оптину Пустынь у Козельска и, ребенком же, его благословил знаменитый старец Амвросий, как позднее незаметно, без напора, вел к монашеству. Нынешнему Митрополиту Западно-Европейских церквей хорошо знакомы поля и большаки тульско-калужских краев, дом сельского священника, скит старца Ам-

вросия, колокола Оптиной, Тульская семинария, Духовная Академия Сергиевой Лавры. И в бытовом, и в духовном отношении Владыка вскормлен коренною Русью. Его любимый святитель — Св. Тихон Задонский, чьим «тихим» именем мечтал даже быть назван тогдашний молодой инспектор Ефремовского Духовного училища Василий Георгиевский. Образ старца Амвросия навсегда запал в его сердце. Не могла не влиять и рака Преподобного Сергия в Лавре, где заканчивал он высшее образование при блестящем ректоре Антонии (ныне Митрополит Антоний). В Академии Владыка принадлежал к группе студентов, вдохновлявшихся ректором на монашеское служение, понимавшееся, как высокое духовное дело.

Старец Амвросий и о. Иоанн Кронштадтский благословили его на принятие монашества. Пресвященный Ириней Тульский совершил пострижение.

Некая тихость и мягкость, сердечная доброта, отвращение к грубости всегда были основными чертами Владыки. Еще инспектором Владимирской семинарии (1895 г.) он уже вмешивался в суровый семинарский быт, очеловечивая его, ходатайствуя о смягчении кар, внося свет и мир в меру сил — таков в общем оказался и весь его путь. Двадцатипятилетие епископского служения Владыки мы с глубоким почтением и любовью и празднуем ныне.

Духовный сын старца Амвросия, Преп. Сергия, всей смиренной святыни Православия, Владыка Евлогий почти всю свою жизнь проводит, однако, вдали от родных мест, на западе. Семнадцать лет прожил он в Холме, ректором семинарии, викарием, епископом и архиепископом. Какова главная черта его деятельности в Холмщине? Монастыри, созидание храмов, благотворение, просветительство, живое «показывание» Православия населению полукатолическому, — надо думать, что в этом, как позднее в Галиции, личность иерарха играла важнейшую роль: Владыка в самом себе нес и несет облик Православной Руси в ее чистом и смиренном виде, — это не могло не привлекать, как привлекает и сейчас.

Замечательно, что именно Святейший Патриарх Тихон (тоже бывший в Холме ректором) поручил Митрополиту представлять собою Православие на Западе «глубоко-европейском», среди чистого латинства. Вряд ли случайно тянуло так Василия Георгиевского к имени Тихона. Вряд ли случайно возвел его в сан митрополита именно Тихон, и еще менее случайность, что в Митрополите Евлогии получила такое яркое выражение духовная настроенность Патриарха (Церковь выше жизни, выше политических страстей). Да и во-

обще Владыка Евлогий имеет нечто родственное с покойным Патриархом. Какая-то общая простая и спокойная, неброская, круглая и корневая Русь глядит из обоих, далекая от крайностей, бури, блеска, чарующая именно тем, что как бы задачей себе ставит малозаметность, у Владыки Евлогия — даже с оттенком большей мягкости.

Небольшая комнатка на рю Дарю, вся в образах, иконках, фотографиях, со скромным столом и диванчиком, с особым сладковато-монашеским воздухом — это предельная точка «шестивия Владыки на Запад». Но как в Холме вокруг него вырастали новые церкви, ширились монастыри, процветали приюты, так и в Париже, будто бы сами собой, «потихоньку да помаленьку», появляются Сергиевские Подворья, Богословские институты, религиозно-философские издательства, а также Студенческое христианское движение, новые церкви в провинции, покровительствуемые Владыкою общины, приюты и т. п. В труднейшей обстановке беженства, церковных разногласий, запутанных отношений с Матерью-Церковью, «неторопливый» будто бы Владыка успеваешь сделать столько, что удивляешься. В его лице и деятельности Православие как бы внедряется, бесшумно показывает себя Западу — совершается великий выход его на мировой простор. Разве не удивительна связь здешней нашей Церкви с Англией, интерес и сочувствие к ней в Америке, местами полная победа в протестантских европейских странах? Не поражает ли, что англичане, уезжающие на миссионерский подвиг в Индию, заходят предварительно в Сергиево Подворье? Что по временам совершается уже русская служба на французском языке? И я сам присутствовал при православном венчании — наполовину по-русски, наполовину по-английски.

Итак, если взглянуть, ясно замечаешь миссионерский характер всего пути Митрополита Евлогия. В нем и с ним Православие непрерывно двигается на Запад, вот уже свыше тридцати лет. Жизнь и дело, как Патриарха Тихона, так и Владыки Евлогия, пришлось на трагическую полосу России, полосу буревую, но и плодоносящую. Оба явились участниками борьбы Православия с темными силами с одной стороны, и внутреннего освежения, укрепления его — с другой. Студентом Василий Георгиевский мечтал о создании монашеско-православной фаланги в Церкви «над государством», далеко от чиновничества. Зрелым глазам Митрополита Евлогия предстоит Церковь, унижаемая государством, мученическая и внутренне свободная. Самому ему выпала миссия именно укреплять и воспитывать это православие не казенного образца, питаемого новыми силами,

вышедшими из страданий революции. Как Патриарх Тихон охранял в страшнейшие годы святыню Православия в России, самое сердце его, светящее вечным светом, так Митрополиту Евлогию точно задана задача — тихими шагами пронести эту родную святыню все далее на Запад. Патриарх Тихон скончался среди бурь, Владыка здравствует, но обоим дан крест служения в труднейшие времена — не будучи мучениками в прямом смысле, оба несут в себе некоторую Голгофу, причем главное в делании Патриарха — внутрирусское, Митрополита же — выведение Православия из провинциальной Московии в Европу. Можно думать, что настала, наконец, пора по-революционному Востоку выйти без озлобления к Западу, и Западу ближе приглядеться к христианскому Востоку. Это одна из надежд великого, вселенского дела.

Пожелаем же нашему высокочтимому и любимому Пастырю долгих и светлых лет делания дела Христова.

Возрождение. 1928. 22 янв. № 964. С. 1.

Примечания

Очерк опубликован в год 60-летия со дня рождения Владыки и 25-летия его епископского служения — и в разгар раскола в русской зарубежной церкви.

Митрополит Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946) — выдающийся церковный деятель русской эмиграции. В 1922 г. был назначен св. патриархом Тихоном управляющим русскими заграницными приходами. Один из основателей Русского Богословского института в Париже Его поддерживала либеральная и умеренно-консервативная часть эмиграции, в то время как правые эмигрантские круги ориентировались на митрополита Антония (Храповицкого), возглавившего Русскую Православную Церковь за границей. В июне 1926 г. Митрополит порвал с Архиерейским Синодом РПЦЗ. В январе 1927 г. Синод РПЦЗ постановил предать митрополита Евлогия суду священного Собора, отстранить его от управления епархией, назначить другого епископа и запретить в священнослужении, однако состоявшийся летом того же года епархиальный съезд выразил поддержку владыке Евлогию. Таким образом, оформился окончательный раскол русской православной эмиграции.

Клермон

От Шалона дорога сворачивает, главный путь пошел на Нанси, а проселок к Вердену. Ровны поля с загонами ячменя, зреющей, тепло-коричневатой пшеницы. Это поля каталаунские. Тут разбит был Атилла.

Нехитрый поезд везет жарким передвечерьем в городок Клермон, не доезжая Вердена — от одних страшных кровей к другим, страшнейшим.

Против меня на скамейке девочка, лет шести, рядом с матерью, тоже небольшой, тоже простой женщиной, очень ласковой. Девочка сидит аккуратно, сложив ручки, иногда оправляет платье и прядь волос, прислоняется головою то к матери, то к жесткой вагонной спинке. По временам на меня смотрит, с такою доверчивостью, и вместе робостью. Ее голубые глаза хотят спать, она со сном борется. Весь вид говорит приблизительно так: «Я маленькая, и мне очень неловко, что я, может быть сейчас засну, это неучтиво, но не осуждайте меня, я так утомлена, право же, я ничего худого не замышляю».

Даю ей конфету. Она улыбается и берет. Ест быстро и деловито. Как вкусно! Предлагаю и матери. Та, краснея, отказывается.

Вот девочка съела, опять застенчиво на меня смотрит, потом из приличия отводит глаза, вновь поправляет вихорчик довольно-таки косматый. Но не удержать век! Медленно они сближаются, голубой зрачок уходит, как у птицы засыпающей. Лицо становится грустным и нежным.

Поезд идет, девочка дремлет, не некрасивая и прелестная, деревенская, под боком матери. Когда подходит их станция, они неторопливо удаляются, в свои поля каталаунские, где ячмень, пшеница.

* * *

До Вердена еще верст двадцать пять, а уж и я схожу на клермонском вокзале, среди лесов Аргонн, у подножия городка со старинною церковью на лесистом утесе. В сторону полей, за полотном дороги, русский лагерь, наше богомолье. Совсем недалеко бараки. В одном из них церковь, вся убранная зеленью. В другом — столовая, в третьем — зал для собраний, в четвертом живут девушки, в пятом юноши, тут же священники, профессора, гости. Это съезд христианского движения [1]. Так уже повелось несколько лет, что в июле с благословения Владыки Евлогия съезжаются на неделю представители и члены союза молодежи из Парижа, Ниццы, Бельгии, Англии, вообще откуда не очень далеко. Живут эти дни не совсем обычно. Утром литургия, днем доклады, вечером всенощная или вечерня. Общий чай, общий обед, общий ужин. В свободное время гуляют, купаются в недалекой речке, играют в мяч, катаются на велосипедах.

Это «мы», русские, а гнездо всего этого — в Париже, в УМСА на бульваре Монпарнас [2].

Смысл и цель дела ясны: укрепиться душой, подышав свежим воздухом религии и природы, отдохнуть от «мирского», показать молодежи совсем зеленой уголок христианской жизни.

«Мы», разбив свои шатры между каталаунскими полями и верденскими, сразу внесли сюда Россию, вернее, впрочем, что она сама восстала и в сердцах наших, и в глазах, и в церковных службах, и в иконах, и в лекциях профессоров.

* * *

Нельзя сказать, чтобы тотчас вошел во все это. Да кажется, и сами члены съезда должны сперва пообтереться, присмотреться друг к другу. (Движение очень растет численно, так что многие впервые здесь и встречаются). Главное, надо почувствовать общую жизнь, и для этого потребно время. Съехалось около полтора года человек. Все они и раньше ходили в церковь, и раньше слушали лекции, обедали и ужинали, и раньше исповедовались, причащались. Но вот пожалуй нигде кроме этого богомолы не жили совместно, в христианском духе, т. е. — в проникновении любовью. «Соединение в любви» прежде всего ощущаешь в храме, неказистом бараке, где внутри, однако, зелень, теплый свет свечей, разноцветные лампадки, иконы и лики русских угодников. Служат священники русские и французский православный, я впервые слышал в нашей церкви слова проповеди по-французски [3] (язык не столь лирический, как наш, не столь влажный и «душевный», зато действенной, больше укалывает).

Церковная служба (утром и вечером ежедневно) как-то сразу скрепляет. А затем — весь обиход, общий стол с молитвою, разговоры, прогулки. Получается настроение не то общины, не то огромной, но дружной семьи. Она связана не единством рождения, а единством веры, любви.

Это и освобождает от уединенного холода замкнутой жизни.

* * *

Доклады читают философы, профессора и священники [4]. Иногда делается это под открытым небом, на лужайке. Евангелие и жизнь, русские святые, Россия, молодежь там и здесь, и другие темы в таком роде — это просветительская сторона съезда. Есть еще и семинары, т. е. отдельные занятия-беседы с небольшими группами, так что времени не теряют, все же днем выкраивается два три часа, когда юноши бегут купаться в одну сторону, девушки в другую.

Речка Лэр версты за полторы, надо идти полями, тропкою среди ячменя, потом спуститься к железнодорожной будке (так похоже на Россию в этом месте!), а потом луг, и тоже привычная, очень своя картина: извилистая речонка, вся заросшая лозняком, местами просто струится по

камешкам, или же образует затоны и омуты с более медленным течением, с корягами под водой, зелеными коромыслами на стебельках трав. (Тут и купанье). Только запахи не сравнятся с Россией. Почему не так пахнет у нас пригретый лозняк и трава? И поля наши благоуханней? А голубой воздух тот же, и высокие летние облака такие же. (Есть и подорожник, но не заметил я конского щавеля, знаменитого «оконятника» России).

Молодежь купается «спортивно»: мяч на воде, две партии, игра — дух времени.

* * *

Есть и треволнения у съезда — внутренние (как удастся? «высоко» ли, не хуже ли прежних съездов?) и внешние. Например, внешнее волнение: юноша в первый раз и попавший-то сюда, поехал кататься на велосипеде. Разогнался и налетел на кучу камня. Упал, да так ловко головой о камни, что сразу потерял сознание. Перенесли его домой, он все в беспамятстве, из носа кровь, одним словом целая история. Перевезли в город, в лазарет. Выписали из Вердена хирурга, окружили наилучшим уходом... и конечно трепетали! Никто не виноват, а все же ответственность. С одной стороны — его почти никто и не знает, с другой это брат. Ходили к нему в больницу, носили цветы, в церкви служили сообща о нем молебны и молились. Вот и опять «соединение в любви» из-за беды, в горе. Слава Богу, «болящий» пришел, наконец, в себя, стало ему лучше — свободнее вздохнули, между собой собрали на лечение.

Горе пришло на съезд и в другом облике, гораздо более грозном. «Движение» подобрало в Париже слепую. Молодая художница жила где-то очень далеко, чуть ли не в Египте, стали болеть глаза. Поехала лечиться в Париж, да и вовсе лишилась зрения. Одна, совершенно без средств... Я ее видел на съезде — вела ее под руку барышня, глаза как будто и смотрели, но ничего не видели. В церкви она стояла иногда боком к алтарю.

* * *

«Возьмите на себя хоть малость чужого бремени, — говорил на литургии проповедник, — и когда сложите свои страдания к стопам Христа, Он примет все и облегчит ваши».

На съездах есть обыкновение — заканчивать исповедью и причастием. Не все впервые являющиеся знают об этом (разумеется, принуждения нет никакого). Сам я, отправляясь в Клермон, вовсе не собирался говеть. Но вышло так, что и я, и почти все мы исповедовались и причастились, хотя некоторым и казалось, что они не готовы, не расположены, и т. п. Что-то кольнуло сердце,

и мы сдвинулись. Никто, кажется, не пожалел о сделанном. Вернее, что воздержавшиеся чувствовали себя одиноче.

Исповедь началась в субботу на всенощной, продолжалась до глубокой ночи. В церкви было полутемно — несколько свечей да разноцветные лампадки. В трех углах три священника исповедуют за столиками, три очереди юношей и девушек. Перед этим обед прошел в молчании, читалось, как в монастырях, св. Писание. Просили не говорить, зря не болтать и вообще в этот вечер.

Было часов десять, когда я вышел из церкви. Захотелось пройтись, одному. Спустился по шоссе вниз. Сзади подымался Клермон, его лесистый холм с древнею церковью. Небо в звездах. Крест Лебеда, Лира с голубой Вегой, все на месте. Из-за холма, на меня надвигаясь, плыло смутно-овальное облако, все кипевшее молниями — в прозрачную ночь несло оно таинственную, грозную голубизну бесплотных своих миганий. Коровы посапывали на лугу. Стало прохладней, влажней.

Дорога пошла подземом среди густой пшеницы. Я любил ходить так, июльскими вечерами, и на родине, среди пахучих ржей тульских. Сейчас открылся горизонт, в голубоватом сумраке, к Вердену. Сейчас был я на чужой земле, также страдальческой. Наверно, и здесь есть невинные детские глаза, как у той каталаунской девочки, не знающие еще печали. Но все равно... И на этих самых полях тоже бесновались орудия, тоже мучились и умирали люди — в церкви мы молились за всех убиенных. Мир так нуждается в великом сострадании, он должен быть прижат к чьему-то сердцу.

* * *

Воскресенье оказалось и совсем праздником. Причастие всегда подымает, всегда воодушевляет и светлит, здесь, после дней общей жизни, в солнечное утро общего причащения чувство это возросло чрезвычайно. Заново убранная зеленью церковь, вся в зелени столовая, все поздравляют друг друга, некоторые целуются — похоже на Пасху или Троицу. Воскресенье это совпало еще с Казанской, праздником «Содружества»⁵ при Движении (особой группы молодежи, как есть у них «Витязи», «Студенческий клуб»). Священник, служивший литургию, сказал Содружеству отличное слово, напомнил об иконе Казанской Божией Матери, покровительнице России во всех бедах ее, и как бы благословил юное воинство на достойную жизнь — ново-вступившей девочке прикрепил на грудь значок Содружества. Содружницы и содружники особенно сияли в это утро («именинники»).

Одна девушка сказала:

— Так хорошо на сердце, так хорошо... — зап-

нулась, не сразу нашлась, как именно ей хорошо.

— Полетела бы!

Это ей очень удалось выразить. Действительно, была такая «летательная» радость, опьянение без вина, именинное чувство. Прекрасный, прекрасный день! Подъем и свет, чистая радость. Позже, когда пошли все в лес, где в тени кустов на обрыве расселись и под голубым небом стали делиться впечатлениями, другая дама тоже сказала:

— На кого ни посмотрю, всех и люблю! Все хороши!

Тоже верно. Прорвалась плотина, и поток всех захватил. Много ли говорили на поляне, хорошо ли, все равно колокола звонили, этот благовест мы увезли из Клермона, в золотой предвечерний час, когда наш отряд выступил из лагеря на вокзал. Впереди шли юноши под знаменем России, под трехцветным русским флагом, и почтенный генерал маршировал с ними. Дальше мы, за нами обоз.

Трехцветный флаг выглядывал и из окна вагона, и когда вновь проезжали мы каталаунскими полями, в сердце вновь была девочка милой встречи. Младенец, рожденный на полях крови, — может быть, и нашей жизни безвестной в бараках, нашим молитвам о себе и страждущем мире таинственно соприступовала каталаунская девочка.

Возрождение. 1929. 27 июля., № 1516. С. 2.

Примечания

¹ Шестой съезд Русского студенческого христианского движения, состоявшийся летом 1929 г. в Клермон-ан-Аргон. РСХД возникло в 1923 году при содействии Христианского союза молодых людей (ИМКА) и Всемирной христианской студенческой федерации. Основной целью движения является объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечение к христианской вере.

² С середины 1920-х годов центральный секретариат РСХД, молодежные кружки и братства располагались в доме № 10 по бульвару Монпарнас. Здесь же находились издательства, редакции журналов «Путь», «Вестник РСХД», работала Религиозно-философская академия.

³ Имеется в виду архимандрит Лев (Жилле; 1892–1980), католический священник, богослов, перешедший в 1928 году в православие. В том же году митрополит Евлогий назначил Жилле настоятелем первого французского православного прихода в Париже, где он трудился около десяти лет. На съезде РСХД в 1929 году в Клермон-ан-Аргон митрополит Евлогий предложил произнести отцу Льву заключительную проповедь по-французски.

Отец Лев проникновенно говорил о духовном поиске, о преодолении повседневных мирских забот.

⁴ На съезде выступали В.В. Зеньковский, Б.П. Вышеславцев, Г.П.Федотов, Н.А. Бердяев, Г.В.Флоровский, В.Н. Ильин и др.

⁵ «Содружество» при РСХД — братство молодежи в возрасте от 16 до 20 лет. Вступающий в Содружество принимал на себя обязательства повседневной молитвы, молитвы друг за друга, ежедневного чтения Евангелия, искренних и добрых взаимных отношений, неопустительного (по возможности) посещения церковного богослужения.

Общежитие в Шавиле

Серый зимний день. Туманно. Сходя с парижского трамвая, вдыхаешь воздух полудеревенский: насколько чище, слаще и душистее, чем в столице! У ворот виллы на взгорье с садом, старыми деревьями, встречаемся — дамы несут в узелках сласти детям, образки — все те, кто вот уже около года хлопочет в «Особом Комитете» по созданию Общежития для мальчиков: Н. К. Кульман, г-жи Спиридович и Ельяшевич, М. К. Горчаков, М. В. Бернацкий, писатель В. Лодыженский и др.¹ Нынче праздник — открытие Общежития.

Трехэтажный дом имеет нарядный и парадный вид. Внизу, в столовой устроен целый иконостас для молебна. В комнатах мальчиков (их 23 человека) все чистое, новенькое, только что доставлено от Лафайетт. Сами они тоже кажутся подтянутыми; маленькие занимают свой этаж, старше и взрослее — свой.

Столовая и смежная с ней большая комната наполняются. Скромно одетая, с профилем как бы с медали В<еликая> кн<ягиня> Мария Павловна.² Другие, знакомые, все наши «русские» лица, из французов — старенький, смиренный генерал По,³ одорукий герой «отечественной войны». Благодушный и благополучный мэр Шавиля.

Молебен служит митрополит Евлогий. Прекрасная тихая служба. Небольшой хор с Дарю. Владыка говорит слово — с обычной простотой и кротостью. Его сменяет председатель комитета Н.К. Кульман — в горячей речи он особенно подчеркивает, что не всех нуждающихся детей мог принять комитет. Целому ряду пришлось отказать!

* * *

Итак, то, о чем говорили, писали, из-за чего собиралась и иногда спорили, осуществилось. Общежитие действует. Цель его очень проста. В Париже довольно много мальчиков, которые учатся, но живут в невозможных условиях (впятером с родителями в одной комнате; вдвоем на чердаке; впроголодь; иногда учат уроки в метро;

или — мальчик до восьми утра вышивает, помогая матери, потом идет в гимназию. Примеров множество). Значит, надо устроить этих детей по-человечески, и тем из них, кто учится во французской школе, не дать забыть русского языка и русской культуры. (Предположены вспомогательные занятия по русскому языку, истории, Закону Божию). Значит, преследуются цели гуманитарные, и на этом объединены люди различных взглядов и партий: само дело беспартийно. Всякий нуждающийся мальчик находит в Общежитии пристанище — сын ли он «правых» или «левых» родителей, чисто ли русский и православный, или католик, еврей, армянин — безразлично. Церковь, в лице митрополита Евлогия, о. Георгия Спасского и др. оказала и оказывает Общежитию большую поддержку, духовную и вещественную, но Комитет — учреждение совершенно самостоятельное, ни от кого не зависящее. В его состав входят ученые, писатели, художники, общественные деятели и т. п. Суммы, которые удалось собрать, составились преимущественно из выручки от продажи однодневной газеты «Русскому мальчику» (с произведениями Бунина, Бальмонта, Тэффи, Ремизова, Черного и др.), из пожертвований отдельных лиц и из церковных сборов.

Надо сказать, суммы эти невелики. Общежитие существует, но начинает и будничную каждодневную борьбу за кусок хлеба и теплый угол для своих обитателей. Устроители верят, что дело это хорошее, нужное. Верят в силу Добра, в отзывчивость человеческих сердец и надеются, что им удастся поддержать свое начинание.

* * *

Лицо, производившее весной этого года тарелочный сбор в Сергиевом Подворье в пользу Общежития, так передавало о нем:

— Мог ли я себе представить несколько лет назад, что вот так, после небольшой и трогательной речи епископа Вениамина,⁴ с тарелкой, кланяясь каждому даянию, начну обход церкви? Как изменилась жизнь! Должен сознаться — глубокое, светлое волнение владело мной, когда я медленно, стесняясь в непривычном деле, обходил храм. Давали все. Я почти физически ощущал волну благожелания и любви. К моей тарелке тянулись руки старые и детские, мужские и женские, но по всем пробежал трепет одного чувства. Я очень неудачно двигался и к некоторым не подошел вовсе. Все равно, они пришли сами, когда я остановился у прилавка церковного старосты. Смею вас уверить, что полтинничек какого-нибудь скаута не менее радостен, чем франк бледной женщины-труженицы над шитьем, или десятка зажиточного господина.

Воспоминание об этом сборе — для меня случайным — необыкновенно светло.

* * *

Пусть помнят все: в Общежитии — мальчики, в большинстве прошедшие уже суровую жизнь. Общежитие может жить только помощью общества. Если ее не будет, устроители не смогут не только не принять «оставшихся за оградой», но и удержать попавших в ограду — им будет грозить прежнее.

В церкви все дали. Пусть в жизни даст каждый десятый, и тогда Общежитие сможет не отказывать нуждающимся, прочно поставить то, что уже существует.

«Дети — надежда». Не забывайте же о детях.

Последние новости. 1927. 4 янв., № 2113. С. 2.

Примечания

¹ Председателем Комитета по устройству общежития в Шавиле был Н.К. Кульман, генеральным секретарем — Н.П. Булюбаш. Б. Зайцев принимал деятельное участие в обустройстве Общежития.

Кульман Николай Карлович (1871–1940) — филолог, литературовед, общественный деятель. В 1919 эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Париж, где преподавал предметы на русском языке во французских лицеях в Париже. Декан Русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны, преподаватель в Богословском институте в Париже.

Спиродович Маргарита Александровна (1895–1973) — певица, общественный деятель. Принимала активное участие в культурной жизни русской колонии в Париже. С 1926 — член Попечительского комитета по устройству Общежития для русских мальчиков в Шавиле.

Ельяшевич Фаина Осиповна (1877–1941) — общественный деятель, жена историка, юриста Василия Борисовича Ельяшевича (1875–1956). Член бюро Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, член правления общества «Быстрая помощь». Ельяшевичи были близкими друзьями семьи Зайцевых.

Горчаков Михаил Константинович, светлейший князь (1880–1961) — монархический деятель, коллекционер. В эмиграции жил в Париже с 1920. Член Русского эмигрантского комитета во Франции. Член Центрального совета Русской монархической партии, член-учредитель клуба «Русский очаг во Франции» и участник многих других общественных объединений зарубежья. Член приходского совета при Св.-Александр-Невском соборе, один из основателей (1927) и многолетний староста синодальной церкви Знамения Божьей Матери

в Париже. В 1926–1931 финансировал и редактировал издание журнала «Двуглавый орел».

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) — публицист, педагог. В 1920 эмигрировал в Константинополь, в том же году переехал во Францию. Читал финансовое право в Парижском университете, в Русском коммерческом институте и др. вузах. Публиковался в русской и французской периодической печати (1929–1939). Участник многих научно-культурных организаций.

² Мария Павловна, великая княгиня (1890–1958) — дочь великого князя Павла Александровича, общественный деятель, благотворитель. В Первую мировую войну была сестрой милосердия в полевых лазаретах. С 1920 г. — в Париже. Основатель и художественный руководитель парижского Дома вышивки «Китмир» (1921–1928). Пожертвовала большую сумму на внутреннюю отделку храма Сергиевского подворья в Париже, почетная попечительница Сергиевского подворья. Под ее покровительством в Париже проходили благотворительные концерты и вечера, в том числе в пользу Союза русских летчиков, русских больных, Общежития для русских мальчиков в Шавиле, на устройство детской колонии и др. В 1929 уехала в США, работала модельером-консультантом, фоторепортером. В 1941 переехала в Аргентину, занималась живописью. В 1952 вернулась в Европу, жила в Мюнхене, Париже, Монте-Карло.

³ По (Paul Marie César Gérald Pau; 1848–1932) — французский генерал, участник Франко-прусской и Первой мировой войн. Сражался в Эльзасе, служил в Верховном военном совете Франции. В январе 1916 года был назначен представителем при русской Ставке.

⁴ Епископ Вениамин (Федченков) с 1925 года был инспектором и преподавателем Богословского института в Париже, служил на Сергиевом подворье.

Храм русского восстановления

В прошлом году, будучи в Югославии, попал я в Белую Церковь. Это тихий городок вблизи румынской границы — очень русский. Там русский Кадетский корпус, институт, живет много русских [1]. Приятное, благообразное место. Встретился я в Белой Церкви и с иеромонахом Иоанном [2], которого знал еще в миру, был у него в скромном жилище рядом со временной церковью, помещавшейся в большой комнате того же дома.

Иеромонах Иоанн, совсем молодой, тихий человек, из своего уединения задумал большое и важное дело, часть которого уже осуществляется, часть лишь намечена. Во-первых, основано Православно-Миссионерское издательство с обширной

программой — толкование Евангелия, творения святых, современные вопросы веры, объяснительно-богослужебные издания, детская церковная библиотека. Много книг уже издано. Среди них есть очень важные и интересные — недавно я писал, например, в «Возрождении», о «записи» отца В. Ш. [3] Нечего и говорить, как полезно это для православного «народа» зарубежья. Необходимо для детей — дети в эмиграции так часто совсем удалены от религиозного просвещения.

Другое предприятие о. Иоанна находится еще «в становлении», оно более трудное и сложное: постройка в Белой Церкви русского храма, «храма русского духовного восстановления» — во имя св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Землю под здание дал город, часть нужных для строительства денег уже есть, остальные собирают. Храм проектируется в благородном древнерусском стиле. Он должен явиться центром православно-миссионерского книгоиздательства, вокруг него вырастет подворье, которое усилит и разовьет уже существующую миссионерскую деятельность. Одним словом, задумано новое чистое и благобразное гнездо Православия, которое, Бог даст, совершит большое духовное дело [4].

На нашу веру отовсюду нападают. Оскорбляют наши святыни, закрывают церкви, монастыри. Какой отличный ответ эмиграции на это — новый православный храм! Новый источник высоких чувств, рассадник веры, знания, благотворения. Это не местное дело югославских русских — оно касается всего зарубежья, ибо действовать будет для всех. Уже сейчас о. Иоанн связан с сорока странами рассеяния, все мы, где бы ни находились, через такую точку скрещения нитей как бы ощущаем свое единство, это будет наше общее создание. И тишина Белой Церкви — полумонастырское ее спокойствие, и географически центральное положение среди стран эмиграции чрезвычайно подходят для такого гнезда. Любовное и просвещенное ведение дела, нужность его и, чувствую, — благословенность — все говорит за то, чтобы его поддержать. Пусть осуществится еще одно мирное и доброе начинание православия. От нас самих зависит его успех. Будем же ему помогать.

Пожертвования принимаются в «Возрождении».

Возрождение. 1929. 20 окт., № 1601. С. 2.

Примечания

¹ Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус был переведен в Белую Церковь в 1929 году. Здесь находился также Мариинский Донской институт, эвакуированный из Новочеркасска в 1919 г. В городке также были дом русских военных инва-

лидов Великой войны, детский приют и ряд эмигрантских организаций.

² Имеется в виду иеромонах Иоанн (Шаховской). См. примеч. 3 к очерку «Богословский институт».

³ Имеется в виду книга: *О.В.Ш. [Шустин В.] Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах*. Белая Церковь, 1929. Она послужила поводом к написанию Зайцевым очерка «Иоанн Кронштадтский», опубликованного в той же газете «Возрождение» неделей раньше, 13 октября 1929 г. (см.: Собр. соч. Т. 7. С. 333–338). Книга написана священником Василием Васильевичем Шустиным (1886–1968), который в то время преподавал физику в Кадетском корпусе в Белой Церкви.

⁴ Историк русской зарубежной церкви М.В. Шкаровский сообщает: «В Крымском корпусе и Донском институте существовали свои домовые храмы, кроме того, в начале 1920-х гг. в зале на ул. Гете, д. 80, была устроена русская приходская церковь св. Георгия Победоносца для жителей города. В 1927–1929 гг. в ней часто служил работавший в это время законоучителем Крымского кадетского корпуса и возглавлявший пастырско-богословские курсы епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). В начале 1927 г. этот Владыка пригласил в Белую Церковь молодого монаха Иоанна (в миру князя Д.А. Шаховского, будущего архиепископа Сан-Францисского), рукоположил его во иеромонаха и назначил настоятелем Георгиевского храма и наставником в Пастырской школе. Вскоре иеромонах Иоанн открыл в приходе издательство «Борьба за Церковь» (Православное русское зарубежное миссионерское подворье), которое выпускало газету «Борьба за Церковь», миссионерские «Белоцерковские листки», духовные книги и брошюры. Он же стал инициатором постройки на собранные по всей Сербии пожертвования отдельного каменного храма св. ап. Иоанна Богослова. Церковь была построена в псковском стиле по проекту архитектора А. П. Шевцова в 1930–1932 гг. и оставалась русской до середины 1950-х гг.» (*Шкаровский М. Русская церковная эмиграция в Югославии. 1920-1930-е годы [Электронный ресурс] // Новый журнал. 2010. № 259. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2010/259/russkaya-czerkovnaya-emigracziya-v-yugoslavii.html>*).

Речь на кончину протоиерея Георгия Спасского

В прошлом году, в среду на Страстной, отслужив обедню, о. Георгий вышел на амвон — уже ра-зоблачившись, в черной рясе, с золотым крестом

на груди. Придерживая крест рукой, высокий, несколько сутулый, производил впечатление силы и задумчивости. Минуту помолчал, полузакрыв глаза. Потом сказал :

— В последний раз нынче мы совершали Литургию Преждеосвященных даров. В последний раз слышали «Господи и Владыко живота моего». Теперь — до следующего Великого поста. До следующей Страстной.

Сделал маленькую паузу.

— Доживем ли? Сколько нас соберется здесь в будущем году? Кого не досчитаемся?

Он говорил и дальше, кратко, но с тем внутренним напором, как всегда: словами пережитыми и потому доходящими. Они и запомнились — слова о мгновении, бренности, летучести жизни.

Конечно, иначе и не может чувствовать христианин. Все таки у о. Георгия, при всей его как бы и жизненности, особенно сильно было это чувство. Сколько раз и раньше приходилось от него слышать, примерно, так: «Не устраивайтесь, не располагайтесь в жизни прочно. Смотрите только в Вечность. Смерть на каждом шагу. Будьте всегда готовы — главное, главное: готовьтесь!». «Ведь вот, в синема идете, а не знаете, вернетесь ли». «Горести наши, скорби? Да они — мгновение... А там — подумайте! — вечная жизнь!»

Родом он был из Тверской губернии, но учился в Вильне, в Вильне же и служил вначале священником.

Нечто западное, и от западного края осталось в нем навсегда: своеобразие выговора, оттенок отношения к католицизму, особая любовь к трем Виленским мученикам (погибшим за православие). Западная страстность в защите восточного исповедания. Пышность и яркость красноречия, действенность, боевой темперамент — все это довольно далеко от тишины и интимности Оптинской или Троице-Сергиевской.

Общеизвестен его ораторский дар. Молодым священником он выступил в Храме Спасителя в Москве с речью о патриаршестве (1917 г.), имевшей огромный успех. Это и естественно. О. Георгий был именно оратор для большого храма, для сотен слушателей, для возможности электризовать и зажигать толпу. Он говорил в остром и повышенном тоне, словами большого внутреннего давления, — но владея собой и не растекаясь. Нечто личное всегда сквозило у него в «общем». Может быть, оттенок горечи и страстности, большого опыта жизни, горького ощущения её и горячей надежды, устремления пламенного. Он был «пессимист» *здесь* для оптимизма *там*. Но никак не монашеского склада его натура. Можно даже сказать, что по приро-

де был он жизнелюбив, чувствовал краски, красоту, поэзию, вообще обладал чертами артиста. (И в красноречии его был художественный дар. Он умел живописать словами. О Св. Серафиме, например, говорил с изобразительностью художника слова).

Но с неменьшею силой чувствовал трагедию этого «прелестного» мира — всю глубину мрака и зла. И в последние годы росло в нем апокалиптическое чувство. Он не верил в благополучный, *удобный* исход жизни. «Все мне кажется, что уж очень тяжело в мире, душно. Скоро должно кончиться».

Он много перевидал на своем веку, прожил жизнь довольно сложную и разнообразную. После Вильны служил в Севастополе, занимал пост главного священника Черноморского флота. В революцию вел страстную борьбу за религию, выступал на митингах по всему побережью, состязаясь с безбожниками и громя их. Его дар, пафос и вера давали огромное преимущество.

Ему чрезвычайно шло быть с военными. Я не вижу о. Георгия, не случайно носившего имя поразителя дракона, — не вижу его в отступлении: его дух и стиль — всегда атака. Он любил говорить с амвона, держа пред собою тяжелый крест как оружие. Этот крест точно нес его — прикрывал. Как бы влекся за ним оратор, вовлекая слушателей, завоевывая их сердца.

С военными жил он в мирное время, с ними же провел войну и революцию, с ними потерял Россию, но не сдавшись ушел в изгнание — с теми же моряками. Делил дни Бизерты. Всюду подымал дух и ободрял, утешал, служил... Кто побывал с ним в Африке, особенно благоговейно вспоминает об о. Георгии.

* * *

Мы узнали его уже здесь, в русском быту сложившемся, в буднях. Но вот именно будничности в нем и не было — серости, вялости. Он и здесь непрерывно сражался, быть может, с врагом еще более многоголовым и страшным, чем крымские атеисты: с повседневностью, засорением душ, измелечением — с малым злом, непрестанно нас осаждающим.

Кроме служб, треб, проповедей, преподавания, чтений в Сестричестве, акафистов, лекций нес он и груз исповеди: был духовником огромного числа прихожан.

Его значение в этом было не меньше, чем в проповеди: здесь тоже борьба, но действие на каждого в отдельности, умение всколыхнуть, взволновать, зажечь... — и сжечь «тину».

Тайна влияния на людей... — он ею обладал, все, кто у него исповедывались, знают это. В чем

она заключалась? — Была тут, разумеется, черта личного обаяния, которая объяснению не подлечит (некая красота пейзажа душевного). Но кроме неуловимого этого налета можно в нем различить основные черты: соединение силы, доброты и грусти. Сила — стихийная его черта. Она проявлялась не только в проповеди и исповеди, но и в самой церковной службе о. Георгия. Он *сильно* служил, как и вообще все делал *сильно*. Грусть — от ощущения всеобщей нашей слабости, от страшной незащищенности... — этому противопоставляется лишь доброта, любовь: особенно удивительные при силе (которую обычно связывают с суровостью). Но вот тут «край светлой ризы», к ней прикоснуться, за нее ухватиться. На нее всегда, с любовью и снисходительностью, указывал о. Георгий. Он иногда казался даже слишком снисходительным. Думаю, это вытекало из глубокого понимания жизни и человеческой души.

* * *

До нынешнего Великого поста не дожил о. Георгий, «Господи Владыко» не услышал. Не напрасно с такой значительностью говорил тогда. Указывая другим на смертный час, всегда подстерегающий, сам его ждал не менее, и готовился. Свою кончину предчувствуя, за несколько дней говорил близким: «Скоро меня отпевать будете. Ухожу».

Воином жил, воином умер, как бы в атаке, сраженный пулей, — во время лекции о догматах, на словах «православие, церковь»... — отстаивая то, что считал угрожаемым.

...С необычайной ясностью вижу о. Георгия, точно он и не уходил: живым проходит перед взором в облачении и митре на служении, в полусумраке исповедальни, возлагая епитрахиль, разрешая с полузакрытыми глазами грехи... — высокий, неравноплечий, в черной рясе с золотом креста, и всегда в движении, всегда на грани времени и вечности.

Ныне он эту грань переступил. Мы еще здесь. Он — там. И лишь любовь соединяет нас.

О. Георгий Спасский. 1877–1934. Париж: Издание Комитета по увековечению памяти о. Георгия Спасского, 1938. С. 211–214.

Примечания

Спасский Георгий Александрович (1877–1934) — протоиерей, богослов, преподаватель, проповедник. Рукоположен в 1903 году, служил законоучителем, с 1917 г. по приглашению контр-адмирала А.В. Колчака — главный священник Черноморского флота. В качестве флотского делегата принял участие в заседаниях Поместного собора

1917–1918 годов. В 1920 г. в составе русской эскадры эвакуировался в Бизерту. С 1923 г. — во Франции, с 1925 — штатный священник Александро-Невского собора в Париже, где оживил приходскую жизнь, читал лекции, руководил сестричеством. Был духовником русских эмигрантов, в том числе Ф.Шаляпина и семьи Зайцевых. Скоропостижно скончался 16 января 1934 г. в Париже во время чтения лекции о догматическом богословии. В 1934–1936 гг. в Париже состоялись вечера его памяти.

Трудный путь

Спокойствия и ровности никогда не было в о. Киприане. Само вступление его в монашество было непокойно и бурно. Он избрал ношу тяжкую, как бы и с надрывом внутренним. Но никто не мог бы «отсоветовать», повлиять, даже самые близкие и любимые: не таков был его характер.

Впрочем, всякий склад жизненный был бы для него нелегок. Я не вижу о. Киприана вне борений, одиноких раздумий, недовольства собой, приступов тоски — сменявшихся ярким подъемом, главнейше в Богослужении, или восторге перед красотой, в искусстве.

Монашеский путь, однако, с отсечением воли, удалением от стихии, всеми нами владеющей, ткущей земную ткань, путь собственно «ангельский», не труднейшим ли оказался для него? Но таков именно был покойный — выбирать, так крайность. Серединки, благоразумия не любил. Отсюда его порывистость, иногда очаровательность, иной раз и резкость, и неожиданность поступков.

Сильный темперамент, глубокая уединенность, художническая нотка, влечение к прекрасной видимости — и монашеская обязанность удаляться от нее. Св. Бернар не заметил, одно или два окна у него в келье [1], о. Киприан обладал поразительной остротой чувств, глазом замечательным, как у Бунина, любил ароматы, духи, цветы, природу, красоту, музыку, живопись, итальянское возрождение.

Была, однако, в монашестве черта, внутренне ему созвучная и привлекавшая его: «особность», отдаленность от мира, ни на что непохожесть. Он и в жизни и в литературе предпочитал одиночек. А еще больше — одиночек недопонятых, недооцененных. Такими были для него Константин Леонтьев, Леон Блуа [2].

О. Киприан сам являл собой облик этого одиночества, образ изящества, некое художественное произведение — достаточно было видеть его прекрасные глаза и длинные, тонкие пальцы.

В жизни он был настроен почти всегда горестно. В общезжитии иногда нелегко, иногда восхитителен. К общественной деятельности совсем неприспособлен.

Думаю, главная радость и утешение его было Богослужение. Насколько он не любил заседания и комитеты, настолько высшее оправдание и смысл находил в литургии и молитве. Тут, кажется мне, он действительно возвышался на несколько пядей над жизнью повседневной.

Как исповедник он всегда грешнику сочувствовал, был заодно с ним, заранее к нему расположен. В Евангелии больше всего любил притчу о Блудном Сыне и всех нас, себя в том числе, считал лицами этой притчи. (Последнее, что прочитано было из Евангелия над его телом перед положением во гроб, оказалось именно любимая его притча.)

Я знал его многие годы. Думаю, знал близко, не иконописно. И всегда любил. Знал его тяжкую жизнь, тяжкую борьбу с собой. Знал — в последние годы как бы особенное его отдаление от многого, что ему было близко: искусства, музыки, красоты, даже общения с людьми, прежде близкими. Рост аскетизма, удаление на некий Синай, все, однако, с оттенком глубокой горестности.

Теперь, когда его нет, вспоминаешь с особым чувством — покинутости и тоже одиночества — что его, такого как знал в расцвете сил, больше среди нас не встретишь.

Облик Аввы неповторим, незаменим — по строгости, благородству очертаний, некоему высокому классу самого существа, по цельности, которая полна была противоречий, а все же цельность, ибо создание художественное. Да, дорогой о. Киприан был сам художественным произведением всем нам известного Непостижимого Художника.

Вестник РСХД. 1960. № 56. С. 46–47.

Примечания

Киприан, архимандрит (в миру Керн Константин Эдуардович; 1899–1960) — богослов, церковный историк. Участвовал в гражданской войне в рядах добровольческой армии, в 1920 г. эмигрировал в Сербию. В 1927 г. принял монашеский постриг, в 1928 возведен в сан архимандрита. В 1925–1936 гг. преподавал (с перерывом) в духовной семинарии Сербской православной церкви в Битоле. В 1936–1939 — настоятель Покровской церкви на ул. Лурмель в Париже, с 1940-го — настоятель церкви святых Константина и Елены в Клараре. С 1941 г. доцент, в 1945–1960 — профессор Свято-Сергиевского богословского института по кафедрам патрологии, литургики и пастырского богословия. Автор научных трудов по этим дисциплинам, один из главных — «Антропология святого Григория Паламы» (1950).

Был духовником Бориса и Веры Зайцевых. Зайцев посвятил ему очерк «Архимандрит Киприан»

(«Русская мысль», 1960, 5 марта), включенный в книгу «Далекое» (Собр. соч. Т. 6. С. 202–207), а также сделал прототипом персонажа (архимандрита Андроника) в рассказе «Река времен» (1964).

¹ Бернар Клервоский (1091–1153) — католический святой, богослов, основатель и аббат монастыря Клерво. Много лет провел в созерцательном уединении. В жизнеописании отмечено, что он был настолько отрешен от внешнего мира, что не замечал, есть ли потолок над его кельей, освещалась ли она через три окна или через одно.

² Блуа Леон (1846–1917) — французский прозаик, автор романов и эссе. Получил известность как глубокий католический мыслитель. Был популярен среди православных русских эмигрантов, в том числе преподавателей и студентов Богословского института.

Упокоение

Кладбище «St. Genevieve des Bois» — в некотором роде Русский Дом. Только подземный, для усопших (есть и для живых, там же наверху [1], но не о нем речь).

Подземный же возник с первой, главной волной эмиграции после гражданской войны. «Люди жили, страдали, любили и умирали».

Так, слава Богу, сложилось, что бездомные в чужой стране нашли последний приют под белыми березками кладбища русского. Небольшая, изящная церковь древне-псковского стиля возглавляет его [2].

Здесь лежат наши близкие и знакомые, и незнакомые, но все русские и все безродные. Огромная семья, непрерывно растущая — Русь, в разных ее обликах.

Этой весной, в мае, как раз пришлось видеть там весну. Березки надрывались в близне стволов своих, в нежной (и вечно-весенней) яркости листьев. Цветы, на всех почти могилах торжественно распустившиеся, давали впечатление сада Божьего, все радовалось, благоухало, точно пело:

— Смертию смерть поправ!

А в Пасхальную ночь, когда крестный ход во главе со священником о. Александром Ергиним [3], с хором и хоругвями выходит из церкви и с пением обходит все могилы, где теплятся свечи — зрелище, конечно, незабываемое. «Город мертвых» не дает чувства смерти, а обратно — вечной, но преображенной жизни.

* * *

«Насельников» можно разделить на несколько частей: литература, философия, богословие. Военный мир — наиболее обширный, целые

участки с пирамидами (корниловцы, дроздовцы, недавно открытый отдел: павшие за Францию — все это в строгом порядке, воинском).

И наконец нечто среднее: вольные профессии, интеллигенция, буржуазия. Конечно, все под знаком православия.

В крипте под храмом — вершины Церкви — митрополиты Евлогий, Владимир, еп. Кассиан, прот. Георгий Спасский, знаменитый проповедник. А идешь по кладбищу, точно в огромный знакомый дом попал, навестить давно не виденных. С Буниным встретишься, Мережковским и Гиппиус, и другими по нашей части. Знаменитые имена военных, а то и просто знакомые и друзья, и могилка с простым крестом, как на кладбищах деревенских — Россия, Россия... — упокоение неотделимого существа, с кем жизнь прошла. Там и твоя квартирка, над усопшей [4], пока пьющая еще.

* * *

Жизнь есть жизнь. Кроме поэзии и меланхолии есть в ней — и как еще! — именно «жизненное». За упокоение надо платить [5], земля-то французская, принадлежит коммуне «St. Genevieve des Bois». Есть погребение «навечно», есть на 50, 30 лет. Коммуна дает отсрочки, но это не решает дела.

Придумано такое: в дальнем конце кладбища построить часовню, под ней огромный склеп, «ossuaire», как здесь говорят. — Туда складывать останки тех, чьи оплаченные сроки вышли, а родственников нет (или они платить не в силах). В склеп этот складывать такие останки, в порядке, с указанием имен. (Подобное видел я на Афоне, в русском монастыре, где черепа, кости умерших складываются в особом помещении, на полках, как в библиотеке, с надписями).

План будущей часовни мне показывали. Предполагается она в глубине кладбища, в конце аллеи, идущей прямо от церкви. Начался и сбор средств на постройку.[6]

Сан-Женевьевское кладбище уже отмечено во французском путеводителе как достопримечательность. По воскресеньям автокары подвозят иностранцев к этому особенному миру русскому — памятнику и горечи изгнаннической и неколебимой независимости.

Долг самой эмиграции поддержать ее усыпальницу. По просьбе отца-настоятеля храма кладбищенского, уже обратившегося к эмигрантам во Франции, обращаюсь к американским соотечественникам с тою же просьбой:

Поддержите дело мирное и высокое!

Новое русское слово. Нью-Йорк, 1970. 11 февр., № 21792.

Примечания

¹ В 1927 г. в коммуне Сен-Женевьев-де-Буа княгиня Вера Кирилловна Мещерская (1876–1949) основала Русский дом для престарелых эмигрантов и стала его руководителем. На местном кладбище был отведен участок, где стали хоронить пансионеров, а затем и русских парижан, таким образом образовалось «русское» кладбище, где похоронены около 15000 эмигрантов.

² Кладбищенский храм Успения Божией Матери построен по проекту Альберта Николаевича Бенуа и освящен в 1939 году.

³ Ергин Александр Гаврилович (1894–1977) — штабс-капитан, протоиерей. С 1923 во Франции, окончил Богословский институт в Париже, в 1944 принял священство. Настоятель церкви Рождества Христова в Монруже (под Парижем). Одновременно в 1947–1950 обслуживал тюрьмы и места заключения. С 1952 настоятель Успенской церкви в Сен-Женевьев-де-Буа. Вице-председатель Общества помощи русским эмигрантам, руководил строительством церковного дома в Сент-Женевьев-де-Буа. Председатель Комитета по охране и поддержанию могил на русском кладбище, участвовал в организации сбора средств для ухода за могилами.

⁴ Жена Зайцева Вера Алексеевна скончалась 11 мая 1965 г.

⁵ По нормам французского законодательства любое погребение сохраняется лишь до истечения срока аренды земли. Начиная с 1960 г. местные власти ставили вопрос о сносе кладбища. С 2007 г. российское правительство перечисляет Франции средства для погашения задолженности и продления аренды кладбищенских участков.

⁶ Небольшая часовня, построенная в конце русской аллеи на деньги от пожертвований в 1977 году, стала усыпальницей для перезахороненных в ней русских останков из могил, у которых закончился срок аренды кладбищенской земли.

«A NEW, QUIET AND SILENT WAY OF THE CHURCH». SPIRITUAL LIFE OF RUSSIAN EMIGRATION IN UNKNOWN SKETCHES OF BORIS ZAITSEV

© 2020 О.В. Кириченко
Москва, Россия

«МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»: ВОСПОМИНАНИЯ ВАЛЕНТИНЫ АНДРЕЕВНЫ ЗВОНКОВОЙ

Подготовка публикации и предисловие

Аннотация. Воспоминания В.А. Звонковой посвящены церковной жизни автора, начиная с послевоенного времени и заканчивая 2000-ми годами. В центре воспоминаний стоит судьба самого автора, идущего сложной и тернистой дорогой православного христианина в атеистическом государстве и обществе. Автор показывает, что путь этот был непрост не только из-за преследований верующих, но даже в большей степени из-за особой нравственной атмосферы в быстро атеизирующемся советском обществе, где попирались традиционные нормы брачных отношений, где рушились привычные родственные связи и т.д. Воспоминания отмечены тонкими наблюдениями автора за жизнью современников, как церковной, так и светской.

Ключевые слова: воспоминания, советская эпоха с 1940-х по начало 1990-х годов, православные христиане, Русская Православная Церковь, церковность, священники, приходская жизнь.

Abstract. The memoirs of V. A. Zvonkova are devoted to church life from the 1940-s to the 2000-s. At the heart of the memoirs is the fate of the author himself, walking the difficult path of the Orthodox Christian in an atheistic state and society. The author shows that this path was not easy, not only because of the persecution of believers, but even more so because of the special moral atmosphere in the rapidly atheizing Soviet society, where the traditional norms of marital relations were violated, where familiar family ties were broken, etc. The memoirs are marked by the author's subtle observations of the life of contemporaries, both churchly and secular.

Keywords: memoirs, Soviet era from the 1940-s to the beginning of the 2000-s, Orthodox Christian church, church, priests, parish life.

"MY MEMORIES": MEMORIES OF VALENTINA ANDREEVNA ZVONKOVOY

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) - главный научный сотрудник ИЭА РАН, доктор исторических наук, главный редактор научного православного журнала «Традиции и современность» / kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 98-132.

ISSN 2687-1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК - 2.21.215

ББК - 86.372.7

Сразу отмечу, что «Мои воспоминания», полученные мной из рук уважаемой и ценной мной Валентины Андреевны Звонковой, имели законченный вид и были долгожданным явлением, потому что, очевидно, воля Божия расположила ее писать о своей жизни, после многих лет работы по изданию трудов прот. Михаила Труханова, одного из крупнейших богословов советского периода. Не один год мы общаемся с автором воспоминаний, решаем общие задачи, оказываем друг другу помощь, памятуя, что это делается ради славы Божьей и ради сохранения памяти об о. Михаиле, ради забот о его богатом богословском наследии. Два слова скажу о самом необычном, чему мне пришлось быть свидетелем в последнее десятилетие, общаясь с Валентиной Андреевной. На моих глазах происходило невиданное явление: человек переквалифицировался (словно переродился) – из простой прихожанки церкви, лица сугубо подчиненного церковно-певческой деятельности, однако же и первой помощницы о. Михаила в течение не одного десятилетия – в издателя богословских трудов и воспоминаний об этом уникальном священнике. За годы издательской работы она сумела провести колоссальную работу по сбору, обработке и изданию трудов своего духовного отца. Конечно, вокруг нее сплотился тесный круг помощников и консультантов, но при этом, ей самой надо было (в пожилые-то годы и со сложившейся привычкой к другому укладу!) с нуля сесть за компьютер, разобраться в его виртуальном пространстве, начать набирать тексты, работать с ними как редактор, вести переписку с издательствами, корректорами, верстальщиками, художниками, словом выстраивать каждый день иную, непривычную стратегию и тактику жизни. Что, конечно, не отменяло главного прежнего, быть церковным человеком. Эти небывалые перемены ясно указывали на то, что активная жизнь о. Михаила продолжается, он продолжает трудиться и помогать своим близким духовным детям решать непростые жизненные задачи, трудиться во благо нашей веры и Церкви.

Конечно, это объяснение мистическое, но вполне понятное; в православно-христианской среде, в таких случаях, одно цепляется за другое; жизнь ученика раскрывается через жизнь учителя, а учитель становится известен трудами своих учеников и последователей. Так было в евангельские времена, так продолжалось в жизни христиан и после. Но, как простой человек, я не могу не восхищаться этими переменами, происходившими на моих глазах. Когда же

Валентина Андреевна передала мне на прочтение рукопись своих воспоминаний, то по прочтении их, многое стало объяснимо, хотя и не все. У таких людей (пишу это, не для того, чтобы лишний раз похвалить ее, в чем она, знаю, не нуждается) самое основное (и это тоже закон подлинной христианской жизни) закладывается в самые трудные годы – в юности, в те годы, когда человек только выходит из детского уютного лона в мир самостоятельности. Здесь тебя скоро начинают на части раздирать противоречия, звать (просто кричать и призывать к себе как сирены Одиссея) соблазны, осаждают те, кто проходил раньше мимо, равнодушно скользил глазами, лишь потому что ты была ребенком, прыгающим как скакалка и мячик, слитым с ним. А тут ты остановилась, завершила детские игры и засвидетельствовала всем свое возрастание и присутствие. Впрочем, это лишь одна сторона, указывающая на то, с какими трудностями сталкивается юный христианин, закладывающий «все основное», фактически фундамент для будущей жизни, в самое беспокойное (и роковое) время своей жизни. А есть и другая сторона, не менее опасная. Эта сторона касается внутреннего, мира сердца, души, там, где происходит по слову Евангелия не только таинственные, но и страшные вещи, порой не видимые и контролируемые человеком. И эти два мира – внешний и внутренний – «Сцилла и Харибда», подстерегающие путников, плывущих по житейскому морю, не миновали и нашей героини, когда она с решимостью пыталась найти точку опоры не на песке, а на твердом камне, имя которому Христос. Несомненно, что для искушенного в православной аскетике читателя на этих страницах найдется много важного и полезного.

Однако, хотелось бы отметить и содержание этнографическую сторону воспоминаний. Это воспоминания глубоко верующего, церковного человека, жившего в советскую эпоху, воинствующего атеизма. Сегодня многие, большей частью не жившие тогда, или захватившие ее пышное увядание в брежневский период, не сокрушаются и не скорбят сердцем о том, что тогда происходило, оправдывая свою позицию «блестящими результатами материальных достижений той эпохи – или выходом СССР в космос, или победой страны в войне. Победа победой и космос космосом, но забывать о правде того времени христианину нельзя. И автор, как верующий человек, живший в то время, пишет просто и без надрыва: как их семья уехала от репрессий на Дальний Восток,

и вернулась назад, потому что жить там было невозможно. Ее отца – московского пролетария, комсомольца, погибшего от несчастного случая на производстве, советская власть сразу забыла, не позаботилась о его семье; позволила вдове с тремя детьми ютиться в каком-то восьмиметровом чулане, жить рядом с нечистотами. Кто скажет, что это неправда?! И не эта ли власть, отличающаяся какими угодно положительными качествами, столь привлекательными для простого народа, – но только не милосердием, не состраданием, не жертвенностью ради народа; – не эта ли власть порождала в сердцах людей черствость, как следствие господства в школах и вузах страны дарвиновского закона эволюции, где смертельная борьба за жизнь определяет характер прогресса?! Отсюда – родной брат отворачивался от родной сестры (пусть сама выживает!), отсюда люди переходят на самый примитивный уровень семейной жизни: встретились, пожили, разбежались без соблюдения обязанностей, чувства долга, заботы о детях, наконец, любви «на всю жизнь». Всю эту насыщенную сорняками жизнь порождала, надо честно сказать, «народная власть», и эта жизнь особенно больно ранила тех, кто не хотел подчиняться ее примитивным законам. Об этом без пафоса, но ясно и определенно пишет автор воспоминаний. Ее уход в мир религии, как сказали бы ее современники-атеисты, «в мир дурмана религии, ее лжи и притворства», был естественной

тягой чистой души, ищущей помощи Божьей, чтобы сохранить душевную чистоту и незамутненность. Однажды почувствовав присутствие Бога, «в легком дуновении ветерка», она уже держалась этого направления, потому что видела и чувствовала различие двух миров. Ее духовный отец протоиерей Михаил Труханов, не проклинал советскую власть, как духовный и церковный человек, хотя она отняла у него 15 лет жизни на свободе, все время мешала служить приходским священником, сделала его изгоем, за то, что он был честным христианином, любил Христа, как и говорит об этом Евангелие. Но всю свою сознательную, послелагерную жизнь о. Михаил старался не допустить до своей души щупальцев этой власти; то смертельно опасных, то притворяющихся добрыми и мягкими, то нарочито равнодушных. И всякий раз, когда возникала опасность (а она тогда была всегда) он вовремя отвечал на ее выпады, какими бы они не были. Этому искусству он научил и своих духовных детей. Не знаю всех ли и в какой мере, но точно, что учил. Не как педагог-дидактик, а как Христос учил своих учеников различать знамения времени. Воспоминания Валентины Андреевны насыщены этой энергетикой внимания к своей душе. И, конечно, каждые подлинные воспоминания содержат в себе тайну, заставляющую читателя вновь и вновь возвращаться к их страницам. Эта тайна присутствует и в данных воспоминаниях. Духовного всем прочтения!

©2020 В.А. Звонкова
Москва, Россия

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Предисловие

Во славу Божию!

Благодарность Господу моему и Всеблагой Царице Небесной, что по неизреченной Своей милости вывели меня из греховной моей жизни! Неуклонно следили и в трудные минуты вразумляли, останавливали болезнями. У меня нет дара красноречия, чтобы за всё воздать хвалу Господу и Его Пречистой Матери. Но я простыми словами скажу: «Слава Тебе, Господи, и Тебе, Царица Небесная!». Сколько раз в жизни через людей, через сновидения меня удерживали от погибельного пути. И из кратких воспоминаний моей жизни люди увидят Промысл

Божий, который руководит человеком.

Слава Тебе, Боже!!!

Слава Тебе, Царица Небесная!!!

Благодарю Господа, что Господь такой милостивый. Внемлет всем нашим молитвам и исполняет все наши прошения.

На мои молитвы меня спасти, Господь посылал людей, как Корнилию послал ап. Петра, которые мне, начиная с детства и в дальнейшем, помогали духовно расти.

В храме «Всех Святых» вначале я познакомилась с Евдокией Захаровной, 65 лет, её дочерью Марией Ивановной, лет 45, затем с Дмитрием Прохоровичем, который, в свою очередь, представил меня отцу Михаилу Ежову. Отец Михаил служил в Малоярославце, куда ездить было сложно. В это же время в нашем храме служил отец Владимир Родин, у которого я окормлялась духовно. В 1966 году почил отец Владимир, в 1967 году – отец Михаил.

После их кончины я перешла под руководство отца Михаила Труханова.

Так как бóльшая половина моей жизни прошла рядом с отцом Михаилом Трухановым, то хочется собрать по возможности в хронологическом порядке всё воедино во славу Божию и в память батюшки. О его большой любви к Богу, о смирении, помощи людям, его подвигах, о посте. Действительно, сплошные чудеса. Смотришь на фото в 1-й книге, «Воспоминания: первые сорок лет моей жизни», – батюшка везде улыбается, будто в санатории, а не в штрафном лагере. Разве не чудо – все ребята с его курса погибли в первые дни войны: об этом он узнал, когда вернулся после освобождения в институт, а его Господь спас, заключив в тюрьму. А разве это не чудо – выжил, отбыв в карцере 5 суток, в котором и самые крепкие заключенные выдерживали не более 1-2 суток. Не имея никакого образования по медицине, возглавляет лабораторию, получает характеристику, что работает врачом с 1943 года, когда он в это время умирал от страшной болезни пеллагры, а врачом работал только в 1953 году. А разве не достойно удивления, что в свои 39 лет, будучи уже 14 лет в заключении и из них более двух лет – в штрафном лагере, отец Михаил не только не был сломлен, но и находился на очень высоком уровне духовной жизни, что мы видим из его писем родным.

«...И как я благодарен Богу за то, что довелось мне пережить и что узнать пришлось! Больше радости, чем взаимосвязь с Истиною[1], – не знаю я. И как бы странным тебе ни показалось, но больше всего я узнал именно в течение последних 9-ти месяцев, здесь... Никакая свобода столько дать не может».

«И понимая так свое мрачное настоящее, я силюсь определить время, в которое оно завершит свою надо мною филигранную работу, с тем, чтобы независимо ни от каких других причин тогда сменить одни условия на другие...». Это он пишет Вере Александровне в ответ на её предложение подать заявление на пересмотр его дела. Отсидев 15,5 лет в каторжном лагере, вернулся, окончил Институт Геодезии, Аэрофотосъемки и Кар-

тографии спустя 20 лет (где его и арестовали), переболел туберкулезом, чудом выздоровел, окончил МДА, получив степень кандидата Богословия за работу, принимал живое участие в делах духовных чад, написал тома Богословских трудов. О батюшке написано очень много в разных книгах: «Воспоминания: первые сорок лет моей жизни»; «Не могу не говорить о Христе» – о второй половине его жизни после освобождения (Минск: Лучи Софии, 2009); «Воспоминания духовных чад» (М., 2018); пять книг «Беседы с духовными чадами».

МОИ РОДНЫЕ

1929 год, коллективизация. Главой маминной семьи был дедушка Степан Бугров, который в колхоз не пошел, а завербовался на Дальний Восток, в г. Комсомольск-на-Амуре, куда уехал со средней дочерью Анной. Там он женился. Анна тоже вышла замуж и имела много детей. На родине, в селе Большой Мелик Балашевского района Саратовской области, осталась бабушка Надежда с младшей дочерью Александрой, там же в 1930 году они обе умерли от голода. А старшая дочь Мария, моя мама, в то время жила в г. Саратове в прислугах в семье военного летчика и с ними позже уехала в Москву. Здесь она вышла замуж за Андрея.

Дедушка Степан с бабушкой Наталией — слева во втором ряду,
Анна с мужем – рядом с ними; первый ряд – их дети.
Дальний Восток, Комсомольск-на-Амуре.
Примерно 1952 год

Жить им пришлось вместе с семьёй его брата Артёма в общежитии, в полуподвале, в

комнате 16–18 м². Зная, какие у них трудные условия, дедушка Степан пригласил маму с папой жить к себе на Дальний Восток. Они уехали. В 1937 году у них родился сын Станислав. Но жизнь там не сложилась, и они вернулись в Москву, в ту же комнату.

Мой папа, Андрей Дмитриевич Звонков, был рабочим, комсомольцем. Однажды ему пришлось перевозить вещи своего начальника, партийного человека, на другую квартиру. Придя домой, отец и говорит маме: «Мария, нам всё говорят, что нет Бога. А ты знаешь, что у моего начальника есть и иконы, и Божественные книги, даже вот одно Евангелие я принес домой. Всё, я рву свой комсомольский билет и буду теперь верующим». Но осуществить это намерение ему не удалось – он вскоре трагически закончил свой жизненный путь.

По смерти он явился маме и говорит: «Мария, верь, здесь всё есть: и Бог, и другая жизнь».

1943 год, похороны отца. Справа – дядя Вася, я (4 года) – на руках у мамы, брат Стасик (6 лет) – у дяди Захара, рядом стоит бабушка, крайняя слева – тетя Нюра; во втором ряду слева у тети Оли на руках сестра Надя (1 м-ц), за ней муж Ольги и дети дяди Васи, брата отца.

Погиб он на рабочем месте в 1943 году, в возрасте 30 лет. На производстве его смерть не оформили как несчастный случай, а мама, имея на руках троих малолетних детей, не могла ходить этого добиваться. Нам была назначена минимальная пенсия от Райсобеса, а от производства никакой помощи не получали.

ДЕТСТВО

После смерти отца комнату перегородили пополам и нам досталась половина – 8–9 м²,

без отопления, так как вторая половина этой комнаты принадлежала семье брата, где Артём проживал с женой и сыном (позже Артёма забрали на фронт). На их половине осталась печка, к нам же тепло поступало через небольшое пространство над перегородкой, когда они топили печь. А топили они, когда им было угодно. Кроме того, стена нашей комнаты была общей со стеной общественного туалета общежития, а выгребная яма располагалась рядом с нашими окнами. Запахи были невыносимые. В последнее время нашей жизни в этой комнате, через стены, стала просачиваться влага из туалета.

Мама осталась с тремя детьми: Станислав (1937 г.р.), я (1939 г.р.) и младшая сестра Надя (1943 г.р.). Устроиться на работу с маленькими детьми мама не могла. Трудно сейчас передать, что нам пришлось пережить. На помощь добрых людей не приходилось надеяться – все переживали трудное военное время, недостаток был в каждой семье.

Чтобы как-то выжить, мама ходила убирать квартиры обеспеченных людей, оттуда приносила остатки еды. На работу она долго не могла устроиться – не брали, да и троих детей оставить было не с кем. Как только подросла младшая сестра, мама устроилась на работу, часто оставляла нас одних на целые сутки – работала на трех работах, и мы её совсем не видели. Очень рано мне пришлось заниматься домашними делами: готовила обед, нянчила сестрёнку.

В нашей комнате были сделаны нары вагонной системы, как в тёмном купе, на которых спал брат, а над кроватью висела люлька для младшей сестры. Мы росли, ходили в школу, но условий для занятий не было.

В военное время, да и после еще долго выдавали карточки на продукты. Мама получала продукты на месяц и, конечно, их прятала, чтобы растянуть на месяц. Хлеб получала на два дня. Когда принесет хлеб, мы у неё выпрашиваем: «Мама, дай нам сегодня всё, а завтра мы не будем у тебя просить», и так постоянно. Голод не тетка, есть хочется. Брат собирал замёрзший картофель на поле, а тогда не разрешали этого делать, гоняли. Ходил по помойкам, собирал очистки от картофеля, иногда лебеду.

Помню, мама нажарила этой замёрзшей картошки на *гарном*¹ масле - другого не было, а нас потом тошнило.

Через стенку жил дядя Артём со своей семьей. У них в подполе хранилась картошка. Мы с братом придумали вырыть в комнате подпол и оттуда добраться до их картошки. Трудились по ночам, когда мама уходила на сутки на работу, а днем застилали это отверстие ковриком, чтобы не было видно. Таким образом мы добрались до подвала дяди и стали воровать у него картошку. У мамы же потихоньку таскали крупу и все эти припасы прятали в подпол. Когда мама днём уходила на работу, мы на костре варили себе кашу и картошку. Но скоро наши секреты были обнаружены - соседи сказали маме, что мы делаем. Однако в результате получился довольно глубокий подпол, который нам очень пригодился в хозяйстве.

Живя в подвале, мы, дети, часто заходили к живущему на первом этаже в этом же доме дяде Васе (брату моего отца), который вместе со своей женою ходил в храм. Как-то перед обедом дядя читает «Отче наш» подряд 6 раз, спрашивая его: «Ты что читаешь?», он отвечает: «Что написано». Там написано ««Отче наш» страница 6», и дядя 6 раз повторяет «Отче наш», только эти два слова. Таковы были познания моего дяди. Молитвенник, по которому молился, он нам не давал, считая нас недостойными.

Ходила изредка в храм и моя бабушка Параскева (мама моего отца). Жила она отдельно от нас. А в нашем доме не было христианского воспитания детей и никогда никаких разговоров на тему о Боге не велось. Только помню себя совсем маленькой, сидящей в храме, видимо, брали причастить.

Стала ходить в храм «Всех Святых», что на Соколе, примерно с 10 лет. Однажды на Пасху, рано утром, я видела, как играло солнце, а из солнца исходил на четыре стороны крест. Праздничное зрелище!

С первого же посещения храм мне очень понравился, и я постоянно стала туда ходить. В нем научилась всему: от «Господи, помилуй!» до полного порядка богослужений. В то время у меня не было ни духовных книг, ни грамотных верующих среди знакомых. Во время службы я буквально смотрела в рот каждому, произносившему разные возгласы - священнику, диакону, певчим, - и по буквам разбирала то, что они говорят и поют.

Первое, что стала я понимать в церковном богослужении, - «Господи, помилуй» и «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу...». Хор же очень долго не любила, потому что не понимала, что поют. Потом запомнила: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас». Уходя из храма, по дороге домой твердила: «Святой Боже...». И вот я уже ожидала, когда запоют «Святой Боже...», и радовалась всегда, когда слышала его исполнение певчими. Немного позже поняла «Отче наш» и «Богородице Дево». По приходе из храма все молитвы записывала на память. И постепенно они запомнились. Много прошло времени, прежде чем богослужение стало понятно и доступно для меня.

Стоя в храме, я чувствовала, будто я стою среди живых святых - живых в образах, размещенных в храме. Отсюда и желание мое - чаще бывать среди живых святых - побуждало меня во все свободные от занятий дни посещать храм.

В начале моего сознательного прихода к Богу, а это было в 11-12 лет, я еще ходила в кино, бегала с ребятами, играла в разные игры, купалась в Москве-реке. Так однажды, собираясь искупаться, сняла с себя крест и спрятала в бельё, полезла в воду, оступилась и полетела в обрыв, а плавать не умела. Вспомнив, что я сняла крест, стала просить Бога простить меня и спасти. Кое-как выбралась из воды и с тех пор уже крест не снимала, но зато и купаться перестала, чтобы надо мною не смеялись, ведь никто тогда крест не носил. Ходили купаться группой, а одна я боялась. Так за всю жизнь и не научилась плавать.

По мере того как храм стал занимать в моей жизни все место, и я часто посещала его, перестала ходить в кино и играть в игры. Незаметно отошла ото всех друзей моего возраста.

Особенно любила Донской монастырь, уезжала туда на целый день, брала с собой покушать и до вечерней службы проводила там время. В те годы молодежи в храмах практически не было.

В школе училась внешне, а дома и в церкви росла духовно. Однажды на уроке ботаники я задаю учителю вопрос: «Если вы говорите, что человек произошел от обезьяны, то почему в течение 7 тысяч лет больше нет ни одного случая превращения обезьяны в человека, и что это за одна обезьяна?». На этот вопрос он мне не ответил.

¹ Гарное масло - техническое масло, под видом растительного, деревянного. Появилось в России в 1870-е годы.

МАМА

Мама, Мария Степановна Звонкова, была красивая, щёки всегда горели румянцем.

К сожалению, мама потеряла веру, которую имела в родном доме, и потому легко шла на соблазны ради пропитания детей. Говорить о вере, о церкви не приходилось. Мама жила жизнью мирской, о Боге думать было некогда.

Надо заметить, что всякий раз, когда в присутствии мамы я принималась читать вслух книги религиозного содержания, о христиан-

ность слышать эти повествования. И это - всякий раз, всегда!

В храме я усердно молилась Богу о том, чтобы Он привел к вере мою маму, дал ей болезнь для вразумления.

В 1953 г. моя мама жила с Никитой и, забеременев от него, решила сделать аборт. Я узнала об этом и уговаривала ее не делать этого, но мама не соглашалась. Тогда я, став перед нею на колени, со слезами просила ее сохранить ребенка, обещая, что буду сама ухаживать за ним - ведь мне уже 14 лет. В конце концов мама склонилась на мои доводы и 27 января 1954 года разродилась мальчиком, которого назвали Сережей.

Мама и её тогдашний муж Никита постоянно высмеивали меня за то, что я верила в Бога и ходила в церковь. В первой половине 1954 года я часто (даже коленапреклоненно) докучала маме, чтобы она прогнала от себя безбожника Никиту, обещая ей всецело взять на себя заботу о Сереже (Никита ежедневно вывозил Сережу в коляске на прогулку).

Мама согласилась, и со второй половины 1954 года отец Сережи, Никита, у нас в чулане больше не появлялся. Но среди родных поднялась буря, что я слишком молода решать такие вопросы (мне было в то время 15 лет), что я совсем не знаю жизни и сама стану такая, когда мне будет 17-20 лет. Вопрос был действительно серьезный - Сережа рос без отца и без всякой материальной помощи от него.

Не меньшую бурю я переживала внутренне, учитывая, что все окружающие желали мне самого плохого. Я еще горячее стала молиться, почти с отчаянием: неужели Господь меня не спасёт? Молитва моя стала почти дерзкой. Я говорила: «Господи, вот я сегодня Тебя прошу - спаси меня! Тебя называют Всемогущим, Всесильным, а какой же Ты Всемогущий и Всесильный, если человек Тебя просит, а Ты не слышишь? Неужели люди не молились Тебе, но почему же тогда погибают? Тогда зачем же молиться Тебе?». Но тут я

понимала, что здесь что-то другое, ведь Он неоднократно подтверждал мне, что слышит мои молитвы.

Во втором ряду третья справа – моя мама

1951 год. Маме 38 лет, мне 12 и сестре 8 лет.

ской жизни, о Христе, [2] она тотчас же засыпала да еще и начинала храпеть, оказываясь в положении как бы вовсе утратившей способ-

Тогда, не разбирая в чем дело, я еще горячее стала Его просить о спасении. Мне все упорно твердили, что я скоро всё брошу и сама буду такая же, как моя мама. Но я просила, чтобы Господь сотворил чудо и сохранил меня, как Ему угодно, среди этого развращенного мира для прославления имени Его Святого, или пусть сейчас же возьмет меня к Себе, так как я очень хочу спастись. Я также усиленно молилась Божией Матери, чтобы Она любыми судьбами меня спасла. Предстоящая жизнь меня по-настоящему пугала.

Чем больше мне говорили, чтобы я бросила церковь, тем усерднее я старалась делать все наоборот. Годы с 12 до 17 лет были годами горячих молитв и подвигов. Устава я не знала, но постилась строго, один год даже не ела с Великого четверга до Пасхи, ежедневно читала акафист Божией Матери «Нечаянная Радость».

Этот период, пожалуй, самый золотой в моей жизни. Я не молилась, просто горько-горько плакала о том, что трудно спастись - вокруг я не видела примера для подражания, горевала, что нет руководителя, и готова была пойти на любые подвиги, но только под руководством.

Господь по моей молитве совершил несколько чудес. Одно из них - обращение мамы к вере. Это было всем на удивление. Произошло это так.

Мама тяжело заболела: признавали рак желудка. Она не спала ночами и уже не могла лежать на постели, а только сидела. 27 октября 1954 года мы перешли в новую комнату 16,7 м², светлую и теплую. Маме становилось все тяжелее и тяжелее. Чувствовалось приближение смерти. Мама была в постоянном озлоблении на всех и часто раздражалась. Помню, сижу я рядом с ней на постели и улыбаюсь от радостного сознания, что Господь услышал мою молитву и послал маме болезнь для врачумления, а она полусидит в подушках и говорит мне: «Паршивая девчонка! Мать умирает, а она смеется. Останетесь одни, узнаете, что такое мать». Но я ей сказала: «Ты не умрешь. Пойдем в храм - исповедуешься, причистишься, и вся твоя болезнь пройдет». Мама, однако, мое предложение отвергла и, страдая от болезни, еще больше озлоблялась.

1 января 1955 года мы с мамой - первый раз в её жизни - поехали к преподобному Сергию в Троице-Сергиеву Лавру. Она исповедовалась, причастилась и, приложившись к мощам преподобного, почувствовала себя совершенно здоровой - исцелилась.

Когда же вернулись в Москву, у мамы, уже здоровой, появилось сомнение в чудотворном исцелении. Она стала себя убеждать в том, что-де не чудо произошло - просто болезнь прошла сама по себе, случайно совпав со временем посещения Лавры. И вновь началась у неё болезнь желудка.

С каждым днем состояние ухудшалось: было совсем плохо: охи, ахи, рвота, боли в животе и бессонные ночи.

«Прости меня, Господи!» - наконец вырвалось у нее. И тут же ко мне обратилась: «Вези меня к святителю Алексию в Патриарший собор!» Поехали. Там исповедовалась, причастилась и вновь обрела исцеление: возвращалась из собора здоровая и довольная.

Спустя два месяца сомнение опять заползло в душу мамы относительно происшедшего с нею исцеления в соборе. И к ней вернулась болезнь желудка в тягчайшей форме. Врачи не могли помочь, не помогали и лекарства.

По совету верующих повезла её во вторник на акафист перед иконою Божией Матери «Споручница грешных» (что в церкви свт. Николая в Хамовниках). Там, помолвившись и приложившись к чудотворному образу Богоматери, выпив тут же флакон масла из лампы пред образом, мама стала вполне здоровой уже окончательно. Конечно, много раз и после этого она жаловалась на боли в ногах, в спине, в области сердца, но никогда уже желудок не болел.

С той поры мама по-настоящему начала жить как православная христианка: молиться дома, посещать храмы, соблюдать посты и причащаться, стала доверительно прислушиваться к разговорам о христианской вере и о жизни по этой вере.

С 1962 года жизнь мамы стала проходить под руководством отца Михаила Труханова, в то время он служил в храме «Всех Святых» у метро Сокол. Мама старалась в точности исполнять все послушания батюшки, а он вёл её по пути духовного совершенства. Достаточно сказать, что в свои 83 года она не соглашалась перейти жить к своим четырем детям, которые звали её, но жила одна (чтобы не быть никому в тягость, и чтобы ей не мешали выполнять свои правила), сама себя обслуживала и выполняла ежедневно молитвенное правило: кроме утренних и вечерних молитв молитва Ангелу-хранителю на каждый день, пятничные молитвы, рядовые Апостол и Евангелие, кафизма и библейский час (т.е. час чтения Библии), более 2000 Иисусовых молитв. За последние годы жизни Библию она прочитала не менее 15 раз.

1956-й год. Маме 43 года

Отец Михаил дал ей сначала сто Иисусовых молитв и постепенно прибавлял. Когда количество молитв дошло до тысячи, мама пришла к нему и просит: «Отец,ними с меня такое большое правило, нет больше сил его выполнять». Батюшка ей говорит: «Я не сниму с тебя, а ещё добавлю». Тогда она взмолилась: «Ой, нет, нет, буду выполнять, только больше не добавляй». И стала объяснять, что у неё ведь тоже дела: готовить надо, стирать, а когда же всё выполнять? Отец Михаил ей и объясняет: «А ты вот как: сядь и посчитай, сколько ты Иисусовых молитв прочтешь за час, ну, скажем, 500. Пошла стирать - молись. Пробыла в ванной два часа, вот тебе и тысяча Иисусовых молитв. Готовишь обед два часа - вот тебе ещё тысяча молитв».

Маму я навещала примерно раз в неделю. Приду к ней, чай попьём, поговорим, времени пройдет с час, она мне говорит: «Ну всё, теперь уходи, больше нет времени с тобой разговаривать, у меня ещё не вычитано правило». Говорю: «Мама, да я к тебе так редко хожу». Она мне отвечает: «А о чём нам говорить-то? По-пустому - незачем, а какие у тебя дела? Каяться да молиться надо». Так и ухожу я от мамы, ни о чём не поговорив. Не любила она праздных разговоров.

Однажды поехала она в храм Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Ордынке и там упала, ударилась лицом о каменный угол колонны. Приехала я к ней и не узнала: гематома во всё лицо сине-багрового цвета, глаз не видать. Говорю маме: «Тебя надо срочно везти в больницу». «Никуда я не поеду, - отвечает

она. - У меня есть крещенская вода и молитвы отца, и достаточно, а там - что будет, то и будет». По её вере примерно через неделю у неё всё прошло.

В следующий раз еду я на троллейбусе в храм на Ваганьковском кладбище. Вышла на остановке, перехожу на другую сторону, смотрю - посреди дороги (там двустороннее движение) лежит бабушка. Подхожу, а это моя мама. «Мама, да как же ты упала?» - спрашиваю её. - «Да вот бежала, торопилась ко всеобщей, чтобы не опоздать». А ей тогда было 80 лет.

На службу она ходила к ранней Литургии, ехала всегда с первым транспортом, приходила в храм до открытия его. Так однажды первый автобус № 60 шёл раньше, чем по расписанию, ей пришлось бежать, она упала и сломала правую руку. Никакие уговоры не бегать на неё не действовали.

Вообще она не ходила, а почти бегала. Нам в жизни пришлось не один раз менять место жительства. Одно время мы до трамвая добирались 10 минут пешком через парк. Идём мы с ней к ранней обедне, выходим из дома вместе, она палку - в руки, слегка нагнётся - и бегом. «Мама, мама, - кричу ей, - да я за тобой не успеваю». Но нет, она мчится вперед. И часто уезжала трамваем раньше, не дожидаясь меня, всегда боялась опоздать к обедне.

А был и такой случай. Жила она в квартире с соседями. Я звоню и спрашиваю: «Мама, как здоровье, что тебе надо купить, принести?». Она совершенно спокойно отвечает мне: «Да вот, мне наложили швы на голове. Таня (соседка) отвела меня в больницу, а так ничего». «Что случилось?» - задаю вопрос. - «Да я гвоздём голову проткнула. Сильно кровь текла».

В комнате высокие подоконники, в одной из рам вместо шпингалета был вставлен гвоздь очень большого размера. Рама была открыта, мама убирала под окном и, поднимаясь, проткнула голову этим гвоздем.

В 82 года ей делали операцию и удалили опухоль с мочевого пузыря. Когда врачи долго решали, оперировать или нет, она их уговаривала не волноваться за исход операции. Объясняла им, что без воли Божией ничего не бывает, что смерти она не боится.

Зрение у неё сильно ослабло, и вычитывать правило ей стало совсем трудно. Но за год до её смерти произошло следующее событие. У меня на курсах по обучению клиросному чтению и пению учился А. Его забрали в армию, там у него сложились хорошие отношения с прапорщиком Михаилом, которого он привез

потом в наш храм. Однажды в разговоре Михаил обратился ко мне с просьбой помочь снять для него комнату из-за сложных семейных отношений. Звоню маме и говорю: «Пусти, пожалуйста, на время пожить одного человека. Если не уживётся, то ты его попросишь уйти». Она согласилась, и в тот же день Михаил отправился к маме. Слава Богу, они нашли общий язык, и до самой маминой смерти Михаил жил у неё - более года.

А жизнь их была очень проста. Мама готовила обед, но читать уже не могла, стала плохо видеть. Михаил приходил со службы, обедал и принимался вычитывать маме её правило, это устраивало обоих. Много молитв она знала наизусть. Михаил возил маму на службу в храм каждую субботу вечером и утром в воскресенье и сам стал причащаться. Таким образом, он за год полностью воцерковился. Теперь он имеет семью, четверых детей, работает и ещё поёт в храме.

Мама очень любила петь духовные стихи. Стихотворение «Гора Афон» было её любимым, а особенно куплет:

«А там тебе, афонский житель,
Слуга Мой верный - раб Христов,
Готова райская обитель -
Награда веры и трудов».

Только пела она не афонский житель, а московский житель.

Пришло время её предсмертной болезни и кончины. Господь не оставил её одну, а послал меня в нужную минуту. Михаила в это время отправили в командировку. Приехала я к ней 20 октября 1994 г., был понедельник, час дня. Пообедали, я говорю ей: «Мама, ты иди, ложись, отдыхай, а я помою посуду и пойду». Пошла она в комнату. Вдруг я слышу стоны, бегу к ней и вижу - мама повалилась на кресло, её парализовало. Еле-еле уложила её в постель.

Положили маму в больницу. У неё была только одна просьба: чтобы читали слово Божие. Очень просилась домой, ей хотелось умереть дома. После парализации речь у мамы была нарушена, но я её понимала. И она даже пела свои любимые стихи. Это было удивительно! В своей жизни я видела двух парализованных людей, которые ничего не говорили, но пели [3].

Лежит мама на носилках в коридоре, около кабинета, где ей должны делать рентгеновский снимок головы. Проходит врач, она её зовет. Доктор наклоняется к ней и спрашивает: «Вам что-то нужно?». Мама поет ей стих: «А там тебе, московский житель...». Невольная улыбка появилась у доктора.

Когда забирали маму домой, её проводить вышел весь медперсонал палаты: врач, сестра, санитарка - и говорили, что такой больной у них вообще никогда не было. Она не стонала от болей, не капризничала, только за всё благодарила Бога.

За три дня до смерти едем домой в машине, она что-то хочет сказать, наклоняюсь к ней. Тихо шепчет мне: «Этот водитель не слышал стих "Гора Афон", ты ему пропой». «Хорошо», - ответила я ей.

Привезли её к старшему брату, дежурили по очереди. Смотрю и поражаюсь: у неё синие-багровые ноги до колен и уже холодные. Я не вытерпела и спрашиваю: «Мама, а у тебя что-нибудь болит?». И она призналась: «У меня всё так болит». Я очень удивлялась её мужеству и терпению. Она молча, без единого стона переносила боль.

Последнюю ночь я сидела около мамы и несколько раз прочла канон на исход души. Примерно в пять утра я пошла отдохнуть, меня сменил Михаил. Не успела улечься, как приходит он и говорит: «Валентина Андреевна, мама, кажется, отошла». Она почилла так тихо и спокойно, что он сразу даже этого не понял. Было 18 ноября 1997 г. Хоронили мы её 20 ноября. День был теплый, светило солнце, снег ещё не выпал. Провожало её очень много народа. Пел большой хор, состоявший из моих учащихся. На могиле служили литию. На душе как-то радостно. Очень многие из провожающих её в последний путь говорили мне: «Валентина Андреевна, Вы знаете, мы чувствуем не похороны, а как будто какой-то праздник».

Отец Михаил неоднократно причащал маму, несколько раз соборовал. Верю, что по молитвам отца Михаила моя мама получит милость от Господа - она всеми силами старалась быть в послушании у батюшки.

ИСПОВЕДАНИЕ ХРИСТА

В 1951 году учеников третьих и четвертых классов заставляли поголовно вступать в пионеры. Прием приурочивали к канунам Первого мая и ноябрьских дней.

В школе № 153 (г. Москва, Ленинградский район) при классном руководителе третьего класса Антонине Ивановне, примерно в 11 лет, мне предложили стать пионеркой. Своим умом, а более внутренним чувством я сознавала, что верить в Бога и быть пионеркой нельзя - нельзя быть пособницей безбожных комсомольцев и коммунистов.

Посоветоваться было не с кем. Я решила, что не буду спрашивать священников, не стану их смущать - они побоятся меня и всё равно правду не скажут. Стала думать, как мне поступить. Придумала «заболеть» (искусственно подняв показания термометра до 39 градусов) и остаться дома под Первое мая. На первый раз удалось мне уклониться под предлогом болезни.

В четвертом классе при той же преподавательнице в день приема в пионеры явилась я в школу в старых, худых, оставшихся от отца валеных сапогах 41-го размера и в рваной материнской кофте. Классный руководитель, посмотрев на меня, «подготовившуюся» к приёму, сказала, что в таком виде на линейку (строй школьников на площади перед зданием школы) выходить нельзя - н е у д о б н о , и приём отложили до следующего раза.

В 5-м классе, в 1952 году, я оказалась единственной не-пионеркой. Новой классной руководительницей стала Дина Григорьевна, которая хотела сделать свой класс образцовым, но мешала этому я одна. Учтя мой внешний вид в прошлом году, школой была оказана материальная помощь: мне купили туфли, платье и галстук. И дети собрали и принесли для меня из домов у кого что было. Дали учить торжественное обещание. Я была в очень затруднительном положении. Что было делать? Как себя вести? Несколько раз пыталась сказать классному руководителю, чтобы они не старались, но не хватало мужества. Потом решила так: «Буду ждать последнего дня, а там уж сразу наотрез - будь что будет». Сказать раньше боялась - как бы они меня не уговорили.

Настал долгожданный и радостный день для всего класса - день приёма. Все радовались и веселились, что последняя их ученица будет пионеркой. Спаси их, Господи, много к тому дню они сделали мне хорошего! Только мое сердце трепетало от предстоящего.

Окончились занятия, выстроили учеников, пошли на торжественную линейку. Старшая пионервожатая Эмма объявила, что сейчас будут принимать в пионеры Валю Звонкову. «Валя, выйди вперед и иди к знаменам».

Я выхожу и громко заявляю перед собравшимися: «В пионеры я вступать не буду, потому что я верующая в Бога, христианка».

Мгновенье было гробовое молчание, весь класс повернулся в мою сторону. Никто ничего понять не может, что случилось. «Что ты наделала?! Почему ты раньше об этом нам не ска-

зала? - заговорила после замешательства Дина Григорьевна. - Конечно, пионерская организация - организация добровольная... А теперь - ты нас опозорила...». Но дело было сделано. Школьники по команде вернулись с линейки в класс на последний урок. В классе разговоры не клеились, все молчали... Вскоре все дети были отпущены по домам.-

Впоследствии учительница говорила, что она чуть-чуть не упала, ей было очень плохо - так на неё это подействовало, да ещё оттого, что после оказанного добра я всех опозорила.

О происшедшем много потом говорили на родительских собраниях в школе. Учителя все допытывались у мамы: «Мария Степановна, как это вы упустили дочь, ставшую верующей в Бога христианкой?». Мама отвечала: «Сама я в церковь не хожу. Валя очень самостоятельная девочка - куда хочет, туда и ходит. Мне за нею некогда смотреть - я ведь в двух местах работаю!».

Одноклассники меня любили за то, что, имея хорошую успеваемость по школьным предметам (особенно по математике, участвовала в районной олимпиаде), помогала отстающим. И хотя я была одной из лучших учениц в классе, потом лишали многих наград, но меня это нисколько не огорчало.

После позорного провала третьей попытки сделать меня пионеркой администрация школы явно относилась ко мне с презрением, и когда раздавали учащимся билеты на посещение кино, музеев, Кремля (например, Оружейной палаты - в те годы это была очень большая награда), открыто заявляли, что лишают меня билетов за то, что своей верой позорю школу.

Таким образом, я одна осталась в классе не-пионеркой и в 1954 году успешно закончила 7 классов школы № 153.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА

Когда мне было 3-4 годика, война 1942-43 годы, время голодное, всегда хотелось есть. Папа приходил с работы поздно вечером. Мама ему оставляла покушать. Нас укладывала спать. Я делала вид что сплю, как только папа приходил и садился за стол, я тут же вставала и усаживалась на стул, облокотившись ручками на стол и смотрела как он кушает, сердце отца не выдерживало, и он всегда делился со мной, за что меня мама всегда ругала, но её ругань на меня не действовала, потому что папа меня защищал. Это продолжалось ежедневно, и мама меня прозвала лиса-патрикеевна.

Летят немецкие самолеты с большими крестами на крыльях, кажется, вот-вот заденут крыши домов, летели так низко, что было видно их пилотов, как они бросают листовки, мы, дети, бегаем их собираем. Я была совсем маленькая, но дети были разного возраста и постарше. Листовки призывали сдаваться. Взрослые тут же отбирали их у детей.

Жили мы в общежитии, в подвале находилось бомбоубежище. Было страшно, когда по радио объявляли: «Воздушная тревога», все люди бежали прятаться. Моя мама говорила: «Лучше погибнуть на воле, чем засыпят в подвале», и никогда туда не ходила, но слава Богу, наш дом остался цел. Хотя не далеко от нас был дом, там во время бомбёжки хозяйка ходила с иконой «Неопалимая Купина» и гранаты которые падали около её дома не разрывались, а после бомбёжки приходили саперы и их доставали.

Позже, когда бабушка Параскева приходила к нам домой, и всегда с узелком под мышкой, я её спрашиваю: «Бабушка, а что ты всегда с собой носишь», она отвечала: «Смертный узелок». У неё в разных местах жили дети и она их навещала. Так если, я умру, чтобы не было никому хлопот. Есть в чём похоронить.

ЮНОСТЬ

В 12-15 лет духовная жизнь протекала живо, молилась я в разных храмах, чтобы не быть приметной в одном, - это было небезопасно: если замечали молодежь, то принимались соответствующие меры и на работе, и в учебных заведениях.

Особенно часто я посещала храм Воскресения Христова в Сокольниках, где так умирительно-молитвенно пел хор слепых, и невольно тянулась туда душа моя. Еще любила Новодевичий монастырь. Сам монастырь в то время находился в введении государства, но в нем действовал один храм.

Там от врат до храма сидели нищие и пели духовные стихи, а также продавали их. Так ради них я туда ездила и приобретала духовные стихи, в частности: «Райская птичка», «Восстань и восстань и от сна пробудись» [4] и «Духовные листочки». Однажды один мужчина продавал маленькую Псалтирь на славянском языке с очень мелким шрифтом, но спрашивал по тем временам большие деньги. Помню, долго думала, но решила купить, так как в то время такие книги нигде не продавались, ни в нашем доме, ни у знакомых их

не было. На время давали мне молитвенник, я из него переписывала утренние, вечерние молитвы и правило ко Святому Причащению и снова возвращала владельцу. Грамотных по чтению церковного языка также у меня никого не было. Учиться было негде. И вот эта Псалтирь стала моим училищем.

Знала я, что «Помилуй мя, Боже» - это Псалом 50. Начала карандашом ставить цифры около псалмов, дошла до 50, получилось, обрадовалась. Знала, что в Псалтире 150 псалмов, и так дошла до конца. Затем эти цифры выписала на листочек, и у меня получились церковные числа на славянском языке.

Зная 50-й псалом, я его стала изучать на церковнославянском языке и выписывать буквы под титлами, постепенно учила и другие псалмы, внимательно слушала чтение и пение их в храме, но мало что понимала.

Жили мы в общежитии: 3 коридора по 15 семей, да еще подвал и верхний этаж. Одна общая кухня, где стояли примусы, керосинки, у более зажиточных людей - керогазы. Один общий туалет, выгребная яма была огромная, когда её вычищали, приезжала ассенизаторская машина с цистерной. Мыться ходили в городскую баню. Общение между соседями было тесное. И вот все сердобольные соседи начали проявлять ко мне сочувствие, что, мол, девочка не тем увлеклась. Начались уговоры, воспитания, запугивания, говорили, что это всё - увлечение, которое пройдет, она всё бросит и будет жить, как все.

И чем больше меня запугивали, тем усерднее я стала молиться, чтобы все их уговоры не исполнились. В молитве я просила особенно Божию Матерь, чтобы Она меня спасла любыми судьбами, пусть возьмет мою жизнь - я не хочу жить и грешить, чтобы погибнуть.

Вера моя подвергалась искушениям: в школе постоянно внушали, что Бога нет, и в мое детское сознание вкрадывалось сомнение: а слышит ли Бог мою молитву? Как Он может слышать мою молитву, когда Ему столь многие люди тоже молятся?

Ещё я молилась и просила, что если Господь слышит мою молитву, то пусть покрестится мой двоюродный брат Виктор (сын дяди Артёма, они жили в нашей же комнате за перегородкой). Его родители были неверующими и категорически запрещали его крестить, поэтому было бы действительно чудо, если бы он покрестился. И чудо совершилось: он покрестился (сейчас не помню подробностей).

СЕРЁЖА

Я действительно взяла на себя ответственность за своего брата Серёжу. Носила его в храм, постоянно причащала. Храм, в который я ходила, - «Всех Святых», что у метро Сокол. Принесу его, положу под иконой «Нечаянная Радость», он и проспит всю службу до причастия. Все в храме удивлялись и звали меня маленькой мамой. В семь лет и два месяца, 12 марта 1961 г., он первый раз соборовался у отца Михаила (Ежова) в Малоярославце (к этому времени я уже была знакома с ним).

Справа – Мария, далее отец Михаил (Ежов), затем Нина, жена Дмитрия Прохоровича; слева – моя мама, Евдокия, Полина, стоит в стихаре Серёжа, около него сажу я. Это все мои друзья. 1961 год.

Здесь батюшка благословил его надевать стихарь и прислуживать в храме. Долгие годы он прислуживал в алтаре, читал и пел на клиросе. Тогда мне о. Михаил сказал: «Серёжа вырастет, отойдёт от Бога, но ты не переживай, сейчас такое тяжелое время, а потом он снова вернётся в церковь. То, что в него заложено, не пропадёт». И действительно, вернувшись из армии, он стал другим человеком - неверующим. Но по жизни у него столько было неприятностей, что в конечном счете он осознал, что не просто так на него сыплются все напасти (одной из них была смерть его сына в 16 лет от астмы).

И Серёжа вернулся к Богу. Работая мед. братом на скорой помощи, он имел слабость выпивать. Приходил ко мне, каялся в своей слабости, но опять делал то же. Последний наш разговор с ним был таков. Говорю ему: «Серёжа, пока ты в таком хорошем состоянии (имею в виду покаяние), проси Матерь Божию, чтобы не постигла тебя смерть в таком виде, ведь и мо-

литься за тебя будет невозможно». Не прошло и трех месяцев после этого - Серёжа скоропостижно скончался на работе 18 июня 2015 г.

В то время он работал от Страховой компании Скорой помощи на предприятии, там дежурили сутками по двое. Сидели с напарником и разговаривали до двух часов ночи, потом легли спать, а когда пришла смена на дежурство, Сергей лежал мертвым, - по заключению врачей, оторвался тромб. И что интересно, когда приехала забирать его скорая помощь, там оказался его близкий друг детства Василий, ко-

торый с ним вместе учился. Он был совершенно потрясён, увидев Сергея. Был на похоронах, затем пришел домой и никак не мог прийти в себя, его это очень опечалило. Я с пристрастием спрашивала, что с Серёжей, он однозначно сказал, что причина смерти - тромб, по всем признакам: он лежал тихо и спокойно, и синева уже уходила с его лица. Кто будет это читать, помолитесь о рабе Божием Сергии.

21 января 2018 г. Вижу сон.

Выхожу я из храма (как будто это происходит на Ваганьковском кладбище), подхожу к Георгиевскому храму, а там на улице приготовили всё для молебна. На столике лежит моя записка, где заказано три молебна - Спасителю, Божией Матери, а третьему - не помню кому. И думаю, что не помню, когда я подавала на эти молебны. Священник пошел в храм,

поджидали, когда соберется народ. Люди стали прибывать, уже собралось много. И вдруг я слышу громкий протяжный голос: «Валентина Андреевна!». Я поворачиваю голову и вижу, что это мой покойный брат Сергей. Стоит немного в стороне от народа красивый, молодой, высокий, более чем на голову выше всех, улыбается, мне поклонился. Спустя два с половиной года после смерти он явился первый раз.

Еще при жизни Сергей часто причащал свою внучку Марию, которую очень любил. После его смерти и жена Людмила начала читать Евангелие, соблюдать посты, но до причастия дело еще не дошло, хотя намерение есть.

ДРУЗЬЯ ПО ХРАМУ

В возрасте 14-15 лет у меня появились друзья по храму - тетя Дуся (65 лет) и Мария (45 лет), её дочь. Они стали моими духовными руководителями. По их совету я поступила на курсы счетоводов. Окончив их отлично, по-

ступила на курсы бухгалтеров. Когда и их закончила успешно, преподаватель, как хорошую ученицу, устроил на работу, хотя устроиться было сложно. Мне тогда исполнилось 16 лет. Ко мне везде относились очень хорошо.

Более поздние мои друзья и подруги юности.
Слева – Мария (45 лет), далее – Нина,
жена Димитрия Прохоровича,
потом тётя Дуся (65 лет), затем Полина и я. 1962 год

В это время я стала проявлять большой интерес к христианству и прочитывала с жадностью книги религиозного содержания (Евангелие, Жития святых, Поучения на евангельские темы и др.), какие только мне удавалось достать у знакомых по храму верующих.

Немного позже у меня появились две подруги старше меня – Люба и Полина. Вот весь мой круг друзей.

Друзья и подруги были прихожане храма «Всех Святых» на Соколе, с которыми не расставались в течение всей жизни.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В храме я обычно стояла и молилась в разных местах, но потом мне Мария указала место около иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», около которой я потом молилась много лет. И Матерь Божия даровала мне нечаянную радость.

Весной 1954 г., в мои пятнадцать лет, не имея никаких материальных средств, Мария меня берёт на свой счет поклониться святым местам Киева и Почаева. В поездке много было трудно-

стей, по дороге от Тернополя до Кременца сломался автобус, так и ночевали в поле. Прибыв в обитель, по дороге в скит попали под ливень, промокли насквозь. Вечером пошли на службу, думали, совсем простынем, но Господь поми-

ловал. За ночь ни одежда, ни обувь не просохли, утром опять мокрые пошли в храм, там было так холодно, что ноги примерзали к каменному полу, пили очень холодную воду от Стопочки Царицы Небесной, и Матерь Божия сохранила нас – мы не заболели. Перед отъездом домой отстояли две Литургии, причастились и отправились в обратный путь. Надо было идти 25 км пешком – не было денег на автобус. Пища была скудная – корка от ржаного хлеба. Прошли полпути, сели отдохнуть, съели хлеб и никак не можем подняться от усталости, с трудом встали и пошли дальше. Дорога, по которой шли, полна чудес. А камни по обе стороны дороги имели форму человеческой стопы. По преданию, один поселянин сеял гречку, шла Царица Небесная и спросила сего человека: «Что делаешь, раб Божий?». Он от-

ветил: «Камни сею». Она ответила: «Да будут камни здесь». С тех пор всё это место в камнях в форме человеческой стопы. Набрали их с собой. Всю ночь пришлось сидеть на станции в ожидании поезда. И что удивительно, утром мы не чувствовали никакой усталости. Домой

1958 год. Мои подруги Полина (слева) и Люба, я – справа.

вернулись благополучно. Воспоминаниями о поездке жила целый год, от них душа наполнялась радостью и трепетом.

Начитавшись житий святых, на меня особенно подействовал подвиг монашествующих, и мне невыразимо сильно захотелось принять монашество, но в те годы это было нереально - монастырей практически не было. В миру я старалась нести какие-то подвиги, но меня постоянно предупреждали не делать этого. Особенно просила Матерь Божию помочь мне жить по-монашески в миру, очень горячо молилась. Просила Бога и Матерь Божию, чтобы какими Им угодно судьбами, но спасли мою душу.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В мае 1958 года Господь снова благословил посетить святые места - Глинскую пустынь, Киев, Почаевскую Лавру.

Глинская пустынь была нашей первой остановкой. Страстную и первые дни Пасхи мы провели в уединении от мира с моими друзьями: тетей Дусей, подругой Любой и дорогим отцом Никоном, схимонахом Глинской Пустыни. Обстановка Глинской пустыни напоминает древний уединенный монастырь: глухой лес, строгость выполнения монашеских правил, тишина и благоговейное отношение друг к другу насельников обители. И только дом инвалидов, занимающий одно из помещений, нарушает их покой. Трапеза общая, во время неё читают поучения или жития святых. Молитвенное состояние, тишина и спокойствие наполняют душу. Служба шла по 12-14 часов по афонскому уставу, проповеди - утром и вечером. В Великий четверг я первый раз там соборовалась. В Великую пятницу, когда дряхлые телом, но сильные духом старцы выносили Плащаницу, что творилось в храме! Бесноватые, которые там находились, кричали, стонали, выли разными голосами, то мычала корова, то залаяла собака. Мне было страшно повернуть голову - рядом со мной мычала корова. Впервые я поверила словам, что волосы дыбом могут подниматься. Точно так было здесь: воистину у меня на голове поднимался платок от страха. Когда Плащаницу поставили на место и начали прикладываться, всё утихло, я робко посмотрела по сторонам - кругом стояли спокойно люди, и редко у кого не текли слёзы. Пятница и суббота прошли в подготовке к Пасхе. Святая ночь. Нет ни одной электрической лампочки: звездная, тихая, теплая весенняя ночь, тишина во всем лесу. Вдруг раздаются удары деревянных бил, и торжественное шествие с пением

«Христос Воскресе» двинулось в темноту леса вокруг храма. Чувства, которые переполняли душу, невозможно описать, ощущение, что ты на небе.

Так прошли страстные и первые дни Пасхи. У Марии тут был знакомый ей отец Никон, мы у него часто бывали. Он меня спрашивает: «Ты любишь монастырь?». Я отвечаю: «Очень». Он говорит: «Будешь, будешь игуменьей, но смотри - никаких подвигов не бери, лучше согрешить и покаяться, нежели иметь мнимые подвиги, которые ведут к высокоумию». Была на исповеди у отца Серафима, он мне сказал то же самое: «Подвигов, смотри, никаких не бери, ни поста, ни лишних молитв, а то и на копейку не сделаешь, а тщеславия и гордости будет на рубль».

В конце недели у меня отекли ноги, стали как бревна, обувь надеть не могла.

Из Глинской мы отправились в Киев, посетили все святые: Киево-Печерскую Лавру, Покровский, Флоровский, Введенский женские монастыри, Владимирский собор и другие святые Киева. Оттуда направились в Почаевскую Лавру.

В Почаеве пришли на благословение к схииеромонаху Николаю, а он и говорит: «У, Валентина - монашеское имя» (хотя Валентина - мученица). Я думаю: «Про какое монашество он говорит, когда и монастырей почти не стало?». Следует заметить, что в эти годы всюду монастыри закрывали, монахов выгоняли из обители, и не только выгоняли, но и сажали. А Мария отвечает, что можно и не быть в монастыре, а образ жизни вести монашеский.

Путешествовали мы три недели.

ДИМИТРИЙ ПРОХОРОВИЧ

В храме «Всех Святых» осенью 1954 г. (мне 15 лет) я познакомилась с Димитрием Прохоровичем, у него брала читать духовные книги.

Он постоянно навещал больных, с которыми познакомил меня. Это две парализованные сестры Анна и Пелагия, которые лежали по 20 лет прикованными к постели, а за ними ухаживала их мама Татьяна Михайловна. И когда они умерли, как она рыдала и говорила, что еще бы столько же ухаживала за ними, ей это было не в тягость. Вот что делает христианская родительская любовь! Навещала я их до смерти.

Димитрий Прохорович был старше меня более чем на 20 лет. Часто посещал наш дом, очень любил Сережу. И так как жил один, свою любовь отдавал нам, помогал везде и во всем. Как старший друг, давал много советов

в письменном виде. Им написано много духовных стихов, любил фотографировать (все фото здесь - его работы).

В это время я особенно любила Донской монастырь и там служившего отца Николая Голубцова [5], у которого находилась под руководством до перехода к отцу Михаилу (Ежову), пользовалась его советами. Вот некоторые из них: не читай светской литературы, не заводи со многими дружбу, читай святые книги и делай из них себе выписки. Что я и делала - у меня тетради выписок из книг.

Подхожу однажды и говорю: «Батюшка, благословите нас дружить как брат с сестрой с Дмитрием Прохоровичем», а он говорит, что такая дружба Церковью запрещена и он не благословляет. Спросил, сколько мне лет? Говорю: «17». - «До 18 - ни замуж, ни в монастырь, а в храме до 30 лет работать не благословляю, пока духовно не окрепнешь, а то в храме много искушений».

В 1958 г. Дмитрий Прохорович познакомил меня с отцом Михаилом Ежовым, к которому мы втроем, вместе с Серёжей, ездили в Малоярославец.

Дмитрий Прохорович занимался толкованием Апокалипсиса. Я от отца Владимира Родина получила пишущую машинку и печатала, правда плохо, эти толкования. Отец Михаил возмущался его трудами, потому что в своих толкованиях он постоянно использовал цитаты светских писателей и мало уделял внимания святым отцам. Отец Михаил говорил: «Митька не слушает, в прелесть впадёт». Но мы продолжали свое дело.

Постепенно увлеклись дружбой до такой степени, что потребовалась посторонняя помощь, чтобы остановить наше безумное увлечение: с одной стороны - его духовный отец Михаил, а с другой - Мария.

Мария видела сон. Как будто я иду по дороге, с обеих сторон - лес, направо свет сияет, а налево тьма непроглядная, и я поворачиваю на левую сторону и ухожу всё глубже и глубже в чащу леса, во тьму. Мария кричит мне: «Валя, куда ты идёшь?», взяла меня за руку и повела назад.

До этого дня я видела сон. Икона Божией Матери, то ли «Казанская», то ли «Нечаянная Радость», и какая-то невидимая рука меняет лампаду серебряную на золотую. Икона будто

В центре справа - отец Михаил; во втором ряду справа стоит Дмитрий Прохорович, первая слева за столом - Нина, его жена [6], за ней я, за мной - моя подруга Полина.

живая, а я стою около неё с непокрытой головой и распущенными волосами (для меня это было уже неприемлемо).

После этого пришлось порвать дружбу с Дмитрием Прохоровичем. Спустя некоторое время, по благословию отца Михаила, он женился.

Друзьями мы остались, но на дальнем расстоянии. С моим переходом к отцу Михаилу Труханову наша дружба совсем прекратилась. Прошло много лет, я совсем ничего не знала о его последующей жизни, как-то и молиться за него перестала. Не знала и о его кончине. В июле 2013 года вижу сон. Я в комнате, передо мною открытая стена, стою на краю. И как будто бы снизу на каком-то полотне кто-то поднял Дмитрия Прохоровича. Он лежит очень бледный, и вид его очень страдальческий. Происходит разговор на мысленном уровне. Он как бы спрашивает меня: «Ты хочешь знать, как я живу?». Было ясно, что вид его о хорошем не говорит, т.е. просто беда. Я отвечаю: «Да, я вижу». И его снова на этом полотне опустили под пол.

После этого я стала его поминать довольно-таки часто, заказывала сорокоуст. Прошло какое-то время, и я его видела уже стоящим среди людей. Помогите ему, Господи!

ОТЕЦ МИХАИЛ ЕЖОВ

В 1958 г. с отцом Михаилом Ежовым - последним из послушников Оптиной Пустыни перед её закрытием - меня познакомил Дмитрий Прохорович. Рукоположен батюшка был

почти в 60 лет. Во время нашего знакомства ему было более 70 лет и он служил в Малоярославце.

Отец Михаил Ежов

И у меня было к нему полное расположение. Стал он меня останавливать от подвигов, говоря, что подвиг мой не по разуму, что он не для этой жизни, нужно идти средним - царским - путем. Достаточно утренних и вечерних молитв и по возможности навикать Иисусовой молитве, также и пост держать по силам. Относительно всяких плотских грехов - в них нужно просто каяться, так как они присущи всему человечеству, и только один Бог без греха, не нужно об этом много задумываться. Монахам надо строго следить за собой, а мирянам - быть добрыми, милостивыми, всех любить. Так понемногу я стала оставлять свои правила, переходя на более легкий путь, а то, думаю, и вправду как бы не погибнуть.

В те годы телефонов у нас не было, отец Михаил служил далеко, часто к нему не поедешь, и поэтому общение было письменное. В результате у меня сохранилось множество писем, благодаря которым я росла духовно, и по сей день я их перечитываю.

В его храм, только что открытый после запустения, отцы нашего храма пожертвовали иконы, семисвечник, деньги (в частности, настоятель - иконы, отец Владимир Родин - деньги).

Мои друзья стали мне давать книги. Так, Жития святых я читала не отрываясь всё свое свободное время, так же и другие книги. Я уже хорошо научилась читать по-церковнославянски. Многие годы стоя в храме на богослужении и ничего не понимая, я просто мучилась, поэтому решила, что если когда-нибудь мне придется читать в храме, то буду выговаривать каждую букву, чтобы люди понимали, что читается.

Отец Михаил мне постоянно говорил: «Читай, вникая в смысл читаемого, сама молись, тогда и слушатели будут молиться вместе с тобой». И, слава Богу, я старалась это исполнять. Посещая отца Михаила, за неимением там других чтецов, начала читать в сельском храме. Впервые читала часы, шестопсалмие и другие молитвы.

Давая благословение на чтение в московском храме, он сказал: «Не знаю, будешь ли ты петь, но ты будешь чтица и не уходи с левого клироса». Так во исполнение его благословения я и осталась чтецом, хотя много было порывов уйти в певчие, даже пела в правом хоре, а потом меня вежливо попросили вернуться на левый клирос, объясняя, что там я - на своем месте.

Позже, когда я уже стала читать в московском храме, то читала много, чтецов молодых совсем не было. Голос у меня был слабый, а храм большой и всегда много народу, так как на всю большую округу был один храм - «Всех Святых» на Соколе, и я привыкла читать через нос, т.е. гнусавить. Мне казалось, так сильнее идет звук. И вот я зачитала гнусавым голосом.

Однажды приехала в храм к отцу Михаилу Ежову в Малоярославец. Ехала после работы и, конечно, на службу опоздала. Вхожу в храм, мне дают часослов - читать шестопсалмие. И вот я зачитала гнусавым голосом. Отец Михаил из алтаря как закричит, передразнивая мое чтение «Слава в вышних Богу»: «Что это за «слава», читай как следует!». Я остолбенела, а по другому-то не могу, уже разучилась. Не помню, как дочитала до конца. И потом уже всегда читала как следует.

Но этот опыт мне пригодился в дальнейшем. У нас в храме «Воскресения Словущего» на Ваганькове, был алтарник Константин. Позже он был рукоположен и служил в Нижегородской епархии. Прошло немного времени, и он приехал к нам на престольный праздник. И так же, как я, гнусавил. Как же было противно его слушать!

Вечером я ему звоню (я имела его телефон по службе) и говорю:

Около дома отца Михаила, в Малоярославце. 1959 год.

«Отец Константин, что с тобой? Тебя невозможно слушать». Значит, и меня невозможно было слушать, а я ведь много читала в храме, и никто не сказал. Вот такие у нас чтецы. Он поблагодарил и удивился, почему ему никто никогда не сказал, хотя он много служил с другими священниками.

У отца Михаила я окормлялась с 1958 года.

А вот одна из трудностей тех времён. Его около восьмидесяти лет отправили служить в Сыктывкар. Правда, пробыл он там очень малое время, не по его силам была такая командировка, но как факт это имело место. Вот фото, где мы его провожаем на вокзале.

Ярославский вокзал, проводы отца Михаила в Сыктывкар. Он в первом ряду третий справа. 1960 год

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

1958-1959 гг. Мне 20 лет.

В нашем храме «Всех Святых» проходил практику семинарист Александр, и отец Павел предложил мне выйти за него замуж - ему необходимо рукополагаться, а для этого надо жениться. Мама обрадовалась, стала готовить платье и прочее к свадьбе. Но я решила без благословения старца не решать сама этого вопроса. Хотя я и имела отца Михаила как духовника, но мне хотелось узнать Волю Божию у святых старцев.

В это время в Псково-Печерской обители подвизались старцы схииеромонах Симеон и отец Савва, к которым все ехали за благословением. Вот в мае 1959 г. Господь сподобил меня посетить Псково-Печерский монастырь, чтобы решить свой вопрос.

Псково-Печерская обитель замечательна своим месторасположением. Храм Архангела Михаила находится наверху, а все остальные храмы - внизу, между двумя высокими холмами. Красота сказочная! Поместились мы в гостинице (была с тетей Дусей), в свободное от служб время ходили на послушание. Работали на самом видном со всех сторон месте, как ни старалась вести себя строго, а молодость берёт свое, нет, нет да и посмотришь на молодых монахов. Заметил это о. Савва и говорит тете Дусе: «Плохого ничего не скажешь, а молодость есть молодость, да и молодые послушники проходят, посматривают, лучше от греха уехать». (Да ещё она ему сказала о моей дружбе с Дмитрием Прохоровичем). Хотела остаться на Пасху там, а приходит тетя Дуся и говорит, что собирается уезжать домой, и осторожно передала мне слова отца Саввы. Как ножом подкосила она меня, залилась я горькими слезами и пошла к батюшке, говорю: «Благословите меня в дорогу». Удерживать меня он не стал, благословил, дал наставление в свой храм не ходить до Троицына дня. Пошла от него, обливаясь слезами. Люди смотрят. Наскоро собралась наутро уезжать. Иеросхимонах Симеон был болен и никого не принимал, собственно говоря, я к нему

меня посетил Псково-Печерский монастырь, чтобы решить свой вопрос.

и ехала. Стоим мы в храме, и вдруг по секрету говорят, что о. Симеон отъезжающих завтра благословляет. Нам посчастливилось, нас он принял, зашли мы и с нами еще одна паломница, сердце мое разрывалось от внутренней скорби - жаль расставаться с обителью, от оскорбленного самолюбия, а самое главное, что делать - идти замуж или нет. Стоим мы в прихожей его кельи, они с ним разговаривают, а я не слышу, о чем они говорят, только молюсь в душе: «Господи, прости меня! Дорогой батюшка, помолись, что мне делать?». Только прошу Господа решить мою проблему - идти замуж или нет? А сама решила - не буду его спрашивать ни о чем, что сам скажет, то и будет волей Божией. Благословил нас всех иконочками, дал по просфорочке, их проводил, а меня завел вовнутрь своей кельи, потом взял своими слабыми руками мою руку, да так крепко, что через телогрейку я почувствовала силу его руки, проводил до двери своей кельи и говорит: «Замуж не ходи, не подавай соблазна мужчинам. Будешь, будешь белая монахиня». После такого приема старца я летела, как на крыльях, счастливая, всю скорбь как рукой сняло.

Вернулись домой, от замужества я отказалась. После этого семинарист Александр ушел из нашего храма, ему было неудобно.

ХРАМ «ВСЕХ СВЯТЫХ».

НАЧАЛО СЛУЖЕНИЯ В ХРАМЕ

16-18 лет. Все свои отпуска я брала Великим Постом - или с первой недели, или со Страстной, как получалось по работе. И всё время проводила в храме. Никогда ни в один отпуск я никуда не ездила отдыхать.

Отец Михаил (Ежов) велел мне идти к своему батюшке в храме «Всех Святых», чтобы взять благословение на клирос. «Насчёт пения - не знаю, а чтица из тебя будет хорошая». Но я отказалась. Прошло еще время, и батюшка настойчиво приказал мне идти на клирос.

18-19 лет. Прошли еще годы, отец Михаил говорит: «Иди читать в храм в Москве. Скажи: «Благословил священник»». В храме «Всех Святых» регентом была монахиня Параскева из закрытого Страстного монастыря. Ей в то время было около 80 лет. Вечером, перед службой, подхожу вся в волнении. Говорю, что сказал батюшка. Она мне и отвечает: «Ну, иди, читай шестопсалмие, посмотрю, что ты знаешь». Взяла я книгу первый раз в этом храме, пошла читать на середину храма, а это не деревенский храм, где три бабушки, храм «Всех Святых» был всегда полон народу. Свет погасили, тем-

но. Свечу взять не догадалась, да и не смела в первый раз. Начала читать, хорошо, что по молодости была хорошая память. Читала почти наизусть. Под коленками дрожит. Книга в руках прыгает, ничего не вижу. Кое-как прочла. Подхожу к клиросу передаю ей книгу, она довольно грубым голосом мне говорит: «Ну, ничего, становись на клирос». И с этого дня вся моя жизнь - на клиросе.

ИСКУШЕНИЕ С ПЕНИЕМ

На клиросе я была основным чтецом, так как молодежи совсем не было, одни пожилые женщины и те - малообразованные. Вот интересный пример. Держит певчая ноты вверх ногами, т.е. сверху вниз, и поёт по ним, ей говорю: «Тётя Таня, ноты поверните». Она отвечает: «Я и так пою», а держит она их так потому, что это её ноты, они с кляксой, поёт по памяти, а в нотах мало что понимает.

Я о себе, как чтеце, уже что-то воображала. Но вот был престольный праздник правого придела в честь иконы «Всех скорбящих Радость». Клирос очень маленький, на праздник собрались певчие, пели и монахини. За неимением места меня попросили с клироса уйти. Мне настолько было это обидно, что вот я им нужна только тогда, когда на клиросе никого нет, а вот собрались - и я уже не нужна. Всё, пойду учиться петь! Надо сказать, у меня совершенно отсутствует музыкальный слух. Недалеко было музыкальное училище им. Чайковского, и вот вечером я отправилась туда, чтобы договориться об учебе у них. Прихожу. - Что вам надо? - Хочу учиться пению. - Хорошо, давайте мы вас послушаем. - Послушали и сказали: - Нет. Оттуда я шла, заливаясь всю дорогу горькими слезами. Но сама решила, что на клирос я больше не пойду, коли я там не нужна. Прихожу на вечернюю службу. Стою в конце храма, около свечного ящика, проходит одна наша певчая, Анна, и спрашивает, почему я не иду на клирос? Я ответила: «Больше туда не пойду, мне там делать нечего». Она взяла меня под руки, потащила силой на клирос и говорит: «Тебя поставила туда Сама Матерь Божия, как ты смеешь уходить? Мало ли кто что скажет, не обращай внимания ни на кого, как бы тебя ни обидели».

Прошли годы, и я вспомнила в детстве первое свое занятие по музыке. Недалеко от нашего дома-общежития жила Валентина Владимировна в отдельном доме, из бывших господ. Меня она видела в храме, и как-то пригласила к себе. Она человек интеллигентный, играла на

пианино, и я попросила меня поучить. Помню первое занятие, она нажимает на ноту «до», а я произношу что-то невообразимое. Мама спрашивает её: «Какие успехи у моей Вали?». Она отвечает: «Вы её не расстраивайте, у неё нет совершенно музыкального слуха, но ко мне она пусть ходит». Мы с ней дружили долго, пока её дом не пошёл на снос, и она переехала на другое место. Она мне рассказывала много интересного. Во время бомбёжки её мама ходила вокруг дома с иконой «Неопалимая купина». Падали бомбы в сад около дома, но не разрывались, после приходили саперы и вырывали бомбы из земли. Ещё она рассказывала, что её родители из дворян, но очень добрые люди и всю свою жизнь прожили в такой любви и заботе между собою, что подобного она в жизни не встречала, имели много крестьян, которые у них работали, когда была революция и их пришли раскулачивать, то все крестьяне встали на защиту и не позволили их трогать, и все остались с ними.

Здесь же Господь и утешал. Однажды был такой случай.

Великий Четверток. Утром, уходя в храм, я попила святой воды, – мне же надо много читать. Идет Литургия – причастие, причащаются буквально все молящиеся в храме. В то время я еще не знала, что это день установления Таинства Евхаристии и нужно всем причащаться. Но я так загорелась, мне так захотелось причаститься, что я забыла и про исповедь, и про то, что утром попила святой воды, пошла, тоже причастилась, и мне было так хорошо! И только спустя какое-то время я вспомнила, как, не подготовившись, я причастилась, в чём потом исповедовалась.

Однажды на Пасху, это был 1964 год, стою я вторую обедню, служба шла в приделе «Всех скорбящих Радости». Очень устала, ноги подкашиваются, я чуть-чуть не упала, стою ворчу: «Вот, люди зарплату получают и давно дома спят после ночной, а я чего ради стою и падаю?». В алтаре на жертвеннике стоит образ святителя Гермогена Московского. Я невольно бессознательно смотрю в алтарь и вдруг он, точно живой, мне говорит: «Ты что ворчишь? А как же мы трудились?». И вдруг мне стало так хорошо, куда делась вся усталость, я ещё отстояла третью обедню и не хотелось идти домой.

ХРАМ «УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ» В ВЕШНЯКАХ. 1968-1970 ГГ.

К этому времени ушли в мир иной мои духовники – отец Михаил Ежов, отец Владимир

Родин. В нашем храме служил отец Павел (фамилию не помню), его перевели в храм Успения Божией Матери в Вешняки, и он уговаривал меня перейти с ним. А в это время у нас был новый строгий настоятель, и однажды он сказал мне, что я здесь – пустое место. Мне было так обидно, что я все-таки перешла с отцом Павлом в другой храм. И хотя настоятель потом много раз просил меня вернуться, но я не согласилась. И так с 1968 года до смерти отца Павла я трудилась в Вешняках.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР РОДИН

О нашем безбожном времени много написано, о том, как тяжело было верующим и особенно духовенству. Казалось, что уже не осталось истинных пастырей, так как их всех вербовали, и верующие к ним относились с подозрением. Примеров этому много. Но Господь хранил Своих избранных, а им давал мудрость незаметно совершать путь спасения себя и своих пасомых.

В нашем храме служил отец Владимир Родин, настоящий верующий человек, очень благородный, интеллигентный и довольно красивый. Внешне он не походил на подвижника, вел себя как обыкновенный человек. Ходил всегда в шляпе и длинном летнем пальто, под ним он прятал подрясник, а под шляпой скрывал длинные волосы. Интересно он их маскировал: волосы, которые видны из-под шляпы, были короткие – он их стриг, а вверх подбирал длинные волосы, и наружно их не было видно.

Так как к отцу Михаилу я не всегда могла поехать в Малоярославец, то стала с вопросами обращаться к отцу Владимиру. С ним мы были знакомы давно – еще в 1954 г. он освятил нашу комнату и, когда уходил, то деньги, которые мы ему дали, оставил у нас под подушкой. Когда у о. Михаила Ежова был ремонт храма, я подошла к о. Владимиру и спросила, не может ли он помочь на ремонт? Он мне дал 1000 рублей – в то время это были очень большие деньги, я была удивлена, ведь он меня еще не знал хорошо и мог во мне сомневаться – в то время мне было всего 18-19 лет.

Однажды Великим Постом мне пришлось быть у него в гостях, и как же я была удивлена, когда он приготовил кашу без масла, ничего скоромного на столе не было. А проще сказать, кроме каши, просто ничего не было.

Отец Владимир познакомился ближе с нашей семьей, особенно благотворное влияние он оказывал на Сережу. Сережа его очень любил. Он стал помогать нам материально. По сей

день хранятся его подарки (в частности, пишущая машинка, на которой я много трудилась для Димитрия Прохоровича и для отца Михаила Труханова). Предложил нам воспользоваться его дачей, так как по семейным обстоятельствам они дачей не пользовались. Так в продолжение долгого времени и после его смерти мы пользовались этой дачей.

Когда в 1962 г. Хрущев обещал закрыть все храмы, я обратилась с беспокойством к отцу Владимиру: «Батюшка, что же нас ждет?». А он спокойно мне сказал: «Ты не переживай. Обещали оставить храмы для доживающих пенсионеров, а их каждый год на пенсию уходит много, так что храмы ещё будут». И, надо сказать, я успокоилась.

В 1963 г. отец Владимир отправил меня отдохнуть в Одессу, оплатив все расходы, так как здоровье мое уже было подорвано, а я никогда нигде не отдыхала, нагрузки же были большие.

Потом его перевели из нашего храма, и через полгода, 9 февраля 1966 г., после операции на желчном пузыре (врачи говорили, что операция прошла хорошо), он внезапно умер.

Я за него молилась, и Господь утешил меня. До 40-го дня вижу сон. Идет отец Владимир в хорошем настроении в черной рясе. Я спрашиваю его: «Батюшка, как тебе там?». Он ответил: «Пока неплохо, а что будет дальше - не знаю». Разговор был большой, сейчас его не помню точно. Но только он сказал: «Кто меня не забудет здесь, того и я не забуду». На этом сновидение закончилось. Я продолжала молиться, и спустя некоторое время, после 40-го дня, на Вербное воскресенье Господь еще раз меня утешил.

1966 год. Вербное воскресенье. Накануне я исповедовалась в Елоховском соборе, утром хотела встать рано, прочитать правило и причаститься.

Мама с Сережей в 7 часов ушли в храм. Я завела будильник. После их ухода хотела встать, но подняться не могу, меня точно пригвоздили к постели. Со мной подобного никогда не было. Время 7.30, 8.00, 8.30, подняться не могу, правило читать уже некогда. Тогда я решила уже не вставать и спать столько, сколько нужно. Повернулась к стене и спокойно стала засыпать.

Вдруг над головой возглас покойного отца Владимира: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков». Хор: «Аминь», и раздалось Ангельское пение: «Благослови, душе моя, Господа». Затем снова возглас и запели второй антифон. Я слу-

шаю и не пойму, что за Ангельское пение? Что за хоры?

В это время голос мамы: «Валя, вставай, ведь опоздаешь к обедне». Я проснулась, дома никого нет. Быстро собралась и поехала в Богоявленский собор. Вхожу в храм - поют второй антифон «Хвали, душе моя, Господа». Я причастилась. Настроение у меня было очень хорошее.

Отец Владимир Родин

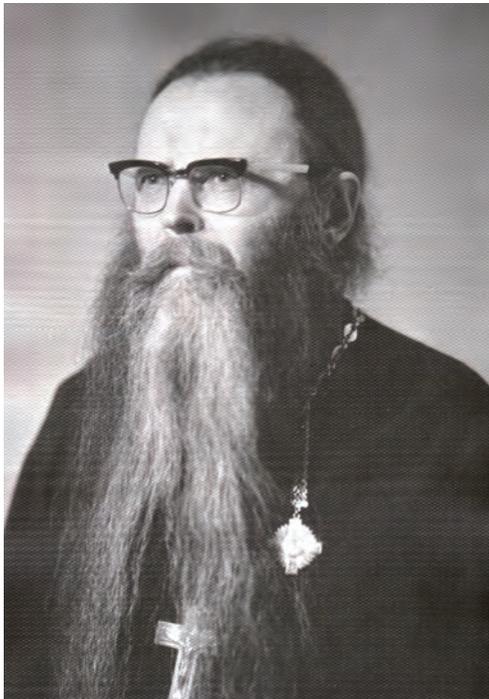
Отец Владимир Родин

Слава Богу, что Господь, хранит своих избранных даже в эти тяжелые годы, да ведь и быть по-другому не может. Не будет праведников - не будет существовать и наш мир.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

С ОТЦОМ МИХАИЛОМ ТРУХАНОВЫМ

Моё знакомство с отцом Михаилом Трухановым началось в 1962 г. в храме «Всех Святых», что на Соколе. С 1958 г. по благословению отца Михаила Ежова (это мой духовник с юности) я читала и пела в этом храме. В церковь я ходила после работы почти каждый день, а также в воскресные и праздничные дни.

Прот. Михаил Труханов

Настоятелем храма в этот период у нас был отец К. Прихожане отца настоятеля очень любили. Он был довольно красив, с длинными волосами, что в те времена было редкостью, хороший певец, иногда пел трио с певчими правого хора.

На время болезни и отпусков наших священников летом 1962 г. назначили служить отца Михаила Труханова. Последним в отпуск ушел отец настоятель. Отец Михаил любил служить. Служащие священники часто просили его за них послужить.

По окончании службы о. Михаил говорил молящимся: «У кого есть дела и кто торопит-

ся домой - идите, а кто может - оставайтесь». Очень редко кто уходил.

Будничная служба, в храме всего пять-десять человек вечером. И вот батюшка начинает рассказывать, что такое утренняя, вечерняя, что означает 103-й псалом. А на прощание говорит: «А завтра мы поговорим о том, что такое «Свете тихий»». И каждый раз утром и вечером он разъяснял людям порядок и содержание богослужения.

После службы люди подходили к певчим и спрашивали, когда в следующий раз будет служить отец Михаил. С каждой службой батюшки народу стало приходиться всё больше и больше. И к концу его трёхмесячного служения на будничном богослужении храм был полон, как в большие праздники. Только и слышишь: «А когда батюшка будет служить следующий раз?».

Закончились отпуска у наших отцов. Вернулся из отпуска отец настоятель. Вечерняя воскресная служба. Полный храм народу (в те годы в праздники и в выходные в нашем храме всегда было много молящихся). Окончилась служба, народ не расходится, так и стоит стеной.

Вышел отец настоятель. Народ расступился, благословение брали те, кто стоял на пути его прохода. Он поднялся на хоры, а народ стоит и не уходит.

Я не уходила из храма, так как предчувствовала что-то недоброе. Отец Михаил очень долго не выходил из алтаря, ожидая, когда уйдёт народ из храма. Погасили свет, сторож предложил освободить храм, так как служба закончилась. Наконец, батюшка вышел из алтаря, и весь народ пошёл к нему под благословение.

Такой «измены» со стороны молящихся отец настоятель, конечно, вынести не смог. В понедельник же последовал донос Патриарху, что отец Михаил - дебошир, служит в нетрезвом виде, искажает Евхаристический канон и т.д.

А в конце года патриарху Алексею I управляющий делами владыка Киприан передал на просмотр дела священнослужителей. Он стал смотреть. «Пьяницы есть. Дебоширы тоже, - говорит. - Но, когда священник нарушает Евхаристический канон, такого действительно нужно под запрет». Он подумал: «А может, лишить сана?». И тогда, естественно, вызывает настоятеля, вызывает благочинного и начинает их пробирать: «Согласно канонам церковным, если вы установили, что священник искажает Евхаристический канон, то не имели права допускать его до следующей службы. А как это получилось, что вы в последний день пишете о нем, что он искажает Евхаристический ка-

нон? Ну вот, отец настоятель, я сейчас и вас запрещаю в священнослужении. Как вот этого о. Михаила Труханова, так и вас».

Тот ему в ноги: «Простите, Ваше Святейшество!». Тогда Патриарх задает вопрос: «Скажите, что заставило вас на собрата клеветать?» – «Бес попутал, Ваше Святейшество! Простите!».

Сразу же, на следующий день, телеграмма батюшке за подписью архиепископа Киприана: «Явиться в Патриархию». После состоявшейся беседы Святейший Патриарх берет его служить в свою резиденцию, на подворье [7].

А «измена» объясняется очень просто: человеческую душу ведь не обманешь. Когда люди почувствовали на себе силу молитвы о. Михаила, его доброту, любовь к каждому человеку, желание всем спасения, тогда каждый потянулся к тому, кто его действительно любит. И много духовных чад осталось у батюшки после служения в храме «Всех Святых». И, конечно, это вечернее богослужение было последним для о. Михаила в нашем храме.

Я работала, всё свободное время продолжала петь в храме «Всех Святых», поэтому времени ездить в церкви, где в дальнейшем служил отец Михаил, у меня просто не было. Да в ту пору он и не был моим духовником. И до времени мы с отцом Михаилом не общались.

ПРИРОЖДЁННЫЙ БУХГАЛТЕР

Многие, зная меня, часто говорили: «Прирождённый бухгалтер». Мое образование – неполное среднее, т.е. всего 7 классов средней школы и курсы бухгалтеров. Но мне Господь дал понимать бухгалтерию не формально. За каждой цифрой я видела жизнь той организации, в которой работала. А работала я в разных местах и бухгалтером, и старшим бухгалтером. Устроилась я работать в ЦАС (Центральный аптечный склад) 3-го Главного управления. Дали мне участок работы «Претензии». Так как медикаменты рассылались по всей стране, то, естественно, были случаи, когда что-то не туда отослали, что-то разбилось, что-то не доложили. Когда я приступила к работе, был огромный ворох документов по претензиям. Работала вместе с юристом, так как были арбитражные дела. Через три месяца не осталось ни одного нерешённого дела.

В это время в Ремонтно-строительном управлении 3-го Главного управления освободилось место главного бухгалтера. Стали искать подходящего человека на это место. И вот наша юристка предложила мою кандидатуру.

Меня вызвал начальник Управления и предложил занять это место. Я отказалась по причине того, что у меня было представление, что все там ругаются матом. Я ему об этом сказала, на что он меня заверил, что никогда ни одного такого слова я здесь не услышу. И слово он действительно сдержал. Никогда при мне не было ни одной ругани матом. Встал вопрос о том, что я не партийная. Мне говорят: «Вы же понимаете, что все производственные вопросы решаются на партийных собраниях (а главный бухгалтер – номенклатура Главка), и вы обязаны быть на этих собраниях». Я им ответила: «Я к вам не просилась, и если не устраиваю, то – до свидания». Прошло какое-то время, и они решили все-таки меня принять.

Ещё одна интересная история. Между 3-м Главным управлением и нашим Ремонтно-строительным управлением было ещё Спецуправление, которому мы непосредственно подчинялись. Главным бухгалтером был Николай Петрович, старообрядец (как я потом узнала), ходил с бородой, держал себя важно, как говорили – был судим, даже отбывал срок, потом реабилитировали, конечно, не партийный. Приглашал меня на праздник в свой старообрядческий храм. Возможно, его отношение тоже было причиной, по которой меня, не партийную, терпели на этой должности.

Так я проработала главным бухгалтером около 8 лет.

Срок сдачи годового отчёта был 11-го января. У меня он был готов к 6 числу, так как я за 11 месяцев сводила баланс и только добавляла за декабрь текущие операции, поэтому у меня всё было готово очень быстро. Мне всегда говорили, что я – природённый чтец и природённый бухгалтер. Однажды нужно было уйти на праздник Рождества Христова, а это были будни. Прихожу к начальнику в кабинет и говорю: «Батюшка», потом спохватилась: «Простите, Анатолий Иванович». Он улыбнулся и сказал: «Ничего, ничего». Прошу: «Отпустите меня на выходные на 7-8 января (Рождество Христова)». Спрашивает: «А как годовой отчет?». Отвечаю: «Он у меня готов». – «Хорошо, идите».

В те времена приобрести легковую машину было очень сложно. И 3-е Главное управление выделило на наше Управление три машины: начальнику, главному инженеру и главному бухгалтеру. Я от машины отказалась, также отказалась от дачного участка (в Истринском районе нашему Управлению были выделены участки для дач, где все сотрудники построили себе дачи) и от квартиры в Химкинском районе.

И всё по одной причине - не хотела обременять себя житейскими заботами, чтобы без препятствий служить в храме. Загруженность и ответственность главного бухгалтера большая.

За это время в организации у нас было два судебных процесса, в одном из них прокурор требовал привлечения к уголовной ответственности главного бухгалтера за халатное отношение к своим обязанностям. Но у меня, слава Богу, все документы были в порядке, и даже были документы с двумя подписями начальника, в случаях, когда я предупреждала о незаконности какой-то операции. Слава Богу, для меня всё проходило благополучно. Но здоровья на это уходило много.

Также приходилось обновлять свой гардероб - необходимы были выходы в Главк. Когда я подумала, на что у меня уходят средства и для чего мне такие нагрузки, пришла к решению оставить эту должность.

Храм отделен от государства - ни пенсии, ни оплаты больничных, никаких привилегий там нет. Кроме как на должность уборщицы, в храм устроиться было невозможно. Был просто запрет до 40 лет работать в храме. И когда я попробовала устроиться на клирос, меня вызвал уполномоченный по делам религии А.А. Трушин и несколько часов стыдил, ругал и в конце концов попросту выгнал из кабинета. Но, невзирая на всё это, я просчитала, сколько минимально мне надо, чтобы прожить, получая зарплату уборщицы, поняла, что и зарплату уборщицы мне хватит, а все остальные проблемы я оставила на волю Божию. И так было до 1991 года, когда работников храма приравнивали к государственным служащим и стали выплачивать пенсии и прочее.

Уход с работы был очень продолжительный, я подаю заявление на уход, а его рвут, и это неоднократно. Пока через канцелярию официально не подала заявление и только тогда через определенное время смогла уйти.

ХРАМ В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ» ЧУДО СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

С должности главного бухгалтера я перешла работать в церковь «Нечаянная Радость», что в Марьиной Роще. Работала я псаломщицей, а оформили меня уборщицей, так как иначе в храме работать молодежи не разрешали.

Когда староста по документам узнала, что я бухгалтер, стала меня просить посмотреть документы и отчеты храма.

Начала смотреть и увидела, что ни один документ ничему не соответствовал. И когда я показала это старосте, она в ужасе взялась за голову и упросила меня помочь как-то навести порядок, хотя бы подогнать под годовые отчеты какие-то данные. По правде сказать, это был какой-то ужас, а не отчеты и учет.

А я по простоте и по глупости взялась переписывать отчёты продавцов, все учётные карточки, подгоняла под месячные и годовые отчеты, да не за один год. Староста была влиятельное лицо и добилась того, что меня оформили бухгалтером. Я думала, что раз Церковь отделена от государства, то что особенного, если я в документах наведу порядок, чтобы они хотя бы соответствовали отчетам, которые сдавались.

Но, как и следовало ожидать, сообщили куда следует, и нагрянула комиссия из одиннадцати человек. Здесь были представители всех органов - и ОБХС, и Райисполкома, и милиции.

Всё сразу опечатали: кассу, ящики, склад. На колокольне у нас стоял ящик с мукой. Они на него посмотрели, но не опечатали. В этот день работа закончилась, они ушли.

Мы в ночь со старостой убрали всю муку и засыпали туда стиральный порошок, в храме он нашелся, принесли еще из дома. А почему? Мука была не оприходована. А это значит, что её пересчитывали по норме на выпечку просфор и по продажной стоимости предъявляли хищение, это были приличные суммы, а это был уже криминал.

Утром, когда пришла комиссия и пошли наверх второй раз смотреть муку, то ужаснулись, что их обманули. Они нас чуть не растерзали! Мы им доказывали, что они спутали и не рассмотрели, что там. Дело дошло до документов. Взяли у меня все документы, они все написаны одной рукой, одними чернилами и в одно время.

Фининспектор Федоров берет в руки карточки и спрашивает, почему одной рукой одними чернилами оформлены карточки за несколько лет, и еще раз повторил: «Ну что, Валентина Андреевна, вы скажете?». Я не проронила ни одного слова - говорить нечего. Только ждала, что придут и меня арестуют. Сами понимаете, чем дело пахнет... Мне говорить нечего, я поняла, что мне грозит. Сидели в комнате за круглым столом, передо мною висел образ Святителя Николая (вот когда мы по-настоящему начинаем молиться - когда беда на носу!), мне не оставалось больше ничего, как только просить св. Николая. Фе-

доров мне задавал массу вопросов, отчего и почему. Я сидела молча, спокойно, не отвечая ему ни на один вопрос, так как понимала, что всё бесполезно, факты переделанных документов налицо. Но зато вся моя душа вопила к святителю Николаю: «Спаси и защити, дорогой святитель! Ты же знаешь, что сейчас решается моя судьба!».

И действительно, совершилось чудо. Кончился рабочий день. Федоров, не получив от меня никакого ответа, попрощался, ушел. Больше к этому вопросу возврата не было. Старосту, конечно, сняли, я уволилась. Прошло немного времени, встречаю на улице этого инспектора, он мне и говорит: «Пожалели мы вас, Валентина Андреевна, а то бы вам сидеть». Думаю, пожалел волк... оставил хвост да гриву. Думаю, если бы не святитель Николай, вы бы «пожалели», мы знаем, как вы «жалеете».

Работая бухгалтером в храме, я совмещала и клиросное послушание псаломщицы. Мне очень хотелось петь, и я упросила регента правого хора Николая Сергеевича (а он был ученик регента Синодального хора тоже Николая Сергеевича) взять меня петь в хор. Он мне не отказал, и я некоторое время пела в правом хоре. Потом он мне говорит: «Знаешь, что я вот в храме всю свою жизнь, и встретил всего только четырех чтецов, из которых один – это ты. Ты не гордись, это Божий дар, и тебе им надо служить Богу. А в правом хоре певцов много и с очень хорошими голосами». Так мне пришлось вернуться на левый клирос. Мне было горько и обидно снова возвращаться на левый клирос, стала подумывать об уходе. Но Господь судил иначе.

Вижу сон. Стою я на клиросе, подходит ко мне Монахиня, дает пачку записок и говорит: «На, читай, и всегда здесь стой». Так благословение отца Михаила (Ежова) постоянно исполнялось – быть на левом клиросе.

ХРАМ ВЛАДИМИРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

После ухода из храма в Марьиной Роще, по благословию отца Михаила (Труханова) и по приглашению знакомого настоятеля отца Стефана Среднего, я пошла служить в Куркино в храм Владимирской иконы Божией Матери.

Для плохо видящих и плохо читающих певчих на клиросе я крупным шрифтом переписывала богослужебные тексты: тропари, стихиры, молебны, панихиды и вообще почти полный служебный круг был переписан крупным шрифтом.

ХРАМ СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ

В 1976 г. отца Стефана из Куркино переводят в храм Сретения Господня в Новую Деревню Пушкинского района, и он забирает меня с собой. Там в это время служил отец Александр Мень. И мне пришлось наблюдать его служение, общение с людьми. Дома друзья и знакомые, зная, что я тружусь в храме, где служит и о. Александр, меня постоянно спрашивали, каково мое мнение о нем и о том, как он служит, потому что в это время шли очень разноречивые разговоры о нем: кто говорил, что он святой, кто – совершенно противоположное. В моих воспоминаниях, которые я начала писать через какое-то время, многие люди просили меня сказать правду о нем. Написала я на двух страницах, но печатать не пришлось [8]. Об усопших плохо не говорят.

В это время отец Михаил (Труханов) служил в Никольском храме гор. Пушкино. После его увольнения в 1979 г. и я ушла из храма в Новой Деревне.

Во время работы в храме Сретения Господня в Новой Деревне была очень интересная история. Кончилась служба, я торопилась успеть на электричку до перерыва, потому что дома меня ждали, обещала быть рано и заняться покраской пола. После службы звонит один человек и говорит, что ему необходимо со мной встретиться. Это было нежелательно, но я решила его дожидаться. Он задерживался. До того времени, когда я думала, что ещё успею на электричку, я нервничала, когда же поняла, что мне до перерыва не уехать, то успокоилась и решила, что это воля Божия. Мы встретились, на электричку я опоздала и, уже не торопясь, пешком пошла на вокзал. Иду, меня обгоняют «Скорые помощи», сигналият. Дошла до поворота, который прямо на вокзал, а мне навстречу идёт масса людей. Ближе к подходу на станцию всё было перекрыто. Люди шли на трассу, останавливали весь транспорт, не давали проехать, просили, чтобы их подвезли. Что же произошло? Во время прихода последних до перерыва электричек на станцию Пушкино, одной из Москвы, а другой из Сергиева Посада, обрушился надземный пешеходный переход через пути – мост – из-за большого количества людей, находящихся на нем. Было много погибших и травмированных: кто-то упал прямо под колеса не успевшего затормозить поезда, некоторые погибли от поражения электрическим током (висели на проводах) или были прибиты падающими вслед за ними развалина-

ми и людьми. Когда я узнала об этом, выступил холодный пот от ужаса, что и я могла висеть на этих проводах. Меня сохранил Господь. ЧУДО БОЖИЕ меня спасло! Приехав домой на попутке, я целый день не могла прийти в себя, била дрожь [9].

РЕГЕНТСКИЕ КУРСЫ

Я была чтецом. Для городского храма это хорошо, а для сельского храма, где никого нет, этого мало - надо уметь петь и тон задавать, чтобы рядом стоящие пели, а я этого не умела.

В 1978-1979 гг. в МДА в Троице-Сергиевой Лавре открываются регентские курсы для женщин. По рекомендации отца Стефана я поступила туда учиться, но не закончила: чтобы петь ранние службы, необходимо было там жить в общежитии, а я не могла бросить службу и дом.

Был там памятный случай. Фортепьяно преподавала Нонна Андреевна. В классе я была самая старшая ученица, принимали молодежь с музыкальным образованием, меня взяли как человека со стажем работы в храме. Преподавательница как-то ко мне расположилась и стала задавать вопросы на духовные темы. Я ей и говорю: «Нонна Андреевна, ну что же вы ко мне обращаетесь со всеми вопросами, вы же при монастыре, здесь столько опытных духовных отцов, а вы ко мне». На это она мне ответила: «Я сама не знаю почему, но меня очень тянет к вам». Так вот она рассказывала о себе следующее: «У меня родители профессора, ярые коммунисты, а я сама не могу объяснить, почему пришла к Богу. Когда родители узнали, они поставили вопрос: «Или Бог или мы. Ты нас позоришь и лишишь работы». Она ответила: «Для меня - Бог», распрощалась с родителями и пришла в МДА преподавать. На это я ей сказала: «А нет ли среди ваших родных того, кто бы вымолил вас?». На этом разговор закончился.

Я служу в храме на Ваганьковском кладбище. Праздничный день, стою с настоятелем посреди храма на молебне, вдруг меня сзади кто-то обнимает, поворачиваю голову - это Нонна Андреевна. Она не могла от радости дожидаться окончания службы и говорит мне на ухо: «Валентина Андреевна, ведь у меня дядя священномученик, последний ректор Ленинградской Духовной Академии (ЛДА)². И показывает его фото. От неё родители тщательно скрывали всё

о её родных. А потом, как я узнала от отца Владимира Янгичер - он был начальником этих курсов - у неё почти весь род - святые.

В эти же годы я занималась вокалом у Константина Михайловича Рутковского. Была вынуждена идти учиться, ставить дыхание, от многого чтения и напряжения у меня стала болеть голова.

МАТУШКА МАКАРИЯ

Приблизительно 1976-й год. С отцом Михаилом (Трухановым) мы навещали матушку Макарию из Темкина.

Приехали, батюшка встал на колени около постели матушки и сказал: «Матушка, поклоняясь страданиям твоим», затем отслужил молебен, освятил воду, к приезду батюшки было приготовлено 12 вёдер воды для освящения, которую потом матушка раздавала приходящим к ней. Причастил её, пособоровал, пообедали. Долго беседовал отец Михаил с матушкой Макарией, потом она говорит мне: «Иди ложись за меня, полежи со мною». Но надо сказать, это же тяжело больная матушка. Я обрадовалась такому её предложению и забралась на постель к ней за спину. Она мне и говорит: «А хорошо ты пишешь». Я была очень удивлена, откуда она могла знать, что я действительно много писала текстов для службы? Но это не всё. Вернулись мы домой. И я вскоре тяжело заболела. Здесь-то я и вспомнила, для чего матушка уложила меня с собой на постели: дала понять, что я тоже буду лежать и болеть.

СТАРШИЙ БРАТ СТАНИСЛАВ

В 1984 г. я служила в храме Воскресения Словущего, что на Ваганьковском кладбище. На Троицу во время вечерни, когда читались коленопреклоненные молитвы, я особенно молилась за брата Станислава, чтобы Господь его каким-то образом спас и привел к Себе. Не прошло и двух месяцев, в храме появляется его жена Надежда, которая практически в храм не ходила, вся в слезах, и говорит, что Станислава арестовали. Возрадовалась я в душе, что Господь услышал мою молитву, и говорю ей: «Вот теперь ходи в храм, молись, заказывай молебны, и Господь поможет». И действительно, было чудо, отсидел он 6 месяцев, отпустили, в документах даже не было записи о судимости.

У неё были чудесные видения. Однажды она видит сон, ей говорят: «Перечисли ему 18

² Речь идет о священномученике Александре (Трапицине)

руб. 40 коп». А когда она пришла передавать передачи, ей говорят, что нужно ему переслать 18 руб. 40 коп. И много было ещё чудесных явлений. Так однажды она пришла в неприёмный день передать посылку, которую у неё приняли без всякой проверки, и когда Станиславу передали её в камеру, все были очень удивлены и всё спрашивали, кто у него здесь свой, хотя никого знакомых у них не было.

После освобождения он сразу пришел не домой, а к отцу Михаилу и благодарил его за молитвы. С тех пор и Станислав, и его жена стали настоящими христианами, еженедельно причащаются, он в течение вот уже 33 лет ежедневно читает акафист Святителю Николаю, знает его наизусть. Слава Богу, через скорби Господь приводит людей ко спасению.

Далее он и его жена Надежда становятся духовными чадами отца Михаила Труханова, вот их воспоминания.

СТАНИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ И НАДЕЖДА ДАВЫДОВНА

С отцом Михаилом мы знакомы с 1985 года. Мы его помним и любим как духовного отца, который своими проповедями способствовал нашему духовному совершенствованию, прививал любовь к Богу, показывая своим примером единственно правильный выбор в нашей повседневной жизни.

При посещении отца Михаила, слушая его наставления, мы задавали ему вопросы, волновавшие нас, рассказывали о своих скорбях. Батюшка отвечал на наши вопросы и не оставлял ни одного из них нерешенным и неясным для нас. Эти домашние беседы были интересными, батюшка интересовался, как у каждого из присутствующих проходит его духовное совершенствование (или, как он их называл, «подвиги»).

После посещения, прощаясь, мы получали благословение, в том числе и на совершение каких-либо благих дел. Батюшка никогда не отпускал никого из приходивших к нему домой без угощения, был ли это обед или только лишь чай.

Мы с супругой очень благодарны отцу Михаилу за огромное и благотворное участие в совершенствовании нашей духовной жизни. Главное, что он постоянно напоминал о любви к Богу, молитве и чтении Евангелия.

В 1997 году моей жене Надежде по рекомендации врачей нужно было сделать срочную операцию на сонной артерии. Она обратилась к батюшке за благословением на операцию, но получила отказ: батюшка сказал, что необходи-

мости в данной операции нет, и она отказалась от операции.

Однажды Надежда спросила батюшку: «Как быть, если во время поста по состоянию здоровья необходимо будет съесть скоромную пищу, как своего рода лекарство?». Он ответил: «Радость моя, один стакан молока тебя не спасёт, так что лучше исполнять то, что написано в церковном уставе: и по принятию пищи, и по выполнению других правил и послушаний».

Отец Михаил остаётся в нашей памяти живым, как будто он и не уходил от нас, но находится рядом. Вечная ему память!

МЛАДШАЯ СЕСТРА НАДЕЖДА

Живет своей жизнью. На все вопросы отвечает: «Я Богу молюсь. У меня - Матронушка и Святитель Николай, вот они мне и помогают». Все время болеет. На другие темы разговаривать не желает. Надеюсь, что Господь Своей милостью не оставит и её.

Сына моей сестры Надежды, Володю, родители боялись крестить: время было тяжелое, муж был категорически против, так как работал охранником в Кремле. Крестила я его дома сама, а потом носила в церковь воцерковлять. Священнику рассказала, как крестила, и он признал крещение правильным. Без документов его бы в храме не стали крестить, а родители неприятностей не хотели. Всё это было тогда не просто.

ОТНОШЕНИЯ С РОДНЫМИ

На войну взяли трех братьев отца: Иоанн вскоре погиб, а вот Артем вернулся, и Захар прошел всю войну, он нам помогал, присылал посылки с фронта и, вернувшись домой, также помогал. Спаси его, Господи! Но он был не только безбожник, но и богохульник, причины того я не знаю. Прошли годы, и вот однажды он пришел к нам в комнату, видимо, выпивши, и стал требовать, чтобы я сняла иконы, иначе он сейчас снимет их сам и выбросит, а я чтобы не занималась глупостями. На это я ему резко ответила: «Вон отсюда». С тех пор наши родственные отношения прекратились.

По его кончине я вижу сон. Находится он в железной клетке.

Прошло немного времени, скончался его сын Виктор. И вижу опять сон. Лежит дядя Захар в гробу, а на нём лежит сын его Виктор и старается его укубить в лицо. Тот отворачивается, а этот всё время стремиться его укубить. Надо сказать, что сын его жил без Бога, выпивал и прочее.

Хотя я знаю, что по церковным канонам мы не имеем право молиться за таких, но родственный долг и благодарность за то, что в тяжелые годы он помогал нам выжить, понуждала нас - не только меня, но и всю нашу семью, молиться за него. Всегда прошу прощения, чтобы Господь не поставил нам это в грех.

Прошли годы, и вот Господь утешил меня. В Великую среду 16.04. 2014 г. я, придя из храма, легла отдохнуть. Время между 13.00 и 14.00 дня. Вижу сон. На базаре хочу купить к празднику яйца. Смотрю в одном месте стоимость их 50 руб. Я пошла смотреть дальше. Дальше цена 110 руб., они большие, как гусиные. Думаю, нет, пойду за маленькими, поворачиваюсь, а передо мною мужчина: я смотрю внимательно - вроде как дядя Захар, покойник. Он улыбается слегка и говорит: «Да, да Захар». Сам он в длинном черном пальто и на голове тоже черный какой-то убор. Я ему говорю: «Давай петь "Совет Превечный", он кивает головой. Я запеваю, он мне подпекает в тон. Но я тут же забываю слова». Он мне говорит: «Давай слова». Я нахожу какие-то слова, и мы продолжаем петь. В это время - звонок, и я просыпаюсь.

ЧУДЕСНЫЕ СОБЫТИЯ

Однажды, доставая из холодильника продукты, я поставила полную литровую банку с вареньем неосторожно на край. В результате эта банка упала мне прямо на большой палец правой ноги с высоты полутора метров. От боли я почти потеряла сознание. С трудом добралась до постели. Как только прошло шоковое состояние, я приподнялась, перекрестила больную ногу, поблагодарила Господа: «Господи, благодарю Тебя, видимо, за грехи, которые я не вижу и не раскаялась, это мне попущено. Прости меня, за всё, и прими эту невыносимую боль в очищение моих грехов». И совершилось *настоящее чудо*. Полежав еще немного, пока всё успокоилось, я поднялась. Боль прошла. И у меня не было ни перелома, никаких других повреждений. Дивны дела Твои Господи!

1960-й год. Прикладываясь к Иверской иконе Божией Матери, что в Сокольниках, я ощутила необыкновенное благоухание и, так как народу было немного, долго стояла около иконы, чтобы запечатлеть запах (мне показалось, что это запах каких-то духов). После того, как я отошла и уже хотела уходить, мне еще раз захотелось приложиться к иконе и, хотя я тут же подошла к ней, уже никакого благоухания не было.

Вижу сон [10]. Нахожусь я в комнате, вся комната в иконах, но все они очень тусклые и живописи на них не видно. Я выбираю себе икону, но ни одна из них мне не нравится. Вдруг передо мной чьи-то руки разворачивают что-то. Сияние было такое, что ослепило глаза, смотреть было невозможно, и сразу снова завернули. Какой-то голос как будто внутри говорит: «Так сияют праведники в Царстве Небесном. И как золото очищается огнем, так душа должна очиститься скорбями». И что нужно эту вещь хранить в глубоком смирении, а завернута была она в мешок с землей и травой. На этом сновидение закончилось.

Был день заговенья на Петров пост. Придя с работы поздно вечером, я пила молоко. Стакан не помыла, а рано утром, уходя на работу, из него попила чай (но здесь надо сказать, что мы жили с соседями, и лишний раз не хотелось выходить на кухню).

В эту ночь вижу сон. Сидим за столом, мама подает полную сковороду жареной вермишели. Смотрю - черные точки, стала их доставать вилкой, а там оказалась полная сковорода красных червей, прикрытых вермишелью.

Проснулась с полным отвращением, и даже как-то тошнило. Вот так быстро Господь вразумил - нельзя небрежно относиться к посту. После чего я стала более строго соблюдать посты.

Накануне Великого поста я была у отца Михаила, который говорил об уставе на Великий пост. Я очень спокойно сказала, что это, конечно, не для меня, так как у меня не хватит сил.

Под первый день Великого поста вижу сон. Нахожусь я в ванной. Стоит корыто, полное грязной воды после стирки, я ложкой пью эти помои и заедаю конфеткой. Потом опомнилась и говорю себе: «Зачем я пью эти помои, кто меня заставлял их пить?» - и отвечаю сама себе: «Никто, сама, а почему?».

Проснулась также с тошнотой и отвращением.

ХРАМ ВОСКРЕСЕНИЯ СЛОВУЩЕГО

С 1979-го по 2005 год я трудилась в храме Воскресения словущего, что на Ваганьковском кладбище.

До 1991 г. церковнослужителям и служащим в храмах не шел трудовой стаж, не назначали пенсию, не было никаких льгот. Ввиду очень сложной обстановки, всяких проверок, архивы, как мне известно, не сохраняли, а старались быстро уничтожать. Я сама была свидетелем, как староста уничтожала архив, я ей

помогала. И только в 1991 г. церковнослужителей и служащих в храме приравнивали к государственным служащим, стали назначать и выплачивать пенсии.

С предприятия я ушла в 1973 г. и трудилась в разных храмах.

А в то время, когда стало известно, что будет идти стаж и назначаться пенсии, я служила в храме Воскресения Словоущего на Ваганькове. Собрать документы прошлых лет оказалось сложно. Работала по договорам, а их не очень-то в те времена хранили. Тогда, староста Юрий Иванович Сорокин, спаси его, Господи, оформил меня по Ваганьковскому храму с момента моего ухода с предприятия в 1973 г., хотя фактически я там трудилась с 1979 г. по март 2005 г.

Пришла я в этот храм при настоятеле отце Николае Смирнове, а бухгалтером была уволенная староста из храма «Нечаянная Радость» Елена Борисовна Загрязкина, с которой мы вместе там трудились. Немного позже она стала здесь старостой, а я бухгалтером.

И вот однажды сдала я годовой отчет. Вдруг в 8 часов вечера мне звонит наша староста из Патриархии и кричит на меня: «Что же ты наделала - главный бухгалтер сидит полдня с нашим годовым отчетом и у него ничего не сходится». Я ей отвечаю: «Не знаю, но у меня сошлось все копейка в копейку». Оказалось, в Патриархии отчетность была самая элементарная. В отчетах не было дебиторов и кредиторов. Поехали на склад, сколько денег было, на столько и отоварились - ни больше ни меньше.

Храмы не имели права иметь у себя свободные деньги, надо было все излишки перечислять в разные фонды, а их было немало: Фонд мира, содержание Патриархии, были какие-то еще фонды, сейчас уже не помню. А у нас на конец года осталась приличная сумма денег, за которые нам попало бы. И я решила их перечислить в мастерские Патриархии для получения церковной утвари в следующем году, что не предусматривалось отчетностью. Потому у них и не сходились данные с получением свечей и церковной утвари и их оплатой с мастерскими Патриархии. Но зато на следующий год мы получили новые бланки годовой отчетности с внесением туда дебиторов, кредиторов и других показаний.

Немного позже настоятелем стал отец Валентин Парамонов.

Но клирос я никогда не оставляла и до поездки в Данию, совмещала две должности. Вернувшись из Дании, я отказалась от должности

бухгалтера по состоянию здоровья и осталась только псаломщицей.

Когда ещё отец Михаил Ежов благословлял меня в храм, я ему говорила, что в храме читают быстро, а я быстро не могу. На что он мне ответил: «Если их такое чтение не устраивает, то уходи, но как попало не читай». Ввиду того, что в те времена с чтецами был дефицит, то терпели и меня. Но вот наконец Господь послал такого настоятеля, который сам любил молиться и очень любил мое чтение. Как он говорил: «Терпеть не могу псаломническое чтение: ни себе, ни Богу, ни людям». Наконец-то я вздохнула от постоянных требований «быстрей, быстрей».

Позже, когда у нас были курсы по подготовке чтецов и подросли чтецы, я не всегда читала. Но в праздничные службы настоятель требовал, чтобы я читала сама. Однажды было так: стоит он в алтаре около жертвенника и смотрит, кто пойдёт читать Великое Повечерие под Рождество Христово. Я даю часослов Наталии, девочке, которая уже хорошо читала. Выходит отец настоятель и, обращаясь ко мне, говорит: «Лодырь, опять не хочешь читать, я сам пойду». Я отвечаю: «Иду, иду».

Был престольный праздник, должен был служить у нас архиерей. Я заболела, накануне говорю отцу настоятелю: «Я завтра не буду, горло болит, хриплю, всё равно читать не могу». На что он мне ответил: «Чтобы была, хрипи, но будешь читать ты». Ослушаться настоятеля нельзя, пришла больная. Когда кончилась служба, владыка вынес мне просфору с благодарностью и сказал: «Благодарю вас, я такого чтения не слышал никогда». То чтение, к которому меня приучили, не было стандартным.

В конце храма у нас располагалась бухгалтерия, по окончании службы иду вниз пить чай. Дверь в бухгалтерию открыта, подставлен стул. Спрашиваю: «Почему открыта у вас дверь и стоит стул?». Мне казначей отвечает: «Мы слушаем, как ты читаешь». Как-то после службы подходит женщина, благодарит за чтение и говорит: «Благодарю вас, наконец-то услышала, что читается», и такое было много-много раз. Однажды приходит знакомая, в этот раз я не читала, и говорит: «Я специально приехала сюда помолиться и послушать чтение, а ты не читаешь».

И вот отец настоятель говорит мне: «Ты должна передать свои знания другим». Я ему отвечаю: «Батюшка, у меня же нет никакого образования, я самоучка, чему я могу научить других, и кого?». На это он ответил: «Передай

то, что знаешь, и достаточно». И вот они со старостой пишут прошение на имя Патриарха: «Недостаток опытных чтецов и псаломщиков вынуждает нас на приходском уровне организовать занятия (школьного типа, человек на 15-20) с некоторыми из прихожан, подающими надежду на успех, дабы привить им навык самых элементарных сведений по уставу и пользованию богослужебными книгами с тем, чтобы они могли самостоятельно исполнять клиросное участие в проводимых богослужениях»[11].

С 1 июня 1993 г. открыли курсы, где я трудилась до своего увольнения. Но мало передать устав и чтение, встал вопрос и с пением, а я в этом вопросе совсем ничто. Вот мне было горе, но и здесь, как всегда, Господь меня не оставил и послал преподавателя музыки Любовь Александровну, которая безвозмездно трудилась все эти годы. В настоящее время она регент в храме Гребневской иконы Божией Матери в Одинцове. И что было удивительно, за все эти годы я не открыла ни одной книги, все объясняла по памяти, учились читать вместе хором, т.е. все 15 человек читали вместе. Это были самые счастливые годы. Люди торопились из разных храмов, приносили с собой обед, вместе обедали и потом занимались до 7 часов вечера, и никто не хотел уходить домой. Счастливым было время. Гуляя по кладбищу, молодой человек прочел объявление на двери храма, что открываются курсы, зашел спросить, можно ли прийти заниматься. А в настоящее время это - иеромонах Викторин, который служит в храме Веры, Надежды, Любви и Софии, что на Миусском кладбище.

20 октября 1993 г. была передача по эфиру о наших занятиях.

Помимо моего послушания руководителя школы чтецов и певцов, на клиросе как псаломщицы, мне отцом настоятелем было поручено решать самой все вопросы с регентами по проведению службы по церковному уставу, а я от него получала указания. От старосты Юрия Ивановича Сорокина было поручено отвечать за певчих правого и левых хоров (у нас их было три), т.е. чтобы была дисциплина, хоры были укомплектованы, принимать, увольнять. Как он говорил: «Более трудного у него нет дела, как заниматься певчими».

Уезжая в Нижний Новгород, а затем в январе 2005 г. в Белоруссию, я еще продолжала работать до марта, так как на мои просьбы меня уволить староста отвечал: «Ты можешь на работе не быть, но чтобы всё было под твоим кон-

тролем и на клиросе с певчими был порядок». Также мне доверялось в храме снимать кружки. Такое занимаемое положение в храме вызвало негодование со стороны бухгалтера Л.Л. Горячевой и казначая Л.И. Сидоровой, было организовано собрание с участием уже нового настоятеля храма отца Иоанна Рыжова, и мне предъявлено множество обвинений, высказано недоверие. После моего объяснения, староста Юрий Иванович Сорокин сказал: «Если кто ещё посмеет клеветать на В.А. Звонкову, уволю без разбирательства любого». И до конца дней моей работы всё было тихо и спокойно.

ОТЕЦ ВАЛЕНТИН ПАРАМОНОВ

Мне пришлось много лет трудиться с отцом Валентином, и как я благодарна за это Богу! Память у отца Валентина была феноменальная. Устав церковный, каноны Рождеству, Крещению, знал наизусть не только ирмосы, но и сам текст. Жития святых и дни их празднования знал на каждый день на память.

Служил отец Валентин без выходных много лет, сам ежедневно совершал литургию, и когда ему советовали отдохнуть, он отвечал: «От кого отдыхать - от Бога?». Про свои выходные дни я спрашивала еженедельно у настоятеля, так как они менялись в зависимости от праздников. Как только обращаюсь к нему с этим вопросом, так буря негодования, непонимания - вообще, зачем мне выходные, и что я буду делать? Когда я ему объяснила, что у меня еще два старых человека, за которыми я ухаживаю, и у меня много домашних дел, тогда он сказал об этом старосте. Вызывает меня староста Юрий Иванович и говорит: «Найди человека, чтобы сидели с твоими стариками, мы будем оплачивать. А ты будь на службе». Но этого не произошло. Мои старички не захотели никого, кроме меня.

В нашем храме (на Ваганькове) трудились два алтарника, оба с высшим образованием - Владимир Антипин (в настоящее время духовник Нижегородской епархии), преподаватель высшей математики, и Константин, окончивший физико-технический институт. Наш отец настоятель не был скуп на «награды» и «поощрения», а если его не понимали, то доставалось и физически. Он сам был очень ревностный к службе, того же требовал и от своих помощников. Но что они знали, придя из мира? Оба они прошли «высшую» школу смирения у нашего отца настоятеля, он их смирял так, что они выбегали из алтаря, чтобы физически не попало за их погрешности. Выбегая, Константин шутил: «Надо купить шлем, чтобы голова была цела». Отец

Владимир по сей день благодарен отцу настоятелю за ту школу, которую он у него прошел. Оба они рукоположились в Нижегородской епархии у владыки Николая, не имея духовного образования. По-моему, и образования музыкального они не имели. Прошли годы, отец Владимир на приходе - в селе Просеке Нижегородской епархии. Пришлось мне побывать на его службе. Евхаристический канон. И вот он распевает все возгласы, да еще неумело, тяжело было молиться за такой службой. По окончании я сказала ему о тяжелом впечатлении от службы. Слава Богу, он принял это всерьёз, сейчас спокойно произносит возгласы при служении. А об о. Константине я написала в разделе «Отец Михаил Ежов».

Еще трудился в Ваганьково крещёный татарин Слава Файзуллин, выполнял все работы, от топки печи до алтаря; чистка канализации, снег, погрузка и разгрузка всего, звонарь. Менялись священники, старостат, а Слава был незаменим. Так однажды пришёл новый священник о. Димитрий в алтарь, и был очень удивлён, какой-то человек в грязной одежде кадило разжигает - Слава просто не успел переодеться, торопился. Успевал работать и по кладбищу, красил ограды, убирал могилы. Целые дни проводил в храме, но вместе с тем никому ни в чем не отказывал, был добрым и отзывчивым, кому-то в долг деньги давал, кого-то подвозил. Бедным людям помогал бесплатно. Машина у него была старая легковая, которую он постоянно чинил и переделал под грузовую. В 1997 г. скончалась моя мама, лежала дома, Слава говорит: «Валентина Андреевна, зачем вам расхотелось, вызывать машину, я привезу гроб с мамой на своей машине». И действительно на своей убогой машине он её привез на Ваганьково, здесь отпевали и похоронили. И вот пришел день его смерти. Его провожали как архиерея, от церкви ему купили костюм, гроб и все остальное необходимое. На похороны собрались все сотрудники храма, даже давно уволенные, работники Ваганьковского кладбища, все старушки плакали по нему - для всех он был свой, все у него - друзья. Будучи татарин, но крещёным, он выполнил заповедь о любви к ближним, но к своим родным при жизни не ездил, говорил, что его там убьют. Царство Небесное рабу Божию Вячеславу! Помоги, Господи, нам грешным, так называемым христианам, подражать ему.

О ЧТЕНИИ В ХРАМЕ

Когда я начинала ходить в храм, я не понимала, что поют и читают, и думала, что если когда-либо мне придется читать, то буду читать

так, чтобы люди понимали, буду выговаривать каждое слово. Далее я начинаю читать у отца Михаила Ежова в селе, где никого нет в храме. Батюшка мне говорил: «Читая, молись сама, и люди будут молиться, читай так, чтобы люди понимали, что ты читаешь, не торопись».

Но я знала, что так отчётливо в храме не читают, и говорю батюшке, что меня нигде терпеть не будут. На что он ответил: «Тогда уходи, а кое-как читать не смей!».

Примерно в 1997 г. по усиленной просьбе наместника монастыря архимандрита Никандра о. Михаил посетил Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь Костромской епархии. Мы были на всенощной. Служба воскресная 4-го гласа. Запомнилась она мне на всю жизнь. Шла она долго - началась в 5 вечера, и где-то около 10 вечера мы были дома. Но восхищению нашему не было конца! Всё прошло на одном дыхании, мы не устали. Потому что пели и читали так, что мы слышали, понимали и разбирали каждое слово, так четко и ясно произносились не только слова, но и слог выговаривался. Мы как бы сами принимали участие в службе, так было хорошо. Тропари, стихиры, ирмосы и даже чтение канона были понятны. Когда утром мы спросили отца архимандрита, откуда у него такие прекрасные певцы и чтецы, он ответил: «Это почаевские иеромонахи с консерваторским образованием».

Прошло время, и мне пришлось быть на службах в Никольском храме в Рогачеве Московской области, были праздники Отдания Пасхи и Вознесение. Во время всенощной я не поняла ни одной стихир, и было вообще непонятно, как и что пели, но мое терпение подошло к концу, когда я не поняла чтение Святого Евангелия. Хотя мне было достаточно одно слово услышать, чтобы я могла понять, о чем идет речь, но и этого я не услышала. Еле-еле, с возмущением я достояла службу, хотя было желание уйти. Утром на исповеди я об этом сказала священнику, он мне ответил, что это такая акустика в храме. Я говорю: «Но когда вы просто говорите, например, «Со страхом Божиим», мы же всё понимаем». На следующей день было Вознесение, подхожу я к кресту и говорю: «Батюшка, спаси вас Господи, сегодня поняла чтение Евангелия». Он отвечает: «Я очень старался!». Оно и видно, что старался. Вот так мы молимся в храме, не понимая, что поют, что читают.

Была в гостях, пошли к Литургии в храм в честь Казанской иконы Божией Матери (Московская область, Сергиево-Посадский город-

ской округ, дер. Гагино). На клиросе пела одна певчая, сопрано, но так высоко и так округляла все слова, что практически ни одного слова понять было невозможно. Я даже не узнала «Херувимской». Молилась своими словами и просила, чтобы только не раздражиться, не осудить и дождаться конца службы. Дома за чаем хозяйка тихо-аккуратно спрашивает: «Как вам наша служба?». Так как это её приход, мне не хотелось её огорчать, я только сказала, что я ничего не поняла, молилась сама. Она говорит: «Да, да, я тоже ничего не понимаю, молюсь как умею».

Мы готовились ко дню памяти батюшки Михаила, и Ирине я велела уйти со службы пораньше – надо было готовить. Приходит она, спрашиваю: «Ты уходила, а что в храме пели?». Она отвечает: «А я ничего в службе не понимаю». Спрашиваю: «А как же ты столько часов стоишь и ничего не понимаешь?» – «А так – молюсь сама по себе». А ведь она постоянная прихожанка храма много лет. Много можно приводить подобных случаев. Как это всё грустно!

Стою на службе, к иконе подходит приложиться мужчина, видно, что молится усердно, сосредоточенно, но крестное знамение на себя налагает так, что не касается тела, а по воздуху. Мне так сделалось больно – наш батюшка с таким трепетом относился к крестному знаменю и всегда говорил: «Наше тело должно на себе ощущать крестное знамение, а иначе только бесы радуются и не боятся такого креста». На эту тему много у батюшки написано. И я тихонько хотела подсказать мужчине, на что он мне резко ответил: «Что вы меня учите? Посмотрите на священников».

К великому сожалению, в одном храме г. Москвы настоятель – митрофорный протоиерей – ни одного раза не положил на себя крестного знамения как положено. Сначала мне показалось, это случайно, но потом невольно стала обращать внимание и убедилась, что действительно это так. У меня было большое желание подойти к нему и сказать, но что-то удержало меня, и я перестала ходить, чтобы не осуждать и не раздражаться, – не могу видеть, как небрежно относятся к нашему спасительному оружию против лукавого.

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

До 1988 г. была установка правительства на закрытие храмов и под разными предлогами оказывалось давление на церковь – и финансовое, и моральное. Проверка финотделов дохо-

дила до того, что в похоронных бюро узнавали, куда везут покойника, и если в храм, то в этом храме проверяли, оформили ли отпевание – чтобы не было никаких левых доходов в храме.

А что касается крестин, то вызывали людей и у них уточняли, сколько они платили в храм за крестины. Так однажды мою знакомую Елену вызвали в райисполком и начали с вопроса, что она делала год назад в такой-то день. Она говорит: «Да вы что, разве я помню, что было год назад?». Тогда ей напомнили, что она крестила своего ребенка, и стали стыдить, как она, молодая женщина, могла верить старым предрассудкам, и напоминать о том, в какое время она живет, к чему идет страна. На что она ответила: «Мне надо работать, с ребенком сидеть некому, мама отказалась сидеть, если ребенок будет некрещеный».

По храмам шли большие финансовые проверки, людей снимали, сажали. Так, меня 17 мая 1987 г. повесткой вызывают в прокуратуру. Для меня это была большая неожиданность, сказала об этом своей старосте, а она и говорит: «Ты не беспокойся. Дело в том, что сейчас все документы по храму на Пятницкой находятся в прокуратуре, на них завели уголовное дело. Но следователи никак не могут разобраться с церковными делами и просили (не знаю, через Патриархию или её знакомые лично) грамотного бухгалтера». Во-первых, меня знали и в Патриархии, – как мне потом сказала староста, они просили её отпустить меня работать к ним, но она отказала. И вот меня рекомендовали разобраться с документами. Подробностей этой работы я сейчас не помню. Но результат был такой: дело было закрыто.

Однажды на праздник Благовещения Пресвятыя Богородицы 1961 г. стою на клиросе в храме «Всех Святых», светит солнце в окно, на душе благодать, но мне нужно было пройти по делам через храм к свечному ящику. Прохожу по центру, вдруг меня за руку берет мужчина, поднимаю голову, предо мной стоит молодой интеллигентный человек и говорит: «А вы у нас на учёте состоите». Я отвечаю: «Очень приятно» – и пошла дальше, но на душе было далеко не приятно. Я и сама знала, что мы, верующие, все на учёте.

В шестидесятые годы Хрущев говорил, что покажет по телевизору последнего попа и закроет все храмы, оставит только немного для доживающих пенсионеров.

В это же время пришёл мой родственник и сказал маме, чтобы я ушла из храма, так как на закрытом партийном собрании решили, что

из храмов всех будут забирать и сажать. На что я ответила: «Что будет всем верующим, то будет и мне, из храма я не уйду».

Вот один из случаев притеснения верующих того времени. Пела я на клиросе в храме «Всех Святых». Пасха 1967 года. Подходим мы с братом Серёжей к храму. Стоит картонная преграда, пропускают только стареньких бабушек. Я говорю: «Я работаю в храме и иду на службу». Говорят: «Хорошо, вы идите», а брата - ни в какую. Я говорю: «Это мой сын, и вы не имеете права его не пускать». Они слушать не хотят и выталкивают его за картон. Я вцепилась ему в руку, и мы его тащим в разные стороны. Чувствую, они пересиливают, и тогда я как закричала во всю мощь: «Где начальники, что за безобразие?». Подбежал какой-то в погонах, я ему объясняю ситуацию, и он нас сам проводил до храма. А друга Серёжи, такого же возраста, который шел на Пасху в храм, забрали в отделение милиции и продержали до утра.

На работу в храм на любую должность людей до 40 лет официально запрещалось брать.
(Продолжение в следующем номере).

Примечания

1. Слово «Бог» в своих работах и письмах отец Михаил заменял другими словами, например: Истина, Субстанция, в те времена это было необходимо.

2. В это время, я уже познакомилась с верующими по храму, и они мне стали давать читать духовные книги. Помню, это были Жития Святых.

3. У моей подруги Полины была парализована мама Анна, она вообще ничего не говорила. Когда мы с Полиной пели около её больной мамы, то она пела с нами «К кому возопию, Владычице», «Царице моя Преблагая», «Да воскреснет Бог» или другие молитвы, чисто и ясно. Кончаем петь, она снова не может сказать ни одного слова, как и раньше. Это было чудо и удивительно для всех.

4. См. приложение № 1. «Восстань и восстань и от сна пробудись».

5. Вот выписка из письма о. Николая: «17/05-1959 г. Продолжай пользоваться советами о. Михаила, как более опытного и могущего выслушать. Исповедь и совет - дело разное, и я советов не даю, так что можешь быть спокойна. Если Господь разлучил, то не грусти, значит нет дороги к Д., потерпи всё пройдет. В монастырь, если есть возможность, поезжай, пока не жарко».

6. Фотографии сделаны в 1960-х годах, в эти годы он женился, а дружба наша началась с 1954 года.

7. Михаил Труханов, прот. Не могу не говорить о Христе. Минск: Лучи Софии, 2009. С. 54-61.

8. См. приложение № 2. Письмо Преосвященному Владыке. Епископ Друцкий викарий Витебской епархии. Белоруссия. Письмо не было отправлено мною после сна, а отношения с ним были не официальные а дружественные.

9. Я жила и училась в это время в Пушкино - это мой родной город. Помню это событие. Некоторые знакомые погибли, и директор нашей школы тоже пострадала - поломала ноги. (Марина Андропова добавила от себя. - В.З.)

10. Когда я говорю, «вижу сон», - это нечто другое. Всегда бывает под утро, т.е. это так называемый тонкий сон, после чего уже не сплю. И переживания виденного остаются навсегда в памяти и, как правило, оказывают свое действие: это или предупреждение, или вразумление, или объяснение того, что накануне меня волновало.

11. См. приложение № 3. Прошение на имя Патриарха и разрешение. В данном прошении мы видим, какое состояние на клиросах было в те годы, что просим разрешения подучить прихожан хотя бы читать и немного петь во время службы.

Приложения (№1-3)

Приложение № 1

Восстань и восстань от сна

Восстань и восстань и от сна пробудись,
И горько восплачь, и Богу молись,
Наверно не знаешь, что Суд при дверях,
А ты почиваешь во тьме и грехах.
Восстань и восстань и в себя приди.
Восстань! Смерть с косою уже ждет позади.
Ой, страшная смерть, ты зачем здесь стоишь?
Кого ты здесь ищешь? Так зорко глядишь.
Иль ты, ошибаясь, пришла ты ко мне,
Иль я ошибаюсь и вижу во сне.
Нет, я не ошиблась, пришла я к тебе,
Ни серебром, ни золотом не откупишь мене.
Своею косою поражу я тебя.
Ой страшная смерть, я тебя так боюсь,
А как же я, грешник, пред Богом явлюсь?
Я послана Богом тебя разлучить,
А там Его воля, Он будет судить.

Чего заслужил ты - с тобой все пойдет,
 Добро или худо - никто не возьмет.
 Ой, страшная смерть, умоляю тебя,
 Хотя на немного оставь ты меня,
 Я горько восплачу, умоюсь в слезах,
 И Богу покаюсь в своих я грехах.
 Я в Божию церковь пойду - помолюсь,
 И Телом и Кровью Христа приобщусь.
 Я малых малюток крестом осеню,
 И с верой, с надеждой отсель отойду.
 Я молод летами, еще не готов,
 На мне преисполнено много грехов.
 Было тебе время - стоял полный свет,
 Теперь тебе время идти на ответ.
 Уйди же, уйди, удались от меня,
 Я молод летами, не ждал я тебя.
 Так, конечно дело - с тобой говорить,
 Мне нужно скорее тебя похитить,
 Замолкла тут смерть и ни слова ему,
 И ручки и ножки подсекла ему.
 И все в этот час совершила она,
 И душу от тела она развела.

Приложение № 2

Преосвященнейший Владыко Петр, благословите!

Хочу объяснить причину вычеркивания двух страниц об о. Александре Мене.

Много было разных предложений со стороны читателей, оставить эту статью или нет, причем очень горячо это обсуждалось. Были предложения особенно об этом помолиться, так как это - серьезный вопрос, который я оставила на соборное решение, в частности, и на Ваше. Вот поэтому я и включила эти страницы в работу. Сегодня день отправки. Всё готово. Я долго не спала, торопилась закончить. А под утро решила доспать. И вот уже около 10 часов утра я вижу очень ясный сон. Нахожусь я в храме. На какой-то большой подставке стоит развернутая очень большая красивая книга. Кто-то спрашивает, что это за книга? Я отвечаю, что это сделано по моему заказу. И здесь рядом со мной оказался отец Александр Мень, он как бы обращается ко мне и мы выходим с ним из храма. Он выглядит очень плохо, но не в свя-

щеннических одеяниях, на паперти стоят нищие, а он все время находится сзади меня. Он показывает мне, чтобы я подала им милостыню. Я подаю милостыню нищим, он радуется этой милостыне. Входим мы с ним в храм, он около порога становится на колени и долго находится в поклоне, потом поднимается, и по его лицу текут ручьем слезы (вид его, прямо скажу, нищенский), и я слышу очень ясный голос: «По его писанине много молодёжи пришло к Богу». На этом я проснулась.

Из всего этого я поняла, что он просит помощи, и, конечно, написав это о нем, ему от этого не будет лучше. Поэтому мне и пришлось из готового материала вычеркнуть эти страницы.

Помнящая Вас всегда в молитвах.
 Валентина 09 июля 2008 г.

Приложение № 3

Ваганьково
 С 1993 г. открыты курсы.

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ АЛЕКСИЮ II, СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВ- СКОМУ И ВСЕЯ РУСИ

ПРОШЕНИЕ

Недостаток опытных чтецов и псаломщиков вынуждает нас на приходском уровне организовать занятия (школьного типа, человек на 15-20) с некоторыми из прихожан, подающими надежду на успех, дабы привить им навык самых элементарных сведений по уставу и пользованию богослужебными книгами с тем, чтобы они могли самостоятельно исполнять клиросное участие в проводимых богослужениях.

Настоящим, о начале предпринимаемого нами дела, мы и просим благословения Вашего Святейшества.

Вашего Святейшества
 смиренные послушники и богомольцы.

14 мая 1993 г.

КАНЦЕЛЯРИЯ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ

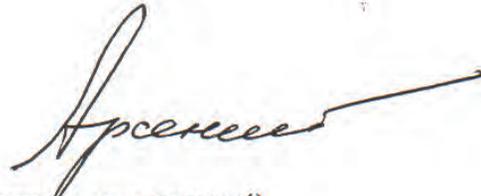
119034, Москва, Чистый пер., 5
Тел. 201-23-40

№ 1594
« 18 » мая 19 93 г.

СОРОКИНУ Юрию ИВАНОВИЧУ,
председателю приходского совета храма Воскресения
Словущего на Ваганьковском кладбище

Канцелярия Московской Патриархии сообщает Вам резолюцию ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, положенную на Вашем прошении о благословении на организацию занятий по обучению пользованию богослужебными книгами и навыку элементарных сведений по уставу с тем, чтобы учащиеся могли самостоятельно исполнять клиросное участие в проводимых богослужениях:

"17.У.1993. Бог благословит благую заботу о пополнении кадров, могущих со знанием устава нести клиросное послушание".

ЕПИСКОП ИСТРИНСКИЙ,

викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

© 2020 А.И. Вдовин
Москва, Россия

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: КИРИЧЕНКО О. В. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ РУССКОГО НАРОДА. ТРАДИЦИЯ. ЭТНОС. РЕЛИГИЯ. – СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2020. – 958 С.

Аннотация. Рецензия посвящена анализу фундаментальной монографии О.В. Кириченко «Общие вопросы этнографии русского народа» (СПб., 2020). Автор рецензии обращает внимание читателей на обобщающий характер данного труда как явление, знаменательное для нашего времени, поскольку за такими работами стоят труды ученых советского и постсоветского времени. Автор высоко оценивает попытку О.В. Кириченко представить этническую историю русского народа сквозь призму традиционности и православной религиозности.

Ключевые слова: традиция, этнос, религия, русские, православие, этнография, обобщающий труд.

Abstract. The review is devoted to the analysis of the fundamental monograph by O. V. Kirichenko, “General Issues of Ethnography of the Russian People” (St. Petersburg, 2020). The author of the review draws the attention of readers to the generalizing nature of this work as a phenomenon significant for our time, since the works of scientists from the Soviet and post-Soviet times stand behind such works. The author highly appreciates the attempt by O. V. Kirichenko to present the ethnic history of the Russian people through the prism of tradition and Orthodox religiosity.

Key words: tradition, ethnos, religion, Russians, Orthodoxy, ethnography, generalizing work.

Вдовин Александр Иванович (Vdovin Aleksandr Ivanovich) – профессор кафедры истории России XX–XXI вв. Московского государственного ун-та им М.В. Ломоносова / alvdo@yandex.ru

Православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 133–136.

ISSN 2687-1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 30.304.44/ 39.394/2.26.269

ББК – 63. 3 (2) 64-36

В сфере гуманитарного знания все чаще стали появляться интересные обобщающие труды. К этому располагают масштабные события, которые Россия пережила в XX веке и продолжает переживать ныне — в начале XXI. Советский период накопил огромный (невиданный прежде) массив фактической информации в научной области, в том числе в истории и этнографии, и, конечно, нельзя было его втиснуть в прокрустово ложе партийной идеологии. Вот почему ушедшая великая эпоха «передоверила» эту работу последующим поколениям. К сожалению, этой задаче не было уделено должного внимания, она не попала в число приоритетных, в то время как с Запада, после распада СССР, на смену монополии советского научного метода пришла к нам монополия научных школ конструктивизма, фрейдизма и т.д., на основе которых создавались по-своему идеологизированные модели формализации научной мысли. Все это сильно затормозило процесс объективного освоения советской научной базы и, в целом, позволило многим российским ученым-гуманитариям с пренебрежением отнестись к отечественной дореволюционной научной школе, а также — в значительной степени — не позволило сформироваться в гуманитарной научной области тому единому пространству, которое традиционно называется «отечественная школа». Однако в последнее десятилетие эта задача стала решаться, хотя и не так быстро, как хотелось бы. Свидельство тому и рецензируемая монография.

Автор настоящей монографии, как мне кажется, сознательно ставит задачу возвращения к русской школе мысли в этнографии и истории — задаче сложной, амбициозной, но, к сожалению, не находящей сегодня должной поддержки и понимания. Нас словно все время что-то останавливает (чуть ли не внутренний голос): зачем нужен такой масштабный формат; зачем нужна сегодня энциклопедичность; зачем нужны «общие вопросы» в гуманитарной науке, когда все общее как будто написано, и надо заниматься «микромиром». Тем не менее, монография О.В. Кириченко претендует на общее осмысление важных вопросов русской национальной традиции и культуры, и в самой такой постановке, как думается, содержится важный положительный и позитивный заряд всей книги.

Этнология позволяет ученому заглядывать в самые дальние уголки человеческой вселенной, включая время и пространство, и эта ее особенность в полной мере реализуется в дан-

ном труде. Вопрос о традиции как фундаментальной основе человеческого бытия исследуется здесь с самых его истоков. Этой проблеме посвящена первая часть книги.

Традиции для автора — вневременная ценность, благодаря которой происходит воспроизводство культуры (соответственно ее этническая преемственность), а социальные формы общежития получают необходимую поддержку общего характера. Традиция претерпевает историческую эволюцию, в основе ее разных моделей лежит религиозный фактор, поэтому традиционность, хотя и меняется во времени и в пространстве культур и народов, но не исчезает, а сохраняется и в современном мире. И сегодня роль традиции остается прежней, хотя место ее перестает быть доминирующим и определяющим в жизни общества. Но это и делает, с точки зрения автора, современное общество более уязвимым к разного рода вызовам. В этой же части рассматривается вопрос о традиции применительно к русскому народу, к народной культуре, которая также прошла за исторический путь существования России свой путь развития и изменений. Научное изучение русской народной культуры со стороны этнографии начинается в XIX в., когда первая живет уже встроенной в пространство модерна, что, по мысли автора, и заставляет ее быстро меняться, т.е. деградировать в своих этнографических формах. Но народная культура продолжает свое существование, она видна в отдельных локальных формах до сего дня. И это несмотря на достаточно жесткие идеологические эксперименты над народной культурой в советское время и подчинение ее коммерческим задачам в постсоветский период. Для автора вопрос о сохранении народной культуры и места традиции в наиболее сложный, постсоветский, период тесно привязан к религии и церкви как таковой. Церковь, генерируя механизм традиции, фактически выступает для народной культуры последней опорой, особенно в том случае, когда в самом народном сообществе культура этнографических форм почти разрушена.

Во второй части монографии, названной «Этническое, национальное, сословное», автором ставится вопрос о сложной природе этничности, как своего рода особой коллективно-индивидуальной социальной силе, присущей каждому отдельному этносу. На основе этничности формируется гражданско-правовая идентичность, а также все другие производные формы, для русских прежде всего — сословные. Автор, взяв за основу этнической идентичности

целый комплекс критериев, начинает анализ с территориальных признаков этничности: понятий «родины» и «отечества», как они были представлены в сознании русских за длительный исторический период. И здесь наблюдается интересная картина сужения пространства этнического самосознания во времени. Причем это происходит еще до насильственных экспериментов над этничностью в советское время, и особенно в 1920-е – 1930-е годы. Затем автор от анализа территориальных признаков переходит к рассмотрению сопряженных с этничностью гражданско-правовых идентификаторов. Эта модель рассматривается на примере функционирования российского пограничья в имперский период существования России. Здесь же показывается, как происходило формирование сложного национально-этнического идентификатора «русские/русские». Автор считает, что цивилизационная (а не узко государственная или колонизаторская имперская) деятельность Российского государства имела опору не только в военной силе, но и в народе и в Церкви, благодаря чему и создавался искомый комплекс широкого, но емкого цивилизационного воздействия на другие народы Российской империи. Отдельную главу автор посвящает теории этничности и основным понятиям этой сферы (этнос, этничность, народ, идентичность, национальный), где он предлагает ряд практических мер для укрепления этнической культуры русского народа, поскольку данная деятельность активно практикуется в национальных республиках и областях. По мысли автора, вопрос о выравнивании этнического сознания и этнической культуры сегодня должен стоять на повестке и должен быть включен в государственные планы по национальной политике, в рамках принятой стратегии. И это справедливо!

Рассматривая тему «национальной идеи», автор обращается к теме консенсуса «патриотических сил», т.е. группы славянофильствующей интеллигенции, для которой вопрос идеи привязан к разным идеологемам. В одном случае это апологетика советского строя, и в первую очередь, сталинского периода правления, в другом случае речь идет о критическом отношении к указанному времени и его ценностным ориентирам. Исходя из приоритетов, в каждом отдельном случае за идеальную основу политического правителя берется тот или иной исторический персонаж (правитель) российской истории. По мысли автора, эта деятельность осуществляется в рамках реализации национальной идеи разными политическими силами,

присутствующими в обществе и относящими себя к русским. Отдельная глава во второй части посвящена важному вопросу, касающемуся содержательной стороны народного мифа о царе и вожде; о их принципиальной разнице и сходстве. Для автора «вождь» и «вождизм» является суррогатной формой проявления монархического сознания, сформированного идеологическими практиками, за которыми стоит целый спектр мер, направленных на унификацию народного сознания в советский период и освобождения его от «вредных примесей» этничности, религиозности, традиционности.

Борьба с этничностью в советский период, как показывает автор, может быть рассмотрена и в контексте темы насильственного разрушения сословий (этого оплота и наследия традиционализма) как одной из важнейших социальных скреп традиционности. В этой главе автор обстоятельно рассматривает вопрос о месте сословий в русской этнической традиции, о трагедии, их постигшей в первые десятилетия революции, о значении для страны (ее побед и свершений) уже после их растворения в советском социуме. Ответ, по мысли автора, очевиден: расправа над сословиями обеднила русскую этничность, упростила ее, в значительной степени подчинила веками накопленный опыт служения стране как Отечеству и Родине более узким, партийным задачам. Лишь Великая Отечественная война на короткое время поменяла правила игры, народу сверху было возвращено великое право служить не только советскому строю, но и русской традиции. Немаловажным, в связи с темой этничности русских, представляется, по мысли автора, и вопрос о ее защите со стороны выдающихся русских мыслителей XX в. Автор обращается, в качестве знаковой фигуры, к А.И. Солженицыну, обращая его тезис о «сбережении народа» (тезис позднего Солженицына) к нему самому; насколько сам писатель, в своих главных художественных произведениях, осуществлял идею этой защиты русского народа от тех опасностей, которые на него обрушились в советский и постсоветский периоды. В этой главе было показано: Солженицына можно считать наследником славянофилов, но в нем наблюдаются две линии: созидательная и разрушительная, как, впрочем, было у самих славянофилов.

Последняя, третья часть посвящена влиянию Церкви на этническую и национальную жизнь народа; здесь рассматриваются особенности как приходской, так и монашеской традиции в контексте народной жизни за весь период государ-

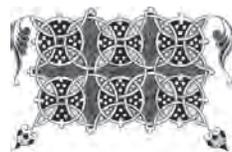
ственной истории русского народа. Автор показывает, что путь белого и черного духовенства не был отдален от народной жизни, но был с ним тесно связан, в том числе тем, что формировал и отстаивал его духовные идеалы и ортодоксальное отношение к христианскому учению. Важным материалом, иллюстрирующим полнокровную включенность народа в церковную жизнь, служат главы о народном почитании св. князей Бориса и Глеба, а также об особенностях почитания в простонародной среде праведников из народа (не имеющих церковных степеней). Итоговый параграф этой части посвящен теме толерантности. Несомненно, здесь автор ставит ряд важнейших вопросов, которые выглядели бы неуместными в данном издании, но когда тема «термимости/нетерпимости» включается в круг церковных реалий двух великих христианских традиций – восточной и западной, то присутствие ее становится закономерным и важным.

Что в итоге? В монографии «Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия», весьма объемной, проработанной на обширном круге источников, полевых, архивных, текстовых, О. В. Кириченко выносит на рассмотрение научного сообщества и широкого круга читателей целый комплекс новых идей, связанных с русской этничностью, русской культурой и традицией. Эти идеи взаимосвязаны между собой, подчинены определенной иерархии: этнос и этничность зависят от традиции и традиционности, религии и религиозности, но общим стержнем для этноса и традиции оказывается религия. Но и она, в свою очередь, зависит от традиции и этничности, их материальности и способности быть механизмом воспроизводства сложных социальных форм жизни. Новый подход, обозначенный в монографии, связан, прежде всего, с новой методологией, привязанной к православному мировоззрению. И это любопытный и многообещающий факт, который можно охарактери-

зовать даже не как замену научного материалистического и атеистического мировоззрения другим научным мировоззрением, а как возвращение истории ее подлинного лица. То есть это не методология как таковая, не новая методология, а тот тип работы с первоисточником, артефактом, который присущ, например, художнику-реалисту. Он старается не исказить лика первоисточника, и это основной закон его творчества. Как замечает сам автор, он лишь следует за логикой творцов традиции, этнического бытия, религиозной жизни, где народ (этнос), традиция и религия рассматриваются не «со стороны» как концепт исследователя, а как мировоззрение тех, кто изнутри формирует эти феномены и живет в них. Но мало быть чутким и внимательным к прошлому, надо еще извлечь из этого материала необходимую научную информацию, и здесь важна аутентичная теоретическая модель, позволяющая непротиворечивым образом соединить в одно целое важнейшие феномены, связанные с этносом и этничностью (т.е. традицию и религию). В монографии нам и очевиден авторский опыт подобной теоретической модели.

Книга, безусловно, наполнена и другими смыслами, учитывая ее и объем и число затронутых тем, но в данной рецензии нам представлялось важным определиться с самым важным и интересным, что есть в этой обширной монографии. Энергичный авторский язык вселяет и в читателей оптимизм: собранный и обобщенный материал должен работать на науку, на ее развитие, на взаимодействие разных областей знаний в гуманитарной сфере. И, может быть, самое важное – приятно осознавать то, что с такими трудами (и число их, повторюсь, сейчас растет) в этнологию и историю возвращаются традиции русской школы, рассматривающие науку не отвлеченно, «знания ради знания», а вполне конкретно – для пользы страны, народа, русской традиции.

**MONOGRAPH REVIEW: O. KIRICHENKO. GENERALISSUES
OF ETHNOGRAPHY OF THE RUSSIAN PEOPLE. TRADITION. ETHNOS.
RELIGION. – ST. PETERSBURG: ALETHEYA, 2020. – 958 p.**

© 2020 О.В. Кириченко
текст, фото. Москва, Россия

СЕМИНАР «ПРАВОСЛАВИЕ, ЭТНОС И РУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА». КРАТКИЙ ОБЗОР 20 ЛЕТ РАБОТЫ

Аннотация. Краткий обзор истории семинара включает в себя общую оценку его деятельности за двадцать лет его существования. Семинар появился в Институте этнологии и антропологии РАН как платформа для обсуждения научных идей, концепций, результатов исследований православных ученых и православия, как такового (Церкви, веры, мировоззрения, культуuroобразующего явления и проч.). Междисциплинарный характер его позволил привлечь сюда ученых из разных областей гуманитарного знания: этнографов, педагогов, историков, филологов, искусствоведов, архитекторов; исследователей из светской области мысли и церковной. Ныне семинар начинает решать новые задачи - более проблемного и теоретического характера.

Ключевые слова: научный семинар, православие, русская народная культура, этнос, Русская Православная Церковь, этнография, социальная антропология, педагогика, архитектура, филология, искусствоведение.

Abstract. A brief overview of the history of the seminar includes an overall assessment of its activities. The seminar appeared at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences as a platform for discussing scientific ideas, concepts, research results of Orthodox scholars and Orthodoxy as such (Church, faith, worldview, culture-forming phenomenon, etc.). Its interdisciplinary nature made it possible to attract scientists from different fields of humanitarian knowledge: ethnographers, educators, historians, philologists, art historians, architects; researchers from the secular field of thought and the church. Now the seminar is solving new problems of a more theoretical nature.

Keywords: scientific seminar, Orthodoxy, Russian folk culture, ethnos, Russian Orthodox Church, ethnography, social anthropology, pedagogy, architecture, philology, art history.

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) – главный научный сотрудник ИЭА РАН, доктор исторических наук, главный редактор научного православного журнала «Традиции и современность» / kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 24. С. 137-143.

ISSN 2687-1122 || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 39.215

ББК – 86.372/87.7.

Появление нашего журнала во многом обязано научному семинару «Православие и русская народная культура», существовавшему в Отделе русского народа ИЭА РАН с начала 1990-х годов. Это была инициатива доктора исторических наук **Марины Михайловны Громыко**, человека, имеющего в научном мире известность и авторитет. Ее обширные научные связи помогали собрать круг заинтересованных лиц, точнее сказать, не сразу собрать, а постепенно собирать от семинара к семинару, от докладчика к докладчику. Так складывалось полифоническое пространство междисциплинарного сотрудничества ученых этнографов, историков, филологов, педагогов, искусствоведов, архитекторов, представителей художественной интеллигенции. В ИЭА появились священники, которым было интересно и полезно такое сотрудничество.

Постоянные участники семинара. Слева направо стоят: Т.А. Воронина, К.В. Цеханская, И. Самарина, А.И. Кузнецова, Л.А. Верховская, Г.П. Дурасов, Г.А. Романов, Г.Н. Мелехова. Сидят: М.М. Громыко, А.Н. Стрижев, О.В. Кириченко (2008 год)

Что-то из обозначенного на семинарах переходило потом в разряд научных текстов и публиковалось в ежегоднике «Православие и русская народная культура» (отв. ред. М. М. Громыко), который издавали организаторы семинара. С 1993 по 1996 год вышло шесть выпусков. А с 2002 года участники семинара стали активно сотрудничать с журналом «Традиции и современность». Семинары, несомненно, были незаурядным явлением, живым, оптимистичным, вызывающим большой интерес и внимание в академической среде, интересующейся вопросами

православия глубже и, главное, точнее и благожелательнее, чем они обозначались прежде в религиоведении и курсе атеизма. Православие в жизни народа, его культуре, мировоззрении здесь рассматривалось как смыслообразующая и системообразующая духовность, как корень всего величественного древа русской культуры. И такой подход открывал перспективы и новые горизонты исследования в самых разных областях гуманитарного знания.

На семинар приходили известные педагоги. Среди них, к сожалению, рано ушедший из жизни **Алексей Дмитриевич Червяков** — замечательный человек, хранитель отечественного рукописного наследия и исследователь в различных областях гуманитарных знаний (подробная информация о нем — в №7 журнала).

Из Школы народных искусств императрицы Александры Федоровны в Санкт-Петербурге приезжала команда педагогов во главе с директором, к.пед.н. **Натальей Ивановной Пономаревой** для представления докладов «Духовные традиции отечественного учительства» и «Светское образование и православное воспитание». Из поселка Борисоглебский и села Ивановское Ярославской обл. приезжали **игумен Иоанн (Титов)**, настоятель Борисоглебского монастыря, и директор сельской школы **В. С. Мартышин** (ныне священник о. Владимир) с презентацией ежегодных Всероссийских Иринарховских чтений и рассказом о современных Иринарховских крестных ходах. Многолетнее сотрудничество семинара и журнала с организаторами Иринарховских чтений вылилось в **совместную организацию в стенах Института**

этнологии и антропологии РАН Всероссийской юбилейной научной конференции «Преподобный Иринарх Затворник и государственно-церковные отношения в конце XVI — XVII вв.», посвященной 400-летию преставления преподобного Иринарха (20 сентября 2016 года).

И это не единственное подобное мероприятие. В 2000 году организаторы семинара стали инициаторами и организаторами **Международного научного симпозиума «Православие и культура этноса», который проводился**

в рамках Государственной программы по подготовке встречи третьего тысячелетия и празднования 2000-летия христианства. В подготовке этого масштабного научного симпозиума приняли участие: Институт этнологии и антропологии РАН, Ассоциация этнографов и антропологов России, Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ, Историческая подкомиссия юбилейной комиссии Русской Православной Церкви по подготовке и проведению празднования 2000-летия христианства.

Семинар 2 апреля 2008 г.
А.Н. Стрижев представляет свое пятитомное собрание сочинений

На семинарах присутствовали известный педагог, руководитель гуманитарного направления Всероссийского открытого конкурса юношеских исследовательских работ им. В. И. Вернадского с международным участием **Надежда Владиславовна Свешникова**, а также преподаватель и исследователь Русского Севера **Галина Николаевна Мелехова** (с докладами «Восстановление деревянного храма на Лекшмозере» и «Современные часовни на Рус-

ском Севере: исследование в рамках программы по сакральной топографии»). Установились тесные связи с известным курским педагогом **В. М. Меньшиковым**.

На семинарах мы познакомились и подружился с филологами из Института славяноведения, известными специалистами по народной литературе Польши и Белоруссии **Юрием Андреевичем Лабынцевым** и **Ларисой Леонидовной Щавинской**, знакомились с их глубокими изысканиями по народной паралитургии, Богогласникам, они делились своими научными успехами в области устного народного творчества, рассказывали о почитании святых.

Семинар не раз посещал и выступал на его площадке **Александр Николаевич Стрижев**, замечательный русский писатель, мыслитель, библиограф, агиограф, просветитель в старинном русском значении этого слова. В писательской, художественной области известны его произведения о природе, народном месяцеслове, русском огороде, садоводстве. Востребованы патриотической мыслью его глубокие публицистические, ярко образные статьи по русской культуре, православной русской святости. Его феноменальные познания в области русской классической литературы, включая сотни малоизвестных имен, позволяют ему не только хорошо знать русскую литературную традицию, но выбирать оттуда самое лучшее и интересное и публиковать со своими комментариями. В 1990–2000-е годы в издательстве «Паломник», где он работал редактором и литературным консультантом, было издано огромное количество такой замечательной литературы. Как непревзойденный знаток С. А. Нилуса, он опубликовал лучшее его собрание сочинений, с комментариями и вводными статьями. Также им было осуществлено новое, выверенное, дополненное и прокомментированное издание богословских трудов святителя Игнатия Брянчанинова. Общаться, беседовать с Александром Николаевичем всегда было огромное удовольствие, радость и польза. Посещая наш семинар, он блистал знанием русской этнографической мысли, от этнографов XIX в. до советского классика Чичерова. На одном из заседаний А. Н. Стрижев презентовал свое пятитомное собрание сочинений.

Доктор филологических наук **Иван Андреевич Есаулов**, авторитетный ученый, известный специалист по «загадкам русской литературы», ее внутренней символике и тайнописи смыслов произведений, представлял на наших семинарах свои первые книги: «Пасхальность

русской словесности» и «Категория соборности в русской литературе».

На долгие годы участником семинара стала **Людмила Александровна Верховская** (позже ставшая монахиней Зосимой), занимающаяся родовой культурой и историей женской Зосимовой пустыни, замечательная исследовательница и автор нашего журнала.

На семинаре выступала академик Российской академии художеств, д.иск.н. **Мария Александровна Некрасова** — с докладом о керамической иконе. Позже она стала постоянным автором и научным экспертом журнала. Творческая дружба с этим прекрасным человеком и специалистом всегда приносит радость и воодушевление.

К когорте искусствоведов принадлежит и к.иск.н., сотрудник Института всеобщей истории **Наталья Тимуровна Энеева**, не раз выступавшая на семинаре со своими яркими, парадоксальными сюжетами о ветхозаветном царе Давиде, с докладом о священномученике о. Александре Звереве.

Отдельным событием было появление на площадке семинара архитекторов, занимающихся вопросами символики. Среди выступавших:

к. арх. н. **Татьяна Николаевна Кудрявцева** (доклады «Религиозная символика православных храмов» и «Русский иконостас»), к. арх. н. **Наталья Николаевна Чугреева** («Почитание Табынской иконы Божьей Матери в Оренбургском крае»), к. арх. н. **А. Павлова** («Участие старцев в архитектурной программе императора Николая I по строительству соборов в губернских городах» и «Ситуация с состоянием фресковой живописи в закрытых храмах Тверской обл.: по результатам экспедиций»), **Роман Владимирович Багдасаров** («Символика иконы Страшного Суда в русской традиции», «Козьма Индикоплов и византийская хронографическая традиция представления потустороннего мира» и «О росписи храма святителя Николая в Бари русскими иконописцами»), **Т. Петрова** («Пещерные монастыри России» и «Почитание апостола Андрея Первозванного на Руси»).

Григорий Александрович Романов несколько раз представлял на семинаре интересные, профессионально подготовленные доклады (по истории «Шумаевского креста»; о почитании Богородицы и святителя Николая; о крестных ходах), делал презентацию своей книги, посвященной крестным ходам в России.

Семинар 28 января 2009 г.
Доклад Г.А.Романова
«Символика Шумаевского креста».

На семинаре присутствуют
руководитель семинара
О.В. Кириченко,
М.М. Громыко,
А.Н. Стрижев,
П. Ажинов, И.А. Кремлева,
А. Павлова, Т.А. Листова
и другие

Все вышеперечисленные имена, связанные с областью архитектуры, были прямо или косвенно связаны с именем замечательного архитектора и мыслителя **Михаила Петровича Кудрявцева**, автора книги «Москва — Третий Рим» — о сакральной символике древнерусской архитектуры.

На семинаре выступал с докладом «Почитание подвижников благочестия на Смоленской земле» и постоянный автор журнала, этнограф и агиограф **Геннадий Петрович Дурасов**, яркая творческая личность и неутомимый исследователь, создатель величественного народного музейного комплекса, посвященного схимонахине Макарии (Артемьевой), строитель деревянного храма там же, автор «Истории Болдина монастыря», книг о народном искусстве, опубликовавший в журнале уникальную переписку с мастером народной глиняной игрушки Ульяной Бабкиной.

Организаторы семинара приглашали для выступлений **прот. Александра Кузина**. Одна из тем: «Особенности существования православия в народной среде в советское время».

Отец Георгий Павлович и директор издательства «Отчий дом» М. Е. Шкатов выступили с докладом, посвященным изданию литературы о Дивеевском монастыре, а также вопросу о ревизии дивеевского предания.

Семинар 9 марта 2007 г. Докладчик иерей Георгий Павлович. Тема «Дивеевское предание сегодня».

На фото: Х.В. Поплавская, М.М. Громько, Л.А. Верховская, о. Георгий, К.В. Цеханская, Г.Н. Мелехова, Т.А. Листова, М.А. Некрасова

Прот. Александр Ильяшенко представил доклад «Динамика численности и потерь наполеоновской армии в Отечественной войне 1812 года».

Несколько раз на семинаре заслушивались доклады святотихоновцев. Выпускник

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета **Алексей Александрович Ажинов** (в то время преподаватель Тайваньского университета) рассказывал о христианстве в Южном Китае. Работая в Тайване преподавателем, он внимательно относился к религиозной жизни тайваньцев, наблюдал за их психологией, этническими стереотипами. Доклад изобилует множеством интересных и важных наблюдений, особенно касающихся глубины понимания друг друга представителями двух разных традиций и культур.

Семинар 7 мая 2009 г.
Докладчик — преподаватель Тайваньского университета А.А. Ажинов.
Тема «Восприятие христианства современными тайваньцами»

Другой докладчик из ПСТГУ — **А. И. Ткалич** — выступил с докладом «Возрождение православия и межэтнические отношения: на примере Чукотского автономного округа в 1990-е - 2000-е годы».

Преподаватель, профессор, замдекана миссионерского факультета ПСТГУ **Андрей Борисович Ефимов** выступил у нас с презентацией своей книги «Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви».

Участникам семинара запомнились яркие выступления на нескольких семинарах преподавателя из Франции **Андрея Владимировича Рачинского** и его содокладчика кандидата геолого-минералогических наук **Александра Евгеньевича Федорова** об архаичной символике русских храмов, а также о религиозности

французской наполеоновской армии и ее военачальников. Участникам были представлены редкие (для русского читателя) материалы из французской историографии. Выступление по символике храмов вызвало бурную дискуссию, поскольку автор фактически предлагал отказаться от привычно хрестоматийного тезиса о византийских корнях русской церковной архитектуры. Однако многие аргументы авторов доклада выглядели убедительными и неоспоримыми. Позже авторы выпустили книгу, посвященную этому вопросу.

К. и. н. **Михаил Вадимович Мальцев** (ныне священник Михаил) сделал интересный доклад «Почитание архистратига Михаила на Руси: по историческим источникам».

За время существования семинара было много докладов представителей Отдела русского народа ИЭА РАН, посвященных итогам полевых изысканий по программе этнографических исследований «Православие и русская народная культура», где слушатели могли ознакомиться с современным этнографическим материалом, народным благочестием, узнать

Семинар 27 октября 2015 г. Докладчики: профессор А.В. Рачинский и к.г.-м.н. А.Е. Федоров. Тема «Русская Православная церковь — хранительница древних художественных традиций»

об особенностях церковной жизни в российской глубинке, понять тенденции развития православной религиозности и религиозной мысли. Здесь выступали к. и. н. **Татьяна Александровна Листова**, **Ирина Андреевна Кремлева**, д. и. н. **Татьяна Андреевна Воронина**, к. и. н. **Станислав Викторович Кузнецов**, д. и. н. **Кира Владимировна Цеханская**, к. и. н. **Анастасия Игоревна Кузнецова**, д. и. н. **Олег Викторович Кириченко**.

Семинар и сегодня является площадкой для презентации научных разработок и изданий. И здесь можно назвать презентацию коллективной монографии сотрудников Отдела русского народа **«Идеалы и паллиативы в русской народной культуре»** (2019 год) и выступление докторанта ИЭА РАН к. и. н. **Дмитрия Юрьевича Степанова** (2020 год) «Этническое самосознание православного населения России в последней трети XVII — начале XVIII в.», в котором были представлены результаты многолетних исследований, опубликованные в начале 2020 года в одноименной монографии.

Более десяти лет семинаром руководила М. М. Громько, потом руководство перешло к О. В. Кириченко. В настоящее время семинар продолжает свое существование с названием «Православие, этнос и русская народная культура». Несколько изменились его задачи, поскольку изменилось само время, сами знания о православии стали другими. На первый план выходит проблемная тематика, хотя сохранился высокий рейтинг книжных презентаций и новостного жанра. Говорить о православии стало сложнее, все чаще докладчики стали обращаться к современности и к советской эпохе, где, несомненно, для исследователя находится много подводных камней, из-за чего прямолинейная оценка этой эпохи сильно искажает историческую реальность. У семинара хорошие перспективы, поскольку он выходит на новый уровень: появилось много новых лиц, много новых идей, и даже возможностей вести научный диалог стало больше. Новый сайт журнала яркое тому подтверждение.

Организаторы семинара приглашают новых докладчиков и гостей. Заявку можно оставить через представленные на сайте контакты.

SEMINAR “ORTHODOXY, ETHNOS, AND RUSSIAN NATIONAL CULTURE”. SUMMARY OF 20 YEARS OF WORK

